Стефани Лоуренс
Виктория Александер
Рэйчел Гибсон

Прикоснись ко мне нежно

Клуб семейного досуга

Прикоснись ко мне нежно (сборник)

Рэйчел Гибсон, Стефани Лоуренс, Виктория Александер

Аннотация
Стефани Лоуренс, Виктория Александер, Рэйчел Гибсон. Прикоснись ко мне нежно (сборник)
Стефани Лоуренс. Скандальный лорд Деа
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Виктория Александер. Последнее любовное письмо
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая

Глава десятая
Рэйчел Гибсон. Отныне и навсегда
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая

Аннотация

Известный сердцеед лорд Деа устал от балов и приемов и решил уехать в родное поместье. Но сильная метель замела все следы и привела заплутавшего виконта в дом красавицы Эбби. Когда-то давно они были близки, однако лорд не догадывался, что девушка все эти годы любила его. Былые чувства вспыхнули вновь…

В издание также вошли романы Виктории Александер «Последнее любовное письмо» и Рэйчел Гибсон «Отныне и навсегда».

Стефани Лоуренс, Виктория Александер, Рэйчел Гибсон
Прикоснись ко мне нежно (сборник)

Stephanie Laurens
Secrets of a Perfect Night
Scandalous Lord Dere

Victoria Alexander
The last Love Letter

Rachel Gibson
Now and Forever

Scandalous Lord Dere © Savdek Management Proprietary Limited, 2000
The Last Love Letter © Cheryl Griffin, 2000
Now and Forever © Rachel Gibson, 2000
© DepositPhotos.com / ra3rn, yoka66, обложка, 2015
© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2015
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2015

* * *

Ночь, когда он говорит «Я люблю тебя», – идеальная ночь

Стефани Лоуренс

От ее великолепной чувственности у меня захватывает дух.

Лиза Клейпас

Все, что мне нужно, – это ее имя на обложке, и я, несомненно, куплю эту книгу.

Линда Говард

Виктория Александер

Сердечная, остроумная и мудрая.

Джулия Квинн

Рэйчел Гибсон

Потрясающе прекрасна!

Сьюзен Андерсон

Три романтические истории… от трех незабываемых авторов

Стефани Лоуренс. Скандальный лорд Деа

Глава первая

Новый год, 1823

После новогоднего бала у Кавендиш-Мэтьюзов Эдриан Эндрю Деа, шестой виконт Деа, зарекся иметь дело с женщинами. С него было довольно — как в прямом, так и в переносном смысле.

Придержав на повороте своих вороных коней, Эдриан сделал глоток морозного воздуха и затем выдохнул — его дыхание мгновенно превратилось в пар.

— Вот он. — Кучер Болт, сидя на козлах, мотнул головой в сторону дорожного указателя.

Эдриан кивнул. Хотя уже давно миновал полдень, землю еще не отпустил утренний мороз. Болт, ведя двуколку по дороге на юго-восток, придерживал лошадей, пуская их осторожным шагом.

Несмотря на погоду, Деа был полон решимости продолжать путь. С каждой оставленной позади милей он чувствовал себя лучше, словно тиски, сжимавшие его грудь так давно, что он уже позабыл об этом, наконец-то разжались. Будто упал с его плеч тяжелый груз.

Прошлой ночью к концу бала он был сыт по горло неимоверной скукой и немалым отвращением. Если бы существовала корона Первого Любовника Страны, он мог бы полноправно претендовать на нее — да что там, скорее всего, она была бы преподнесена ему на подушке из пурпурного шелка. И несмотря на то что осторожность, абсолютная и непоколебимая, была его девизом на протяжении многих лет, в свет просочилось достаточно слухов о его мастерстве и опыте. Бóльшая часть этих слухов была чистой правдой, что не оставляло места для сомнений в том, из каких источников появлялась информация. Поэтому среди дам возникло соревнование за право наслаждаться его вниманием, и за последние несколько лет у него не было недостатка в приглашениях в постель.

Что само по себе плохо. И на балу у Кавендиш-Мэтьюзов ситуация лишь ухудшилась.

Преследующие амурные цели леди кружили вокруг Эдриана весь вечер, заставляя его чувствовать себя загнанной в угол жертвой. Такая перемена ролей была ему не по вкусу, ведь в его представлении это *они* были жертвами, а он — охотником. Но в последние дни было совсем иначе. Женщины, которые подкарауливали его,

устраивая многочисленные засады, делились на две категории — большинство из них составляли замужние дамы, единственной целью которых было проверить подлинность слухов, чтобы впоследствии заявлять о том, что и у них был подобный опыт. Сии дамы сражались за благосклонность Эдриана с юными девами, желающими поймать его в брачные сети. Их расчетливый взгляд привлекали его титул и деньги, а вовсе не его характер или внешность.

Довольно. *Более* чем довольно. Настало время изменить свою жизнь и увести корабль на глубоководье.

Эдриан усмехнулся. В последние годы его жизнь все более и более мельчала. Сегодня ему исполнилось тридцать. И чего он к этому времени достиг? Ничего. Куда вел его жизненный путь? Эдриан понятия не имел, но был решительно настроен изменить его направление.

В настоящий момент его двуколка катила по дороге, ведущей в Эксетер. Эдриан покинул усадьбу Кавендиш-Мэтьюзов, лежавшую неподалеку от Гластонбери, ранним утром, пока блистательные леди еще нежились в своих постелях. Никто не разделил с ним ложе, что немало озадачило и даже несколько разочаровало общество. Ведь

он-то там был, верно? От Деа ожидали, что он, к вящему удовольствию публики, подтвердит свою скандальную репутацию. А публика — Эдриан знал об этом не понаслышке — бывала очень требовательной.

Ну, теперь они могли требовать чего угодно — больше он в их игры не играет.

Вокруг простиралась тихая сельская местность, пятнистое серо-коричневое полотно. Голые ветви деревьев и участки промерзшей земли контрастировали с покрывавшим землю снегом. Путь был неблизкий, но Эдриан знал дорогу как свои пять пальцев.

Он ехал домой.

Эдриан не был в Беллевере семь лет — с тех самых пор, как похоронил отца. Сейчас дом детства казался ему призраком. Светлые, счастливые воспоминания были омрачены памятью о бесконечных распрях в последние годы жизни отца, который не мог ни принять свободолюбивого духа сына, ни противодействовать ему. Бесплодные попытки направить наследника на путь истинный встречали ожесточенное сопротивление и привели к тому, что отец и сын все больше отдалялись друг от друга. Теперь Эдриан мог признать, что боль от их разрыва была так же сильна,

как и возмущение, вызываемое попытками отца держать его в узде и как-то изменить его характер. Отец потерпел неудачу, но, в конце концов, и сам Эдриан тоже. Беллевер стал олицетворением этой неудачи. Деа запер дверь, развернулся и покинул этот дом — дом своих предков, — обрекая его на обветшание.

Настало время вернуться. Время восстановить все, собрать осколки той жизни, что была раньше, и начать все сначала.

И посмотреть, что может получиться на сей раз из этой попытки.

Из всех приглашений, присланных Эдриану на Новый год, он выбрал Кавендиш-Мэтьюзов по той простой причине, что их усадьба была ближе всего по дороге в Дартмор. С самого начала он намеревался, покинув ее, следовать на восток, однако не собирался выезжать именно сегодня — сразу после бала, в первый день нового года.

Но, с другой стороны, можно ли найти более подходящее время, чтобы начать все заново, чем день, когда впереди весь год? К тому же это был день его рождения — начало четвертого десятка его жизни, — и Эдриан мог лишь надеяться на то, что последующие годы будут наполнены бóльшим смыслом. Он ехал, а в голове у него

крутились планы, надежды и воспоминания.

Эксетер, а потом и долгий подъем по дороге через болота остались позади, когда Болт наклонился и проревел Эдриану на ухо, перекрикивая шум ветра:

— Не нравится мне это!

До этого момента Эдриан не смотрел на дорогу, но сейчас поднял глаза и чертыхнулся, шумно выдохнув. Тяжелые тучи клубились впереди, закрывая горизонт, призрачная серо-белая мгла заволакивала небо. И Эдриан, и Болт родились и выросли в Дартморе, и оба знали, что им предстоит.

— Черт!

Эдриан встревожился. Их двуколка уже повернула к Видеркомбу, небольшой деревне, за которой находился Беллевер, и сейчас была равно удалена от четырех небольших селений. У путников не было шансов отыскать укрытие где-нибудь еще.

— Ничего, придется ехать дальше.

— Ага. — Болт поежился от ветра. — И молиться.

И они молились. Оба. Они знали, какими коварными бывают болота, особенно зимой. Снег покрывал их все более толстым слоем, мела ме-

тель, и отыскать дорогу становилось все труднее. Тучи опускались ниже, закрывая свет. Похолодало.

Эдриан сосредоточился на том, чтобы вести вороных прямо. Он старался не терять дороги в этой белой метели, вглядываясь вдаль в поисках каких-либо ориентиров. Холод пробирал до костей. Эдриан даже сквозь теплый плащ чувствовал леденящие касания ветра. Он не носил шапки, и его голова была покрыта снегом, за что Деа был почти благодарен — хоть какая-то защита от мороза.

Они погибнут, если не отыщут убежища, но до Маллард-Коттеджа, расположенного на окраине Видеркомба, было еще более мили. Лошади еле ползли, но, несмотря на огромное желание подгонять их, Эдриан сдерживался — если они собьются с дороги, это будет означать верную смерть. Единственным выходом было продолжать ползти вперед — и молиться.

Когда они наконец разглядели на горизонте крыши Видеркомба-на-Болоте, едва различимые сквозь снегопад, Эдриан не смог сдержать вздох облегчения. Дальше дорога шла под уклон, и он разглядел пару невысоких каменных стен, отмечающих безопасный путь. Теперь надо было

просто ехать — и не сбиться с этого пути.

Было бы куда проще идти пешком, но руки Эдриана, даже несмотря на кожаные перчатки, буквально примерзли к вожжам, ставшим тяжелыми от налипшего снега. С каждой минутой лошади слабели. И Болт уже давно перестал разговаривать. Переведя дух, Эдриан пустил лошадей под уклон.

Обе лошади были объезженными и опытными, да и подковали их совсем недавно. Чуть придерживая их, Эдриан позволил животным самим выбирать путь вниз. Каждый фут казался милей, каждый ярд — вечностью, но все же они медленно двигались под уклон.

Внизу дорогу пересекал мелкий ручей, который нужно было переходить вброд. Едва лошади вышли на ровную поверхность, как Эдриан повел их туда, где, насколько он помнил, находился этот брод.

Лишь в последнее мгновение, вглядываясь вперед сквозь кружащий снег, он понял, что ошибся.

Экипаж накренился, его колеса заскользили по обледенелым камням. Тишину разорвал громкий треск. Лошади заржали и дернулись вперед, поворачивая двуколку боком.

— Болт! Прыгай! — Эдриан держал поводья до последнего момента, а затем и сам спрыгнул с переворачивающегося экипажа.

Он приземлился в сугроб.

Судорожно дыша, Эдриан стал выбираться, отплевываясь от снега, но тут услышал грохот — двуколка упала на каменистое дно ручья, и одно ее колесо вращалось в воздухе.

Лошади все еще тянули экипаж, запутавшись в упряжи. Нашептывая им ласковые слова, Эдриан, поднявшись на ноги, выбрался из снега. Земля обледенела — было настоящим чудом, что им удалось проехать так далеко.

— Болт?

Ответа не последовало. Эдриан вслушивался, но, кроме завываний ветра, не смог уловить ни звука. Он вглядывался в снежную метель, но ничего не видел. И он начал искать.

Эдриан нашел своего верного кучера на другой стороне брода — тот лежал в снегу лицом вниз. Так же, как и его хозяин, Болт прыгнул в ближайший сугроб. К сожалению, под сугробом скрывался огромный камень. Дрожащими замерзшими руками Эдриан проверил, жив ли его слуга, — и облегченно вздохнул, когда понял, что Болт дышит. Благодаря холоду кровотечение из

раны на голове почти прекратилось.

Однако Болт был без сознания.

Эдриан видел отсюда дома Видеркомба — до них было еще полмили. Он смог разглядеть Маллард-Коттедж. Старая мисс Трив приютила бы его и Болта. Все, что им оставалось делать, — это попытаться добраться туда.

Им с Болтом (и лошадьми, ведь Эдриан не собирался оставлять их умирать) нужно было подняться вверх по обледенелому склону. К счастью, глубокий снег облегчал эту задачу.

У Эдриана не было времени на раздумья — чем дольше они оставались среди снежной бури, тем больше шансов у них было стать ее жертвами. Если он потеряет сознание в футе от двери коттеджа, все будет напрасно — это столь же верная смерть, как если бы они остались здесь. Фут или миля, буре все равно.

Взвалив на себя тело Болта, Эдриан перенес его через брод и положил на сугроб. Затем распряг лошадей, непрерывно бранясь, — обледенелая упряжь и собственные замерзшие пальцы сделали эту задачу невероятно сложной. Но наконец ему это удалось. Эдриан привязал поводья к руке и снова поднял Болта.

И пошел вперед.

Эдриан не мог сказать, сколько времени он преодолевал последнюю полумилю. Лед, скрывавшийся под снегом, делал путь чрезвычайно опасным, и даже лошадям приходилось трудно.

Но он не сдавался — остановиться означало умереть, даже если это будет совсем небольшая передышка. Удерживая Болта замерзшей рукой, Эдриан продолжал тащить его за собой. Болт был гораздо ниже ростом, чем его хозяин, но более коренастый, и весили они почти одинаково, поэтому нести его было настоящим испытанием.

Шаг за шагом… Эдриан перестал задумываться о том, сколько он уже прошел, ведь у него была одна цель — добраться до места… Выжить.

Он так сильно замерз, что чувствовал боль во всем теле.

Когда у Эдриана уже не осталось сил на то, чтобы поднимать ноги, он стал волочить их по земле.

Он отказывался думать о смерти.

Он думал о матери, об отце…

Пошатнувшись, Эдриан налетел на указатель. Снег, покрывавший его, осы́пался, и стала видна сделанная зеленой краской надпись. Тяжело дыша, Эдриан с трудом поднял голову, отчего ледяная корка на затылке хрустнула.

Сквозь метель виднелся теплый свет в окнах. Они добрались до Маллард-Коттеджа.

Но все еще не дошли до двери.

Ворота были закрыты, у входа лежали сугробы. Эдриану пришлось положить Болта на землю и отвязать поводья от руки. Деа обмотал их вокруг столбика ворот. Он по-прежнему был сосредоточен.

Ему пришлось собрать остатки сил, чтобы открыть ворота, — навалившись на них всем весом, Деа упал на колени, успев подставить руки. Сквозь перчатки Эдриан почувствовал ведущую к двери дорожку. Остатки сил ушли на то, чтобы заставить себя подняться, взвалить на спину Болта и, едва волоча ноги, потащиться к двери.

Эдриан споткнулся о ступеньку крыльца, скрытую под снегом, и упал. Со всех сторон подступала тьма, которую он мысленно отгонял прочь. Бранясь про себя — что угодно, лишь бы не потерять сознание, — он потянулся вверх, касаясь дерева пальцами, которые уже ничего не чувствовали. Опираясь на стену, Эдриан поднялся на ноги и дернул шнурок дверного звонка.

И мысленно поблагодарил Бога, когда звонок зазвонил.

Внутри послышался звук торопливых шагов,

из окошка над дверью заструился свет. Эдриан зашатался, крепче прижимая Болта к себе, — и наконец услышал, как щелкнул замок.

Дверь открыла женщина с огненно-рыжими волосами.

«Это не мисс Трив…» — вот все, что подумал Эдриан.

Затем он услышал удивленный вздох. Худощавая женщина вышла вперед.

— Эдриан?

Он узнал ее голос, ее глаза, ее волосы — но все остальное изменилось. Он отвел взгляд, а затем с трудом заставил себя снова посмотреть ей в лицо.

— Я ехал домой… — Он удивленно уставился на нее.

Это было уже слишком. Эдриан сделал шаг и понял, что падает. Его сознание окутала тьма, и он свалился к ногам милой женщины, которая восемь лет назад, будучи еще невинной девушкой, соблазнила его.

Эбигейл Вулли чертыхнулась, нагнувшись над лежащими телами.

— Помоги мне занести их внутрь.

Ее горничная Агнесс наклонилась к ней.

— Боже милостивый! Неужто это и вправду

лорд Деа?

Эбигейл перевернула его на спину, дала знак Агнесс взять его за плечи, а сама подняла за ноги.

— И он может стать последним лордом Деа, если мы как можно быстрее не занесем его внутрь.

— Том, иди сюда, парень! — Агнесс наклонилась и подняла Эдриана за укутанные плащом плечи. — Уфф… — Она тяжело выдохнула, поднимая его тело. — Он не легкий…

Эбби ничего не ответила: она была занята тем, что переносила через порог тело, которое казалось мертвым. Ее грудь сдавило так, что она едва могла дышать. Они уложили Эдриана на ковер в гостиной. Из кухни выбежал Том. Агнесс прикрикнула на него и велела перенести второго мужчину.

Эбби опустилась на колени возле головы Эдриана. Она попыталась убрать волосы с его лба, но обнаружила, что они заледенели.

— Тетя Эсме!

— Да, дорогая? Боже милосердный! — Худая и сутулая, Эсме остановилась в проходе, уставившись на лежащее на полу тело. — Это *Деа*?

— Да, а это, я полагаю, его кучер. — Эбби указала рукой на человека, которого как раз внесли в комнату Том и Агнесс. — Помнишь Болта?

— О, несомненно. — Эсме поглядела на мужчину, который был ниже ростом. — Мне было интересно, остался ли он с Деа.

Эбби удалось стянуть с Эдриана перчатки. Она принялась растирать его замерзшие руки. Они были белее снега, холоднее самой смерти.

— Нужны нагретые камни и горячая вода — да побольше.

Эбби поднялась на ноги, пока Агнесс закрывала входную дверь.

Том, худой, неуклюжий шестнадцатилетний парень-слуга, переступал с ноги на ногу у двери.

— Там лошади, мисс… Они привязаны к воротам. Мне их забрать?

— Да, сделай это. — Эбби посмотрела на человека, лежащего у ее ног. — Они, наверное, стоят целое состояние.

— Я позабочусь о них. — Том выскользнул за дверь.

Эбби подняла голову.

— Поставь их в конюшню и сразу же возвращайся, Том. Понадобится твоя помощь, чтобы поднять этих господ наверх. Нельзя терять время, нужно побыстрее их согреть.

— Это точно. — Агнесс, осматривавшая Болта, поднялась на ноги. — У этого, кроме того, что он

насквозь промерз, огромная дыра в голове.

— Я поставлю чан. — Эсме направилась в кухню. — Принесите их одежду вниз — я повешу ее у огня.

Агнесс повернулась к Эбби.

— Где мы их положим? Не можем же мы раздевать виконта в холле.

Эбби повернулась.

— Бренди. Это должно помочь.

Ей и самой хотелось сделать глоток. Эдриан, в ее доме, замерзший до полусмерти, — все это не укладывалось у нее в голове. Взяв графин с полки в гостиной, она поспешила обратно в холл. Агнесс исчезла. Открывая графин, Эбби вздохнула. Она окинула взглядом крупное тело, лежавшее на полу в ее холле, и ей вдруг стало неуютно, словно хаос проник в ее дом и стены вот-вот начнут сжиматься. Вода ручьями стекала с незваного гостя, впитываясь в ковер и образовывая лужицы на полированном паркете.

— Вот. — Агнесс вернулась с двумя мерными стаканами. — Так будет проще.

Эбби плеснула в каждый стакан добрую порцию спиртного и отставила графин в сторону. Пока Агнесс занималась Болтом, Эбби присела возле Эдриана, приподняла его за плечи и поло-

жила его голову себе на колени. Склонившись над виконтом, она осторожно попыталась влить немного бренди в его замерзшие губы. Казалось, ей это удалось. Она влила еще немного, а затем потянула за шарф. Он весь смерзся, но там, где лед уже оттаял, был мягким и влажным.

— Никакого проку. — Агнесс поднялась на ноги. — Он не приходит в сознание. — Она повернулась к Эбби. — Так в каких комнатах мы их положим?

— Думаю, каморка рядом с твоей комнатой подойдет для Болта — можем перенести туда старую лежанку. А лорда Деа лучше разместить в комнате рядом с моей. Нужно будет ночью проверять их состояние.

— И то верно. — Агнесс повернулась к ступенькам. — Я постелю.

Эбби рассеянно кивнула, не сводя глаз с Эдриана. Она налила еще бренди, потом снова попыталась ослабить шарф. И ее усилия были вознаграждены — он сделал глоток.

— Вот, выпей еще.

Она опять поднесла стакан к его губам. На этот раз они разомкнулись, и когда она убрала стакан, лорд облизнул потрескавшиеся губы. Когда Эбби вновь поднесла к ним стакан, Эдриан сделал

уже более уверенный глоток, а затем его веки дрогнули.

Концом шарфа Эбби нежно отерла его брови и ресницы от налипшего льда.

Глаза Эдриана открылись. Он взглянул на нее.

— Эбби?

Ей понадобилось время, чтобы прийти в себя. Прошло семь лет с тех пор, как она видела эти глаза так близко — достаточно близко, чтобы попасть под их влияние. Это были янтарные глаза хищника, все еще сохраняющие свою силу.

— Да, это я… — наконец смогла ответить Эбби. Затем, понимая причину его растерянности, добавила: — Теперь я здесь живу.

Она снова поднесла стакан к его губам, и Эдриан сделал еще один глоток.

— Сесть сможешь?

Не дожидаясь ответа, она потянула его вверх, не обращая внимания на мокрые пятна на своей юбке. Она помогала ему подниматься, пока он не сел. Но без ее поддержки Эдриан все еще с трудом удерживал равновесие.

Эбби нахмурилась.

— Нужно снять с тебя плащ. Он почти весь обледенел.

С помощью Эдриана Эбби в конце концов уда-

лось стянуть с него длинный, богато украшенный серо-коричневый плащ. Одной рукой она отбросила плащ в сторону. Визитка Эдриана тоже была покрыта льдом.

— И это придется снять.

Следовало снять также и всю остальную промерзшую одежду.

— Дай мне сначала еще бренди.

Эбби выполнила эту просьбу. Эдриан взял у нее стакан, но, пока он пил, ей пришлось придерживать его, прижавшись к его спине и положив руку ему на грудь. Она знала, что он — его мускулистое тело — сейчас чувствует, ощущала исходящий от него холод.

Вошел Том, и Эбби махнула ему рукой, указывая на лестницу.

— Разожги огонь в комнате, которая находится рядом с моей. Да пожарче.

Том поспешил наверх, и Эбби снова обернулась к Эдриану.

Он протянул ей пустой стакан.

— Хорошо. Давай попробуем.

Снять его элегантную визитку было куда сложнее, чем плащ, — Эбби была рада, что Эдриан пришел в себя и мог ей помочь, потому что в одиночку ей это было бы не под силу. Когда она

вполне резонно предложила (в тот момент, когда он наполовину выпутался из визитки), что, возможно, им просто стоит ее разрезать, Эдриан коротко заметил:

— Шлутц мне голову оторвет.

— Плевать, — ответила она. — Кем бы этот Шлутц ни был.

Эдриан рассмеялся.

— Это святотатство…

Он продолжал возиться с визиткой, и наконец ему удалось стянуть ее, не повредив, хотя эти усилия и утомили его.

— Сюда. — Подталкивая и подтягивая его, Эбби усадила Эдриана к стене, позволив ему опереться на нее спиной.

— Спасибо. — Он прикрыл глаза.

Эбби была вне себя от тревоги — он был таким холодным, таким бледным. Таким слабым.

— Выпей еще бренди. — Она взяла графин и снова наполнила стакан, вложив его лорду в руку. — А я займусь твоей комнатой.

Она помчалась вверх по ступенькам, не в силах выбросить из головы его смертельно-бледное лицо. Эбби согрела подушки у огня и застелила постель, а затем в поисках Агнесс поспешила к лестнице, ведущей на чердак. Том только что

закончил разводить огонь в небольшом камине в каморке. Агнесс подтащила кровать настолько близко к огню, насколько это было возможно.

— Нужно следить, чтобы она не загорелась.

Эбби окинула быстрым взглядом комнату и кивнула.

— Давай поможем им дойти.

Втроем они спустились вниз.

— Думаю, — сказала Эбби, взглянув на Эдриана, — что если вы вдвоем понесете Болта, то я помогу лорду Деа.

Агнесс взглянула на него и кивнула.

— Хорошо. Только смотрите, чтобы он не упал со ступенек. И вы тоже.

— Буду осторожна.

Оставив Агнесс и Тома помогать Болту, Эбби подошла к Эдриану. Он все еще сидел, прислонившись к стене, с закрытыми глазами, а рядом стоял пустой стакан. Его рубашка промокла и липла к телу, подчеркивая мощную мускулатуру.

— Как Болт? — прошептал лорд, когда Эбби присела рядом с ним.

— Все еще без сознания. Сейчас они отнесут его наверх. — Женщина нежно сжала его руку. — Как ты думаешь, если я тебе помогу, ты сможешь подняться по ступенькам?

Медленно подняв веки, Эдриан посмотрел ей в глаза, а затем перевел взгляд на лестницу.

— Хм… — Его губы дрогнули, брови слегка опустились, но лицо лорда онемело, и ему не удалось нахмуриться. — Не попробуем — не узнаем.

Первая же задача — поднять его на ноги — едва не оказалась непреодолимой. Только когда Эбби подставила Эдриану плечо и взвалила его руку на свои плечи, крепко держа ее, он смог подняться — и тут же они оба зашатались. Эбби была рада, что никто не видел, как они тащатся через холл, точно пара пьяных танцоров.

— А я ведь никогда не танцевал с тобой, да, Эбби? — улыбнулся Эдриан, взглянув женщине в лицо, когда они подошли к лестнице.

— Да, никогда. — Она отвернулась. — А теперь сосредоточься на ступеньках.

Эдриан взялся рукой за перила, к облегчению Эбби, перенеся на них часть своего веса. Им предстояло преодолеть десять ступенек до площадки, а потом еще десять до второго этажа. Серьезное испытание.

На первом же шаге Эдриан остановился.

— Знаешь, я еду в Беллевер.

— Ты говорил, что едешь домой. — Эбби попыталась помочь ему, но одной ей было его не

сдвинуть.

— М-м… Да, верно. Домой.

Эдриан соблаговолил сделать еще один шаг и остановился. Эбби бросила на него пронзительный взгляд.

— С меня довольно, знаешь ли…

— Довольно чего? — Она тоже остановилась, решив, что ему лучше самому выбирать темп.

— Их. — Эдриану было явно тяжело сфокусировать взгляд на ее лице. — Знаешь, как они меня зовут?

— Я знаю, что тебя прозвали «Скандальный лорд Деа».

Его губы изогнулись в горькой улыбке.

— Скандалы — это все, до чего им есть дело, тебе это известно?

— Могу себе представить.

Эбби помогла ему сделать еще один шаг. Затем еще один. Она уже начала надеяться, что они смогут дойти без остановок, но тут Эдриан пошатнулся и едва не упал в ее объятья. Только то, что он схватился за перила, уберегло его от падения.

— Гарпии! Все они…

Он взмахнул рукой. Эбби пришлось пригнуться, а затем она снова — сильнее — ухватилась за него. Его рубашка выбилась из брюк, делая

Эдриана похожим на дикаря.

— Осмелюсь заметить, тебе следует подняться наверх.

— Именно это мне все и говорят! — с напускным спокойствием кивнул он, сосредоточившись на следующем шаге. — Поднимайтесь наверх, в мой будуар, в мою спальню, в мою кровать. Придите в мои объятия, в мое…

– *Эдриан!* — Эбби почувствовала, что краснеет. — Не надо рассказывать мне это.

Повернув голову, он взглянул на нее с озадаченным выражением лица.

— Но я всегда обо всем рассказывал тебе, Эбби.

И этот растерянный взгляд неожиданно нашел отклик в ее сердце.

— Это было раньше, — нежно сказала она. — А сейчас нам нужно подняться наверх.

После секундного колебания Эдриан двинулся дальше. Эбби даже сквозь рубашку видела, что его мышцы по-прежнему скованы холодом, и, хотя он и мог двигаться, тело плохо слушалось его.

Они достигли площадки, преодолев полпути, и ступили на следующий пролет, когда Эдриан внезапно замер, обернувшись к Эбби, вырвался из ее объятий и пошатнулся, едва не упав через перила.

Эбби вскрикнула и схватила его — он поймал ее свободной рукой, притянув к себе. Они пошатнулись, но через мгновение обрели равновесие.

— Ты ведь не такая, как они, да, Эбби?

Ее горло сжалось, и она не могла произнести ни слова, лишь молилась про себя и радовалась тому, что перила достаточно крепкие, чтобы выдержать их вес.

— Ты мой друг… Всегда им была… Тебе не нужно от меня ничего, в отличие от них.

Уткнувшись головой в его плечо, Эбби закрыла глаза, слишком напуганная, чтобы отвечать.

Затем она почувствовала, как он коснулся носом ее волос. Эдриан глубоко вдохнул.

— Ты пахнешь просторами болот — такая же дикая, свободная и открытая.

Эбби отстранилась и, вцепившись в его рубашку, вырвалась из его объятий.

— Еще несколько шагов. Давай, ты сможешь.

Она тянула и подталкивала Эдриана, непрерывно подбадривая его, не давая ему возможности вставить хотя бы слово, и наконец выдохнула с облегчением, когда они достигли второго этажа.

— Эдриан!

Если бы он оперся на нее чуть сильнее, она упала бы вместе с ним.

— Еще немного.

Будто пара пьяных матросов, они бок о бок шагали по коридору. Когда они наконец дошли до двери комнаты, Эбигейл остановилась, переводя дух, и вгляделась в лицо Эдриана. Его веки отяжелели и опустились.

— Не смей засыпать, Эдриан!

Его губы искривила усмешка, хотя глаза оставались закрытыми.

– *Никогда* не засыпай, не убедившись в том, что леди удовлетворена. Правило номер один.

Эбби хмыкнула.

— В таком случае я не буду удовлетворена, пока ты не избавишься от этой одежды и не ляжешь в постель. — Она распахнула дверь.

— Избавиться от одежды и в постель? Ты говоришь прямо как они, Эбби.

— Ну, я не… *Эдриан!*

Он высвободился из ее рук и вошел в комнату. Эбби закрыла дверь, а затем подбежала к нему, чтобы оттащить от огня и подвести к кровати — Эдриан чуть было не промахнулся, но она развернула его в нужном направлении.

Виконт со вздохом сел на постель. Эбби неодобрительно посмотрела на него.

— Эдриан, когда ты ел в последний раз?

Он устроился поудобнее, усаживаясь прямо, и угрюмо посмотрел на нее, размышляя над вопросом. Прошло некоторое время. Наконец он задумчиво приподнял бровь.

— Утром? — Эдриан с надеждой посмотрел на Эбби.

Та снова хмыкнула.

— Неудивительно, что ты так быстро опьянел.

Он кивнул головой, затем вздохнул, закрыв глаза.

— Устал. Я так устал…

Его голос звучал тише. Лорд упал на кровать.

Эбби посмотрела на него, но Эдриан не шевелился. С очередным вздохом она принялась стаскивать с него ботинки. Справившись с ними и с чулками, она потрогала ноги Эдриана, опасаясь, что они все еще холодны как лед. Добавив в огонь несколько поленьев — теперь он полыхал вовсю, — женщина вернулась к кровати.

— Эдриан! — Эбби потрясла его за плечо. — Давай, просыпайся.

Но тот лежал, будто мертвый.

Бросив на него очередной неодобрительный взгляд, Эбби нагнулась над Эдрианом, приподнимая ему веко.

Ее гость был без сознания.

— Черт! — Сидя рядом с ним на кровати, Эбби вздохнула. — Как же мне раздеть тебя?

Ответ был очевиден. Она подумала о том, чтобы позвать на помощь Агнесс, но у той хватало хлопот с Болтом. Эсме, старая дева, тоже ничем не могла ей помочь. Вздохнув еще раз, Эбби подошла к двери и заперла ее — не нужно, чтобы Эсме или Том вошли в столь неподходящий момент.

Вернувшись к кровати, она оглядела гостя, а затем передвинула его тело на середину широкой постели. Эбби не задернула балдахин. По комнате разливалось приятное тепло. Ранее Эбби застелила кровать покрывалом, и то, что сейчас вода стекала с волос и одежды лорда и сама одежда была мокрой, не имело значения. Важно было лишь то, что на ощупь тело Эдриана все еще оставалось ледяным, а лицо — смертельно бледным.

Эбби очень тревожила мысль о том, что последние свои силы он истратил на подъем по лестнице. Женщина развязала его галстук и принялась за рубашку. Пуговицы было тяжело расстегивать — рубашка тоже промокла насквозь. Чертыхаясь, Эбби попыталась оторвать их, но у нее ничего не вышло — пришлось продолжать яростные попытки, перемежаемые приглушенным бормотанием. Когда последняя пуговица наконец

была повержена, Эбби распахнула рубашку — и замерла.

Секунду спустя она поняла, что забыла, как дышать.

Судорожно вдохнув, она продолжила снимать рубашку. «Ты все это уже видела, дурочка!»

Но это было не так. Прошло семь лет, и кое-что за это время изменилось. Ее чувства настаивали на том, чтобы отметить каждую деталь — ширину груди, рельеф мускулов, пропорции. В конце концов, Эбби была художницей и не могла заставить свои глаза не замечать. Семь лет назад она считала Эдриана Адонисом. Теперь же…

Она покачала головой и отвела взгляд.

Эбби высвободила из рукавов сначала одну, а потом и другую руку, и, не дав себе времени на размышления, взялась за пояс. Расстегивая его, она молилась про себя, чтобы Эдриан внезапно не проснулся.

Он не проснулся. Расстегнув штаны, женщина приспустила их, а затем обхватила его рукой за талию и перевернула на живот.

Облегченно вздохнув, Эбби отбросила рубашку прочь, продолжая стягивать штаны. Освободив его ноги, она швырнула штаны туда же, куда и рубашку, и принялась обтирать тело Эдриана

полотенцем.

Даже после того как Эбби тщательно протерла его спину, та оставалась бледной и мертвенно-холодной. В его теле не было тепла, и когда женщина положила руку ему на живот, она ничего не почувствовала.

Сердце Эбби похолодело.

В дверь постучал Том.

— Мисс, я принес горячей воды.

Эбби задернула балдахин, подняла с пола мокрую одежду Эдриана и открыла дверь.

— Спасибо. Ты уже отнес воду Агнесс?

— Как раз собираюсь это сделать, мисс.

Эбби отдала Тому одежду, забрав у него кувшин с водой, от которого поднимался пар.

— Отнеси вещи Эсме. После того как отдашь воду Агнесс, поставишь у камина несколько кирпичей. Когда они нагреются, заверни их во фланель и принеси — тетя Эсме знает, где у нас хранятся фланелевые тряпки.

— Мисс Эсме уже поставила кирпичи греться.

— Хорошо.

Заперев дверь, Эбби отнесла кувшин к миске, стоявшей на тумбочке, налила в нее воды и попробовала пальцем. Добавив холодной воды, Эбби добилась нужной температуры, взяла тряп-

ку, отодвинула балдахин и забралась на кровать, поставив рядом миску. Эдриан не пошевелился.

Сначала Эбби протерла ему лицо, затем стряхнула лед с его волос и вытерла их насухо, быстро протерла его спину и длинные ноги, накрывая их сухими полотенцами. Какое-то время она потратила на то, чтобы растереть его ноги, но это не принесло никаких результатов.

Отставив миску в сторону, Эбби перевернула Эдриана на спину, прикрыла его чресла полотенцем, добавила в миску теплой воды и снова принялась растирать его, убирая лед и тут же вытирая насухо полотенцами.

Когда она добралась до бедер, стыдливость была отброшена — Эбби была слишком обеспокоена, чтобы думать о приличиях. Тело Эдриана все еще не подавало признаков жизни, и от этого рука ужаса все сильнее сжимала сердце Эбби.

Кроме того, она уже видела Эдриана обнаженным, касалась его — женщина сохранила воспоминания об этом. И теперь, когда она обнимала его, а он оставался холодным, это разбивало ей сердце. Раньше Эдриан был таким сильным, таким горячим — это она запомнила навсегда, и ей не нравилось то, каким он был теперь — слабым и холодным.

Эбби закончила растирать его ноги, но они по-прежнему оставались голубовато-белого цвета, и ее волнение усилилось. Не лучше было и с руками — как бы Эбби ни старалась, она не могла восстановить кровообращение.

Спеша, она снова перевернула Эдриана — на этот раз на чистую простыню, выдергивая из-под него покрывало и отбрасывая в сторону, а затем накрыла стеганным одеялом, висевшим над огнем.

Эбби смотрела на своего гостя около минуты, затем собрала полотенца, покрывало и вышла.

Вернувшись минут через пять, Эбби принесла с собой лоток с завернутыми во фланель кирпичами. Том и Агнесс несли такой же груз вверх по лестнице на чердак — Болт все еще не пришел в себя. Впрочем, невзирая на то что Эдриан приходил в сознание, Эбби сомневалась в том, что его состояние было намного лучше, чем состояние его кучера. Ведь это не Болт, превозмогая метель, на последнем издыхании добрался до коттеджа и потом, напрягая остатки сил, помогал ей поднять его по лестнице.

Эбби уложила теплые кирпичи вокруг Эдриана и встала.

Больше она ничего не могла сделать. Понимая

это, Эбби паниковала, и, чтобы успокоить нервы, принялась ходить по комнате, подбрасывая поленья в очаг и ставя ботинки Эдриана поближе к огню, чтобы они высохли.

Вернувшись к кровати, она снова пощупала тело Эдриана. Оно по-прежнему было холодным как лед.

Дверь открылась, и внутрь заглянула Агнесс.

— Как он?

— Такой же холодный, — покачала головой Эбби.

— Ну, все, что мы теперь можем сделать, — это согревать их. Ночью я могу присмотреть и за лордом, и за его слугой — вам незачем бодрствовать.

— Нет-нет, я побуду здесь.

Эбби понимала, что все равно не сможет уснуть, пока не будет уверена в том, что с Эдрианом все в порядке.

— Болт и лорд Деа могут прийти в себя. Они могут попросить чего-нибудь.

— И то верно. — Агнесс кивнула на Эдриана. — Думаю, он требовательный парень.

— Иногда, — пробормотала Эбби.

— Тогда нам лучше идти в кровать и поспать, сколько получится. Вы закончили?

Эбби встала.

— Да. — Направившись к двери, она в последний раз взглянула на Эдриана. — Поздно уже, наверное.

— Пробило одиннадцать, — ответила Агнесс.

В двенадцать Эбби вернулась в свою комнату. Она легла в кровать, но так и не смогла не то что заснуть, а даже как следует улечься. Как можно спать, когда Эдриан в этот момент…

Умирает.

— Не глупи, — сказала она себе вслух, закрывая дверь. — Ни у кого в его семье не было проблем с легкими. Никогда не слышала, чтобы кто-то из Хоусли умер от простуды.

Но это не очень ей помогло. Эбби подкинула дров в огонь и подошла к кровати, задернув балдахин по бокам, но оставив открытой занавеску в ногах, напротив камина, в надежде, что тепло будет проникать внутрь. Стоя сбоку кровати, женщина замешкалась и просунула между занавесок руку. Но ее пальцы не почувствовали тепла — когда она коснулась груди Эдриана, та все еще была холодной.

— Черт!

Эбби проверила кирпичи под фланелевой тканью. Они были слишком горячими — не было никакого смысла нагревать их еще.

Встав, она посмотрела на тело Эдриана, укрытое одеялом. Он был слишком холодным. Плохой знак.

— Что еще я могу сделать?

Он ехал домой. Она не могла позволить ему умереть по пути.

Не задумываясь о своих действиях, Эбби отодвинула горячие кирпичи, сбросила халат, оставив его у кровати, и забралась под одеяло. На ней была длинная фланелевая рубашка — достаточно благопристойная. Наверняка Эдриан привык к шелку и подумает, что это подушка.

Повернувшись спиной к Эдриану, Эбби свернулась клубочком и прижалась к нему.

— Хм…

Она вздрогнула.

Эдриан повернулся и обнял ее. Его рука легла ей на бедро, медленно скользнула вверх, к талии, а затем к груди, уверенно обхватив ее пальцами.

Эбби прикусила губу и задержала дыхание. Повисла тишина.

А потом все кончилось — Эдриан снова перевернулся на кровати, и она услышала его тихое дыхание.

Эбби прислушивалась к его звуку, закрыв глаза и мысленно благодаря Бога. Эдриан спал. На глаза

Эбби навернулись слезы облегчения — он больше не лежал без сознания, а просто спал, не зная о том, что она лежит рядом с ним. Она погладила его мускулистую руку ладонью, а затем провела ступней по его ноге вверх-вниз. Его тело было похоже на компресс — кожа по-прежнему была холодной, но уже не ледяной. Эбби была уверена в этом.

Она лежала рядом с Эдрианом во тьме, пытаясь передать свое тепло. Постепенно он согревался, и Эбби наконец расслабилась, когда поняла, что не выдает желаемое за действительное. Возможно, теперь можно было оставить его одного, но тело Эдриана все еще было холоднее, чем следует.

Плотнее укутав его одеялами, Эбби повернулась и прижалась к нему сильнее. Мысленно напомнив себе о том, что ей нужно проснуться до рассвета и перебраться в собственную кровать, она закрыла глаза… и заснула.

Ей снился сон. Это был чудесный сон — ее любимый. Но на этот раз он был более трогательным, увлекательным и, безусловно, чувственным. Во сне Эбби выгибалась, мурлыча от удовольствия, под руками, умело ласкающими ее тело. Эти руки знали каждый изгиб, знали, как касаться ее так, чтобы кожа горела, грудь наливалась, а соски

твердели.

Его пальцы знали ее — знали, как легонько пощипывать соски так, чтобы сладкая истома расходилась по всему телу, как внезапно отпрянуть, поглаживая, дразня, скользя по чувствительной коже. Добравшись до живота и умело погладив его, руки скользнули ниже, в треугольник волос на лоне.

Эбби вздохнула, улыбаясь, и развела ноги шире — одна рука приподняла ее колено и переместилась выше, на упругое бедро.

Только теперь женщина поняла, что в этом сне было иначе, чем обычно — ее любовник находился сзади. Его грудь, теплая, уютная, прижималась к ее спине.

Затем его пальцы проникли в ее лоно, и ее разум окутало сладким туманом. В душе Эбби вспыхнула страсть, и она позволила ей овладеть собой, заполнить ее, вести за собой. В своих снах она могла быть собой, быть той, кем всегда желала быть.

Ибо во снах нет пределов, нет ограничений.

Коварные пальцы играли с ней, дразнили ее, распаляя все больше, и покинули ее лоно совершенно влажными. Затем руки обхватили ее за бедра, повернули их и отвели колено в сторону.

Пальцы вернулись, проникая между бедер сзади, нащупывая влажное от желания лоно, открывая вход в него. Горячее тяжелое орудие прижалось к ней и, подарив очередную вспышку жара, вошло в нее.

Эбби расслабилась, как он ее учил, впуская его в себя, позволяя телу двигаться самостоятельно. Медленно, но неуклонно он продвигался дальше, заполняя ее всю, одной рукой придерживая за живот, а другую положив ей на грудь.

Эдриан входил глубже, затем чуть подался назад — совсем немного, и снова вперед, прижимаясь к бедрам. Это продолжалось снова и снова. Эти ритмичные покачивания дарили Эбби невообразимое наслаждение.

Каждое его движение заставляло ее извиваться, с каждым толчком усиливалась ее чувствительность, пока даже прикосновение к тонким простыням не превратилось в пытку, а касания его рук к ее шелковой коже не начали сводить с ума.

Он был повсюду. Его крепкое тело прижималось к ней, его стальные руки обхватывали ее. Все ее чувства растворялись в даримых им ощущениях, поглощаемые туманом его страсти, как это происходило и раньше, и женщина полностью

отдавалась ему, даря свою любовь.

Эбби пылала от жара, и когда она уже подумала, что вот-вот расплавится, он отодвинулся назад, почти полностью выходя из нее. Он держал ее на грани и затем одним мощным толчком вновь заполнил ее.

Острое, пронзительное удовольствие сотрясло ее тело — и Эбби проснулась, широко открыв глаза и едва сдержав стон. С ее губ едва не сорвалось его имя.

Эдриан.

Она закрыла глаза, возвращаясь к реальности. Это был не сон. Он был здесь, снова любил ее, даря ее телу чувства, которые умел дарить только он. Прикусив нижнюю губу, она сдерживала стоны и позволяла ему брать ее, наслаждаясь этим.

Эдриан не спешил, но она не могла поверить самой себе, понимая, что снова стремится достичь пика наслаждения.

И это случилось: ее тело выгнулось, и это было еще прекраснее, чем в первый раз. Эбби едва смогла удержаться от крика, чувствуя, что умирает, не в силах более пошевелиться. Он как будто понял это и начал двигаться, легче, быстрее, и вскоре разделил с ней экстаз.

Какое-то время Эдриан лежал, приобняв ее и

все еще находясь внутри нее, затем коснулся носом ее затылка, целуя за ухом и ниже, в шею, и отстранился, упав на кровать. Эбби чувствовала внутри себя его семя и нисколько об этом не сожалела.

Не более чем в первый раз. Лежать рядом с Эдрианом, любить Эдриана, быть любимой Эдрианом — это всегда казалось ей единственно верным.

Тихая, неподвижная, Эбби ждала, пока его дыхание не выровнялось и он не заснул. Не говоря ни слова, даже не понимая, что произошло. Еще не рассвело, и, освещаемые тлеющими углями камина, они были лишь тенями во тьме под балдахином. В постели Эдриана побывало столько женщин. Она была лишь одной из них. Еще одно отдающееся ему во тьме тело женщины, лица которой он не запомнит.

Тепло. Теперь Эбби чувствовала, как от него исходит тепло. С ним снова все было в порядке — в его теле больше не осталось холода.

Она лежала рядом с Эдрианом, перебирая давние воспоминания. Ее ночная рубашка была задрана до плеч, и женщина не поправляла ее, пока не встала с постели с первым лучом рассвета.

Когда Эбби оставила Эдриана, он был уже полон

сил и мирно спал.

Глава вторая

Треск поленьев в камине разбудил Эдриана. Он потянулся, нежась под теплым одеялом, и расслабился, мысленно благодаря судьбу. Он жив. Более того — он чувствовал себя отлично, великолепно, как будто все его проблемы унесла снежная буря. Что же до его тела, то оно никогда, как он с удивлением отметил, не чувствовало себя лучше.

Эдриан задумался о том, чему обязан такому состоянию — может, это эйфория от того, что ему удалось выскользнуть из когтей смерти? Или он чувствует себя так просто потому, что вернулся в родные края? Как бы там ни было, нельзя было отрицать результат — он стал другим человеком, обновленным, полным сил, готовым начать жизнь с чистого листа.

Потрескивание в камине заставило Эдриана поднять голову. Сквозь открытые занавески в изножье кровати он увидел светловолосого молодого человека, присевшего у огня. Тот повернул голову и встретился с Эдрианом взглядом. Вскочив на ноги, юноша склонил голову.

— Простите, что разбудил вас, сэр… милорд.

— Том, не так ли? — Эдриан наморщил лоб,

напрягая память. Он не видел этого мальчика семь лет, но его белесые волосы и курносый нос было непросто забыть. — Том Коппер.

— Да, это я. Я теперь работаю на мисс Эбигейл. Я принес вашу одежду. — Юноша прошел вглубь комнаты, исчезнув из поля зрения Эдриана. — Мисс Эсме повесила ее у огня, и она высохла, а Агнесс выгладила ее — говорит, сделала что могла.

— Уверен, что все в порядке. Я благодарен тебе, мисс Эсме и Агнесс.

И главное, Эбби. Эдриан перевернулся на бок и отодвинул занавеску. Его одежда была сложена на стуле, визитка висела на спинке.

— Том, я пытаюсь припомнить: мисс Эсме — это тетка мисс Эбигейл, верно?

— Да. — Том продолжал подбрасывать дрова в огонь. — Она переселилась сюда вместе с мисс Эбигейл.

Эдриан смутно помнил Эсме — это были воспоминания из далекого прошлого. Кажется, он не видел ее прошлой ночью.

— У Агнесс рыжие волосы?

— Да, и характер под стать. Она горничная мисс Эбигейл.

— А кто еще здесь живет?

— Никто, только мы вчетвером. Милли Уоткинс приходит из деревни, чтобы помочь с уборкой и готовкой, но сегодня ее не будет — деревню засыпало снегом.

Снег… Эдриан вспомнил о своем кучере.

— Вы с Агнесс отнесли Болта наверх. Как он?

— Пока не знаю. Агнесс сказала, что он ненадолго пришел в себя. Сказала, сейчас он спит — я собирался развести огонь в его комнате, как только закончу здесь.

Эдриан лег и попытался восстановить в памяти все, что произошло вчера. Поездка, буря, их медленное путешествие по болотам… Он ясно вспомнил, как упала на камни двуколка. Путь к коттеджу запомнился ему гораздо хуже.

С содроганием он вспомнил свое удивление. Эбби, наверное, теперь считает его недотепой, но он был не готов увидеть ее после стольких лет. Эдриан даже не знал, что она все еще здесь живет, все еще не замужем, — и понятия не имел, насколько она похорошела. Эбби выглядела более зрелой.

Он упал к ее ногам. Эдриан снова вздрогнул и выбросил это происшествие из головы — не самый приятный момент, лучше поскорее забыть о нем. Последующие воспоминания были как в тумане, но он был уверен, что до кровати добрал-

ся самостоятельно. А кроме этого… он помнил свой сон.

Это был невероятно чувственный сон. Слава богу, что времена, когда такие сны могли привести к конфузу, давно прошли. Таких снов Эдриан не видел уже много лет. Он был таким ярким, что лорд мог вспомнить свои ощущения, как будто это произошло на самом деле. Но женщина была незнакома ему. Он сомневался в том, что это произошло на самом деле — она была такой страстной, такой непосредственной, а ее лоно — непривычно узким. Скорее всего, это был просто плод его воспаленного воображения.

Возможно, всему виной лихорадка.

Разведя огонь, Том встал.

— Мисс Эбигейл сказала, что ваша двуколка, наверное, валяется где-то на дороге.

Эдриан поднял голову.

— Что с моими лошадьми?

— Они на конюшне на заднем дворе.

— Хорошо. — Эдриан снова упал на кровать. — Двуколка — то, что от нее осталось, — у брода.

— Я принесу ваш багаж, когда закончу с каминами.

Эдриан кивнул, но тут же замер.

— А снег?

— Метель закончилась, но снег еще падает.

— В таком случае не надо — подожди, я пойду с тобой. Не хочу, чтобы ты сломал ногу в одиночестве.

Том почесал голову.

— Тогда буду ждать вас на кухне.

Юноша вышел из комнаты, закрыв за собой дверь. Эдриан полюбовался чудесным убранством комнаты, затем сел, свесив ноги с кровати. Настало время одеваться и отправляться навстречу будущему.

И Эбби.

— Доброе утро, Эбби.

— Ой!

Эбби, стоявшая перед зеркалом в холле, обернулась. Она проходила мимо и остановилась, чтобы взглянуть на свое отражение. Сейчас она думала о том, что именно он успел увидеть. Эбби не знала, как долго она стояла здесь, разглядывая себя, — и это лишь усиливало ее смятение.

Она уставилась на Эдриана широко открытыми глазами. «*Пожалуйста, Господи, только бы он не понял, только бы не догадался!*»

Эдриан кивнул головой, подходя к ней.

— Насколько я понимаю, утро еще не закончилось? — спросил он, подняв бровь.

Эбби подавила желание развернуться и убежать. Она вскинула подбородок и расправила плечи.

— Да, именно так, — ответила она, встретив его взгляд.

Но в его глазах было лишь замешательство. Эбигейл мысленно вздохнула с облегчением.

— Всего одиннадцать.

— А-а… — кивнул Эдриан, подойдя к ней.

Даже в помятой визитке он выглядел элегантным — и опасным. Однако он не выглядел удивленным, обескураженным или хотя бы чуть-чуть обеспокоенным. Эбби немного успокоилась.

— Том сказал, что Болт приходил в сознание.

Она кивнула.

— Это было раньше. Агнесс следит за ним — сейчас он спит.

Эдриан наморщил лоб.

— Ближайший врач все еще в Двух Мостах?

— Да, но Агнесс не думает, что состояние Болта тяжелое. Просто он не так вынослив, как ты, и ему нужно как следует отдохнуть.

Эдриан продолжал хмуриться, и Эбби успокаивающе улыбнулась, взяв его за руку.

— Ты, наверное, умираешь от голода. Идем в кухню, найдем тебе что-нибудь поесть.

Он отступил на шаг, следуя за ней.

— Если ты уверена, что с Болтом все будет в порядке, то признаюсь: да, я чертовски голоден.

Эбби провела его в просторную кухню.

Благодаря мощеному полу, каменным стенам и двум большим очагам комната хранила тепло вне зависимости от погоды. Эбби сняла с полки тарелку, протянула ее Эдриану и указала на кастрюли, греющиеся на плите.

— Есть копченая сельдь и рис, а еще яйца и ветчина. Будешь кофе?

— Да, пожалуй. — Эдриан направился к плите.

Пока он накладывал еду в тарелку, Эбби занялась приготовлением кофе и нарезала хлеб. Когда Эдриан подошел к столу, она дала ему нож и вилку, поставила хлеб, масло и чашку с горячим кофе и села напротив.

Женщина смотрела, как он пробует еду и жмурится, наслаждаясь.

– *Очень* вкусно, — сказал Эдриан, открыв глаза. — Нет ничего лучше деревенской копченой сельди.

Его слова о том, что он чертовски голоден, не были преувеличением — Эдриан принялся уничтожать гору еды на тарелке с поразительным усердием. Наконец он остановился, взял чашку с

кофе и отхлебнул, глядя вниз.

— Кофе тоже отличный, — улыбнулся Эдриан, поставив чашку. — Никогда бы не подумал, что ты будешь варить кофе.

— Обычно это делает Милли Уоткинс или Агнесс, но я тоже не такая уж беспомощная.

— Как ты думаешь, это надолго? — Эдриан мотнул головой в сторону окна.

Эбби встала, подошла к дальнему окну и выглянула во двор через щель в ставнях. Снаружи все было белым — снег почти полностью засыпал окно.

— Как минимум дня на четыре, а то и на неделю, — сказала она, вернувшись за стол. — Знаешь, как это бывает — несколько дней тепла, а потом начинается…

Сев на место, Эбби внимательно поглядела на Эдриана. Он не помнил о том, что произошло ночью, — ее предположение оказалось верным. Теперь она наконец успокоилась.

— Ты говорил, что едешь в Беллевер, — ты имел в виду ненадолго?

Он взглянул на нее. «Какие у него странные янтарные глаза», — подумалось Эбби.

— Беллевер вновь будет моей резиденцией.

Ее недавно обретенная уверенность в себе

опять пошатнулась, но все же Эбби удалось не выдать своего волнения.

— Это… чудесно! Это так много значит для деревни.

Лорд взглянул на нее, и на мгновение ему почудилось, что эти глаза смогут даровать ему покой. Смутившись, Эдриан кивнул и опустил взгляд на тарелку.

— Я намерен опять поселиться в поместье, нанять слуг — все как полагается.

Обрывки мыслей закружились у Эбби в голове. Наверное, он подумывает о женитьбе, иначе зачем ему все это? Сведя руки вместе, она спросила с, как ей показалось, точно отмеренной дозой интереса:

— Планируешь поселиться здесь и оставить Лондон?

— Достаточно с меня Лондона — *более* чем достаточно. — Эдриан взглянул на нее. — Я останусь дома.

Эбби смотрела, как он доедает завтрак, и пыталась представить, каково это — встретить его в деревне, прогуливающимся под руку с женой. «Интересно, — подумала Эбби, — кем же будет эта счастливица и смогу ли я вежливо улыбаться при встрече с ней?»

Эдриан отодвинул тарелку, и Эбби заметила, что он смотрит на нее, вопросительно подняв бровь.

— Я отведу тебя к Болту, если хочешь. — Она встала из-за стола.

— Если тебе не сложно.

Пока они поднимались по ступенькам, Эбби замечала взгляды, которые бросал на нее Эдриан, — как будто она была загадкой, которую он пытался разгадать. Но она не собиралась открывать ему свои истинные мысли.

Наконец Эбби довела Эдриана до каморки. Агнесс поднялась, едва они вошли внутрь.

— Он все еще спит, но виной этому обыкновенное истощение. — Агнесс кивнула на Болта. — С утра у него были признаки лихорадки, но это пройдет. Такое мое мнение.

На лице женщины не дрогнул ни один мускул, но этого и не требовалось, чтобы понять, что она о нем думает. Агнесс была достаточно стара, чтобы помнить, каким Эдриан был в молодости, помнить ходившие о нем слухи. Она не могла знать, что из всех женщин лишь Эбби он никогда не причинил бы вреда.

Склонив голову, Эдриан прошел мимо женщин и взглянул в лицо Болта. Во сне его кучер выгля-

дел изможденным. Эдриан слышал, как Эбби и Агнесс шепчутся у него за спиной. Он поднял руку — почему-то ему захотелось разгладить морщины на лбу у Болта, но… Эдриан опустил руку, едва Эбби подошла ближе к нему.

Она протянула руку через его плечо и погладила Болта по лбу — именно это Эдриан и хотел сделать.

— Он уже давно у тебя служит, верно? — Казалось, она читает его мысли.

— Да. — Эдриан поднялся, засовывая руки в карманы. — Болт учил меня ездить на пони, хотя мама была против этого. Мне было два года. Болт тогда был лишь помощником конюха.

— У него в деревне есть семья?

Эдриан покачал головой.

— Его сестра живет около Эшбертона.

Эбби поправила одеяло на плечах у Болта и положила руку ему на лоб.

— Ни следа лихорадки. Думаю, он скоро проснется.

Эдриан посмотрел на стул, на котором до этого сидела Агнесс.

— Я останусь здесь и присмотрю за ним.

Эбби взглянула на него, а затем на дверной проем, в котором стояла Агнесс. Она хмыкнула,

выражая неодобрение, и снова перевела взгляд на Болта.

— Если хочешь.

На мгновение Эбби коснулась руки Эдриана, а затем вышла вместе с Агнесс и направилась вниз.

Еще секунду Эдриан смотрел на лицо спящего Болта, а затем опустился на стул и стал ждать.

В конце концов Болт проснулся. Он был слаб и охрип, но немедленно узнал Эдриана. Устроив его поудобнее, Эдриан направился вниз за чаем — это все, чего захотел Болт на завтрак. Лорду нужна была Эбби.

Попросив у Агнесс на кухне чая, Эдриан нашел Эбби в гостиной вместе с Эсме. Войдя туда, лорд лишь кивнул в ответ на приветствие — и Эсме проводила его удивленным взглядом, но, не обращая на нее внимания, Эдриан утащил Эбби прочь.

— Болт как-то нехорошо кашляет. — Он сделал рукой неопределенный жест.

— Я схожу взгляну. — Эбби одарила его нежным взглядом.

Болту понадобилась секунда, чтобы узнать ее, а затем он покраснел.

— Не стоит вам из-за меня утруждаться, мэм.

— Чепуха, Болт. Твой хозяин беспокоится о тебе — конечно, мы должны убедиться в том, что с тобой все в порядке. Теперь открой рот и давай посмотрим.

Болт беспомощно взглянул на Эдриана, но тот, стоя в дверном проеме, никак на это не отреагировал. Осмотрев горло кучера, Эбби потрогала его лоб и осторожно уложила его обратно на подушку.

— Агнесс сейчас принесет тебе чаю, а я сделаю целебный отвар. Выпьешь его, и к полудню поглядим, как ты будешь себя чувствовать.

Эбби вышла из комнаты, и Эдриан последовал за ней. Он беспокоился о Болте, но, к счастью, Эбби понимала как это, так и то, каким беспомощным он себя чувствует. Она безропотно терпела его присутствие, пока занималась приготовлением отвара, и даже давала ему поручения — подать ей то или это, достать с верхней полки банку, зажечь лампу в ее спальне.

Весь день Эдриан ходил вокруг Болта, пока Эбби не выгнала его, а затем вокруг самой Эбби, пока она читала книгу в гостиной. Он не мог сидеть и читать и расхаживал из угла в угол, будто леопард в клетке. Снова начался снегопад, и было слишком рискованно идти сейчас к двуколке.

Эдриан ничего не мог сделать. Эбби, казалось, не замечала его метаний; Эсме они поначалу настораживали, но когда спустя полдня она поняла, что Эдриан не опасен для общества, стали ее забавлять. Лорд притворился, будто не замечает этого.

У Болта начался кашель, но благодаря отвару Эбби, который она постоянно готовила в течение дня, уже к вечеру стало ясно, что сильной простуды удалось избежать.

Когда ранним вечером Эдриан последовал за Эбби в каморку и поставил поднос с ужином на колени кучеру, Болт улыбнулся им обоим. Несмотря на то что он, собственно, в течение дня ничего не делал, Эдриан счел это достижением.

Так что когда лорд сел ужинать вместе с Эбби и Эсме в маленькой столовой, он был куда более спокоен. Эсме разнообразила трапезу вопросами о его лондонской жизни, на которые он отвечал честно, но осторожно. Раздумывая, как ответить на вопрос, недвусмысленно касавшийся его репутации, Эдриан поймал на себе взгляд Эбби. Она быстро отвела глаза. Если бы он увидел в них насмешку, то не стал бы заострять на этом внимание, но это была не насмешка.

Отказавшись от предложенной порции спиртного, Эдриан проследовал за дамами в гостиную.

Эбби не могла бы с уверенностью сказать, почувствовала ли она облегчение оттого, что, как это часто бывало с Эсме, ее внимание переключилось на что-то другое — забыв о существовании Эдриана, она устроилась у камина, взявшись за вязанье. Эбби, помедлив, уселась на небольшой диванчик напротив стула Эсме, Эдриан же встал с другой стороны камина, положив руку на каминную полку и глядя на огонь.

Воспользовавшись моментом, Эбби принялась рассматривать его — острые скулы, волевой подбородок. Его губы были тоньше, чем она помнила, а выражение лица более решительным. Женщина перевела взгляд на его широкие плечи, крепкий, стройный торс — почти идеальное тело, как будто вылепленное каким-то божеством. Ее взгляд скользнул по его руке, небрежно, но грациозно опирающейся на каминную полку, по кисти с длинными пальцами, расслабленной, слегка согнутой, как прошлой ночью…

Эбби быстро перевела взгляд на тетю.

Эдриан повернул голову — она почувствовала его взгляд.

— Скажи мне, — произнес он, — учитывая то, что мне придется нанимать персонал, в деревне и на соседних фермах хватит людей или придется

набирать работников издалека?

Эбби заставила себя сосредоточиться.

— А сколько человек требуется в Беллевере?

— Я полагаю…

Они обсудили горничных, садовников и поваров. Полчаса спустя Эсме отложила вязанье, пожелала всем спокойной ночи и ушла. Едва ее шаги затихли, как Эдриан отошел от камина и сел рядом с Эбби.

Ее сердце забилось часто-часто — пришлось бороться со вспыхнувшим желанием убежать вслед за теткой. Эбби знала, что Эдриан пристально смотрит на нее, и напомнила себе, что не имеет никакого права на недостойное поведение.

Диван был небольшим, и плечо Эдриана было всего в дюйме от нее — она могла чувствовать тепло его тела, более сильное, чем жар камина. Придав своему лицу дружелюбное выражение, Эбби повернулась, глядя лорду в глаза, — и в то же мгновение вспомнила, что его странные янтарные очи могут видеть куда больше положенного.

«Это было раньше, — напомнила она себе, но почувствовала, что его глаза притягивают ее, и испуганно подумала: — Действительно ли что-то изменилось?» Затем Эбби отвела взгляд.

— Скажи мне, Эбби, ты рада меня видеть?

Она почувствовала, что Эдриан колебался, прежде чем задать этот вопрос.

Его голос был очень тихим — шепот чуть более различимый, чем стук ее сердца. Широко улыбнувшись, Эбби подняла взгляд.

— Да, конечно! Будет здорово, если в Беллевер вернется жизнь, — деревня станет более оживленной.

Эдриан продолжал пристально смотреть ей в глаза, затем уголки его губ чуть опустились.

— Значит, в деревне очень скучно?

— Ну, там есть викарий, преподобный Босворт — ты его не знаешь, он недавно приехал…

Избегая очередного неловкого момента, она пустилась в подробные описания, рассказывая о деревенском укладе, о жителях, о ферме и поместьях в окрестностях. Когда Эбби сообщила обо всем, что знала, она поднялась с дивана, подошла к окну и выглянула наружу.

— Снегопад закончился. Думаю, завтра ты сможешь забрать свои сумки.

Эбби продолжала чувствовать на себе его взгляд. Она знала, что Эдриан встал и последовал за ней, но не могла заставить себя повернуться и посмотреть на него. По какой-то причине он очень внимательно следил за ней.

Лорд встал за спиной у Эбби и посмотрел в окно через ее плечо.

— Хм… Там, конечно, все замерзло, но к полудню, думаю, мы доберемся до брода.

— Будет хорошо, если ты заберешь свои вещи. Может, и твоя двуколка не так сильно пострадала… — Эбби осеклась — еще немного, и она начнет бормотать бессмыслицу. — Я так думаю…

Она обернулась, пытаясь проскользнуть мимо Эдриана, но это оказалось невозможным. Он взял ее за руку, прежде чем она успела его остановить. Когда его пальцы требовательно сомкнулись вокруг ее запястья, Эбби замерла и посмотрела ему в глаза. У нее не было выбора. Она старалась не показать, какой беззащитной чувствует себя, пойманная его взглядом. Пальцы Эдриана скользнули по ее ладони, и женщина невольно вздрогнула.

— Эбби. — Его голос был нежным, но настойчивым. — Ты жалеешь, что я здесь?

Ее глаза распахнулись — простые карие глаза, не обладающие гипнотической силой, как у него, силой, которую она чувствовала вновь. Эбби знала, что, если он решит привлечь ее к себе и поцеловать, она позволит ему это. Более того, она позволит ему гораздо больше. Ее губы раскры-

лись навстречу Эдриану. Ее тело хотело оказаться в его объятиях.

— Нет. — Слово само сорвалось с ее уст. — Именно тут ты и должен находиться.

Его губы растянулись в улыбке. Напряжение немного спало. Эдриан взял Эбби за руку и поднес ее к своим губам.

— Ты все понимаешь.

Эбби понимала, что если еще немного здесь останется, то совершит какую-нибудь глупость.

— Лучше пойдем наверх, — сказала она, отнимая руку. — Уже поздно.

Эдриан кивнул и отступил на шаг. Она повела его наверх, чувствуя спиной его взгляд и загадочный свет его янтарных глаз.

На следующее утро Болту стало лучше, но, воспользовавшись предложением Эбби и получив приказ Эдриана, кучер остался в постели до полного выздоровления. Эдриан и Том, просидевшие взаперти более суток, были рады выбраться наружу, чтобы принести багаж и подобрать остатки двуколки. Когда они очистили от снега порог, пришло время ленча, и сразу же после него лорд и Том собрались уходить.

— Я тоже пойду. — Эбби поднялась вслед за Эдрианом.

— Это не очень хорошая идея, — нахмурился тот. — Земля все еще скользкая…

— Если ты можешь идти, я тоже могу, — отрезала Эбби, направляясь в холл.

Эдриан посмотрел ей вслед, затем перевел взгляд на Эсме. Та в ответ пожала плечами.

— Эбби всегда была упрямой девицей.

Упрямой? Эдриану на ум приходило другое слово: «безрассудной».

Он честил ее последними словами, наблюдая за тем, как Эбби скользит вниз по склону — по его мнению, рискуя головой и конечностями. Ойкнув, она упала в сугроб, и он нагнулся, чтобы вызволить ее оттуда.

— Нужно было настоять на том, чтобы ты осталась в гостиной с Эсме, — сказал лорд, бесцеремонно рывком поднимая ее на ноги.

Эбби прищурилась.

— Я независимая женщина и ничьим приказам не подчиняюсь.

Эдриан тоже прищурил глаза, но должного эффекта это не возымело. Эбби вздернула носик и немедленно ускользнула прочь. Он последовал за ней.

Наконец они добрались до двуколки. Сейчас, при дневном свете, можно было видеть, что она

в куда худшем состоянии, чем казалось Эдриану. Эбби немного побледнела, но произошло это от холода или от шока, он не мог бы сказать. Не произнеся ни слова, она смотрела, как Эдриан с Томом достали из обломков саквояж лорда и сумку Болта, затем, используя лопаты, захваченные из дому, очистили остатки двуколки от снега и сложили обломки на берегу, подальше от дороги.

— Так…

Эдриан перевел дух, и его дыхание едва не замерзло в воздухе — было все еще облачно и температура была гораздо ниже нуля. Перейдя на другую сторону, где их ждала Эбби, Том и Эдриан разделили ношу между собой.

— Я тоже могу что-нибудь нести, — сказала Эбби, но как Том, так и Эдриан притворились, будто не услышали ее.

Она обиженно хмыкнула.

В итоге Том понес две лопаты на плече и сумку Болта в руке, Эдриан же поднял свой саквояж. Опередив мужчин, Эбби пошла наверх.

Дыша свежим морозным воздухом, она остановилась на полпути, чтобы взглянуть со склона вдаль. На юго-востоке до самого горизонта тянулись покрытые белым снегом холмы — в

окружающей тишине это зрелище казалось почти мистическим.

Эдриан шел за Эбби, склонившись под тяжестью своей ноши, и, не сразу заметив, что женщина остановилась, налетел на нее. Подхватив Эбби свободной рукой, он уберег ее от падения, прижимая к себе спиной.

Лорд почувствовал, как дыхание Эбби на мгновение прервалось, как она вздрогнула. Он не хотел ее отпускать — это было такое знакомое чувство, словно отголосок чего-то, что он не мог вспомнить.

— Я просто наслаждалась видом. — Эбби схватила его за руку. — Это… прекрасно, не правда ли?

Она затаила дыхание — ведь если бы она вдохнула, то прижалась бы к его руке, к его телу. Нет, она не была дурочкой.

— Хм… — прошептал он ей в самое ухо. — Да, прекрасно…

Это было сказано таким тоном, что Эбби задумалась: что именно он имеет в виду. Не позволяя мыслям рассеиваться, она освободилась из его объятий — Эдриан отпустил ее с явной неохотой. Эбби мысленно одернула себя.

— Лучше нам поторопиться: уже смеркается.

Подобрав юбки, она сделала два шага вперед — и споткнулась о камень.

— Ай!

Эбби приземлилась в очередной сугроб. На этот раз, когда Эдриан, чье молчание было куда красноречивее слов, снова поставил ее на ноги, женщина подвернула лодыжку.

— Аааахх! — дернулась она, пытаясь ковылять дальше.

– *Стой!*

Это слово было произнесено с таким гневом, что, к собственному стыду, Эбби повиновалась, видя по глазам Эдриана, что лучше бы ей сейчас его слушаться. Он подозвал Тома, отдал ему саквояж и взял у юноши сумку.

— Держи. — Эдриан сунул сумку в руки Эбби.

Удивленная, она взяла сумку, а потом едва сдержала крик, когда Эдриан, нагнувшись, подхватил ее вместе с сумкой на руки.

– *Не надо!* — запротестовала Эбби. — Осталось совсем чуть-чуть. Я сама дойду!

— Тут больше сотни ярдов, и учитывая то, как ты *ходишь*, ты наверняка покалечишься. Так что не дергайся.

У нее не оставалось выбора — он не собирался ставить ее на землю. Эбби сжимала сумку Болта и

смотрела куда угодно, только не в глаза Эдриану, стараясь не думать о том, с какой легкостью он несет ее и насколько он силен: это влекло за собой другие, еще более тревожные мысли.

Том поспешил вперед — предупредить остальных, и когда они добрались до дома, Агнесс уже ждала их, готовая обрушить на них все возможные упреки. Эбби остудила ее пыл выразительным взглядом. Агнесс вздохнула и проводила Эдриана вверх по лестнице.

Как и предполагала Эбби, ее отнесли в ее комнату. Эдриан остановился у порога, давая Агнесс возможность открыть дверь, и вошел внутрь.

— Эдриан! — прошипела Эбби.

Он положил ее на край кровати.

— Нужно снять с нее ботинки, — сказал он Агнесс.

Та кивнула. Оба они не обращали внимания на негодование Эбби, когда Эдриан задрал ее юбки до колен.

Снять ботинки не составило труда.

— У меня просто небольшой ушиб! — Эбби поправила юбки. — Вы оба слишком паникуете.

Эдриан снова задрал ее юбки. Его руки сомкнулись у нее на лодыжке. Эбби вздрогнула. Эдриан осторожно пошевелил ее ступней.

— Так больно?

— Ай! — всхлипнула Эбби, но тут же взяла себя в руки. — Немного.

Она невольно вспоминала о том, как переплетались их ноги во тьме совсем недавно.

— Лучше наложить на пару часов холодный компресс, на всякий случай, — сказала стоявшая за порогом Агнесс.

— Нет! — Эбби не хотела оставаться наедине с Эдрианом в своей спальне, да еще и с перевязанной ногой. Она не знала, доверяет ли ему, но уж точно не доверяла самой себе. — Не собираюсь я сидеть тут с компрессом!

— Ладно. — Эдриан неодобрительно покачал головой.

Он нагнулся к Эбби — и вскоре она снова была у него на руках.

Он спустился с ней вниз. Перенеся женщину в гостиную, Эдриан усадил ее на диван и, сдвинув оттоманку, устроил на ней ушибленную ногу. Агнесс принесла компресс, и Эдриан наложил его Эбби на лодыжку.

— Вот так, — одобрительно кивнул лорд и сел рядом с Эбби.

Эбигейл ничего не сказала — она боялась, что вот-вот закричит.

Через мгновение негодяй, сидевший рядом с ней, спросил:

— Дать тебе книгу?

— Будь любезен, — процедила Эбби, едва не задыхаясь от возмущения.

Он поднялся, взял ее книгу и подал ей. Кивнув, Эбби открыла ее и принялась читать.

Эдриан так и остался сидеть рядом — и смотреть на нее.

* * *

Эбби собиралась дуться на него весь остаток вечера, но когда Эдриан после ужина обнаружил шахматы и предложил ей сыграть, она забыла о своем намерении — не говоря уже о том, что то обстоятельство, что лодыжка больше не болела, а значит, ее перестали носить туда-сюда, изрядно способствовало восстановлению душевного равновесия.

Способствовало примирению и то, что Эбби дважды выиграла, а проиграла всего один раз. Так что спать она отправилась в хорошем настроении, которое сохранилось у нее и на следующее утро.

— Как так вышло, что ты здесь живешь? —

спросил Эдриан за завтраком. — Ты так и не рассказала мне об этом.

— Брайан женился, — ответила Эбби, сделав глоток чаю.

Брайан был старшим братом Эбби. Эдриан помнил его, но друзьями они никогда не были. Брайан был младше его и всегда казался ему ханжой.

— Его жену зовут Эстер, она из Дорсет Пула. Вскоре после свадьбы тетка Трив умерла, завещав коттедж мне. Это было идеальным решением — я не хотела оставаться в Холле и путаться под ногами у Эстер.

Эдриану было знакомо это чувство.

— Значит, Брайан и Эстер живут в Холле…

— С детьми — у них три дочери.

Откинувшись на спинку стула и держа чашку кофе в руке, Эдриан смотрел, как Эбби мажет тост маслом.

— И чем ты тут занимаешься? Бродишь по болотам, собирая цветы?

Эбби кивнула.

— И это тоже. А еще я по-прежнему рисую то, что найду…

Она умолкла. Эдриан вопросительно вскинул бровь.

— Я рисую для Королевских ботанических садов Кью — для их архива. По их заказу я делаю зарисовки болотных растений в Дартмуре.

Эдриан задумался о том, что она только что сказала. Только лучших художников, прекрасно разбиравшихся в ботанике, нанимали делать зарисовки для архива Королевских ботанических садов.

Он отхлебнул кофе, глядя на Эбби поверх чашки.

— Я хочу посмотреть на твою студию.

Сентиментальность была не в его стиле. Эбби смутилась бы, если бы он сделал ей комплимент, но Эдриан знал, что она услышала искренность в его голосе. Женщина склонила голову набок, внимательно глядя на него, а затем кивнула.

— Хорошо, после завтрака я покажу ее. Все равно мне нужно проверить краски.

Под студию была отведена половина чердака. Широкие окна были закрыты ставнями. Пока Эбби проверяла горшочки с красками, Эдриан бродил по комнате, разглядывая карандашные наброски, лежавшие на столах, и законченные картины, развешанные по стенам.

Можно было бы догадаться о том, каков был род ее деятельности, даже если бы она не сказала

ему об этом, — яркие цвета, элегантные формы, подробная детализация рисунков, точность в изображении… Эдриан узнал некоторые цветы. «Так вот, — подумал он, — чем теперь занимается Эбби».

Он всегда относился к болотам как к своей собственности, дикая местность находила отклик в его сердце. Впервые Эдриан встретил Эбби, когда ей было шесть. Она ездила по окрестностям на своем пони, собирая цветы, плоды и коренья. Эбби походила на неряшливую оборванку с перепачканными руками — она любила копаться в земле. Но здесь, на болотах, она казалась бесстрашной. В этой глуши Эбби чувствовала себя как дома.

Шли годы. Эбби и Эдриан встречались часто, хоть никогда и не договаривались об этом. Иногда они наталкивались друг на друга и останавливались, чтобы поболтать. Довольно скоро Эдриану стало известно, что брат Эбби насмехается над ее увлечением, а родители не придают ему значения. Он же просто принял его как часть той Эбби, которую он знал.

И вот теперь оказалось, что Эбби стала одной из немногих избранных, кому позволено рисовать для Королевских ботанических садов.

Вряд ли Эдриан гордился бы ею больше, даже если бы сам научил ее рисовать. Повернувшись к женщине, он посмотрел ей в глаза и сказал:

— Это действительно впечатляет, Эбби.

Она была польщена — он видел это по ее глазам, по улыбке, появившейся на губах. Эбби пожала плечами, отставляя в сторону горшочек с краской.

— Мне нравится это занятие.

Они спустились вниз и, не сговариваясь, направились к входной двери. Эдриан открыл ее (они оба выглянули наружу) и тут же захлопнул. Их взгляды встретились, и оба поморщились.

Снаружи дул пронизывающий ветер, покрывая снег свежей коркой льда, — ничто не указывало на скорую оттепель.

Оставив на кухне Агнесс, Болта и Тома, Эдриан с Эбби направились в гостиную, где и провели остаток дня, а потом и весь следующий день, разговаривая, читая, нежась в тепле, играя в шахматы, предаваясь воспоминаниям и строя планы по поводу Беллевера.

Что касается последнего, Эбби была неразговорчива. В ее представлении, подобные планы Эдриан должен был обсуждать с леди, на которой он собирался жениться. Искушение прямо

спросить его о том, кто же эта леди, было велико, но у Эбби не хватало на это смелости. Мужчина, сидевший рядом с ней на диване, был уже не тем Эдрианом, которого она знала давным-давно. Он изменился, став более загадочным и определенно более опасным для ее самообладания.

— Я не была в Беллевере со дня похорон твоего отца, так что не могу сказать тебе чего-то такого, чего бы ты сам не знал.

— Но ты общалась с Кроше. Уверен, мисс Кроше переживает из-за состояния, в котором находится дом.

— Она переживает лишь из-за того, что дом необитаем. Я не слышала, чтобы она говорила, будто он разваливается. — Эбби сделала небольшую паузу и продолжила: — Вообще-то я кое-что хочу у тебя спросить. Ты упоминал о том, что Фарнсворт выпустил новую книгу. Ты читал ее?

Эбби уже выяснила, что Эдриан много читал — еще больше, чем она, — и была готова на все, лишь бы оказаться в его библиотеке. Кроме того, это давало ей бесконечные темы для разговора, чтобы отвлечь его.

На пятый день после того, как утихла метель, наконец потеплело. Том с утра принялся расчищать дорожку перед домом. Ближе к полудню

пришла Милли Уоткинс и сообщила о переполохе в деревне, поэтому Эбби не удивилась, увидев на пороге своего дома преподобного мистера Феликса Босворта.

Она открыла дверь и пригласила его войти.

— Доброе утро, мистер Босворт. Обходите свою паству?

— Да, именно так, именно так, дорогая моя мисс Вулли.

Стряхнув с ботинок снег, Босворт переступил порог. Он был несколько тучным человеком среднего роста с редкими темными волосами, зачесанными так, чтобы прикрыть наметившуюся лысину. С лучезарной улыбкой он сжал ладонь Эбби.

— Я прибыл сразу же, едва расчистили дорогу, — я не мог бы найти себе покоя до тех пор, пока не убедился бы в том, что с вами и с вашей дражайшей тетушкой все в порядке.

— В таком случае могу успокоить вас. — Отняв руку, Эбби закрыла дверь и жестом пригласила преподобного отца в гостиную, добавив: — Это всего лишь метель. У нас это случается каждый год.

— Именно так, именно так… — Мистер Босворт был священником в местной деревенской церкви

уже три года, так что не мог об этом не знать. Он одарил Эбби елейной улыбкой и проследовал за ней в гостиную. — Но когда две хрупкие дамы живут одни, всегда беспокоишься, знаете ли…

Но о чем бы мистер Босворт ни беспокоился, он мгновенно потерял нить рассуждений, едва его выпученные глаза узрели мужчину, медленно поднимавшегося с дивана.

Эбби попыталась скрыть улыбку. Вернув свой саквояж, Эдриан расхаживал по дому, одетый с иголочки. Он был воплощением стильного лондонского джентльмена — щеголеватый, опасный и весьма привлекательный. Когда Эбби укорила его за это, Эдриан сказал в свое оправдание, что приехал прямиком с праздника и что та одежда, которая на нем, была *наименее* элегантной в его гардеробе. Эбби тут же умолкла, предположив, что ей лучше не видеть его при полном параде.

При виде Эдриана мистер Босворт лишился дара речи — что само по себе было любопытным зрелищем. Остолбенев, преподобный отец уставился на виконта, открывая и закрывая рот.

Эдриан с невозмутимым видом поприветствовал Босворта и вопросительно поднял бровь.

— Мистер Босворт, разрешите представить вам виконта Деа. Он направлялся в Беллевер, когда

разыгралась буря, и укрылся у нас, — сказала Эбби и добавила, обращаясь к Эдриану: — Это преподобный мистер Босворт.

— Деа? Оу! — Секундное колебание перед тем, как мистер Босворт протянул Эдриану руку, свидетельствовало о том, что до него уже дошли кое-какие слухи. Священник неискренне улыбнулся, когда Эдриан пожал его ладонь, и огляделся вокруг. — А где ваша тетушка, мисс Вулли?

— Где-то здесь… — Эбби тоже огляделась. Она вдруг подумала о том, что последние несколько дней редко видела Эсме. — Наверное, она ушла к себе в комнату…

В этот момент в гостиную ворвалась Эсме, размахивая вязаньем.

— Нашла! Ой, доброе утро, мистер Босворт. Значит, дорога уже расчищена?

— Именно так, именно так, дражайшая леди. Но…

Следующие двадцать минут мистер Босворт развлекал их обстоятельным разговором о том, как обстоят дела в деревне. Он часто упоминал о том, что надеется, что к воскресенью потеплеет еще больше и люди придут на службу. По какой-то причине, говоря это, он косился на Деа — и

Эбби поняла, на что он намекал. Эдриану же, судя по всему, было скучно.

Когда стало ясно, что мистер Босворт не собирается уходить, Эсме сдалась и пригласила его позавтракать. Она провела его к столу. Эбби последовала за ними вместе с Эдрианом. Она сжала его руку.

— Веди себя прилично.

— Именно так я себя и веду. — Лорд поднял бровь.

— Продолжай в том же духе. У вас с мистером Босвортом разные весовые категории, — добавила она, когда они вошли в комнату.

Эдриан улыбнулся ей. При виде того, как уголки его губ едва заметно приподнялись, Эбби почувствовала, что у нее подкашиваются ноги, и с благодарностью уселась на придвинутый им стул.

За столом не произошло ничего интересного, и, едва завтрак закончился, мистер Босворт внезапно вспомнил о времени.

— О боже, мне пора идти!

Поднявшись, он взглянул на Эбби, и та, отложив салфетку, тоже поднялась.

— До свидания, сэр.

Эсме попрощалась с едва скрываемым облегче-

нием, Эдриан чуть заметно склонил голову.

Эбби провела священника в холл, протянула ему руку и открыла дверь. На ее взгляд, Босворт сжал ее кисть слишком крепко.

— Дорогая моя, я должен сказать вам несколько слов. Уверен, что вы не осведомлены о некоторых вещах. Деа не следует задерживаться в вашем доме. Нет, нет — вы должны немедленно сказать ему, чтобы он продолжал свой путь. Теперь, когда дорогу расчистили…

— Мистер Босворт. — Эбби не повышала голоса, но ее тон заставил Босворта замолчать. Отняв руку, она сделала паузу и продолжила: — Думаю, мне следует сообщить вам о том, что я знаю лорда Деа всю свою жизнь. Я вполне *au fait*[1] о его репутации — и вряд ли хоть кому-то в деревне о ней неизвестно. Но как бы то ни было, я знаю Деа лучше, чем кто бы то ни было в Видеркомбе. — Эбби мысленно поблагодарила небеса за то, что при этих словах ей удалось не покраснеть. — И могу уверить вас, что никакая опасность с его стороны мне не грозит. Лорд Деа настоящий джентльмен, и у него нет относительно меня никаких намерений.

---

[1] Примечания: 1

Осведомлена (*фр.*) (*Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.*)

Мистер Босворт открыл было рот, но Эбби, предостерегающе подняв палец, не позволила ему вставить ни слова.

— Я говорю вам это, поскольку понимаю, что вы недостаточно долго прожили здесь, чтобы знать об этом. Я хочу, чтобы вы осознали: ни я, ни моя тетушка не потерпим клеветы в адрес лорда Деа. Я понятно изъясняюсь?

Признавая свое поражение, Босворт уверил ее, что он все понял, и, заметив напоследок, что ее отношение к лорду Деа делает ей честь, ушел.

Эбби смотрела ему вслед, стоя на пороге.

Эдриан вышел из темного прохода, ведущего в столовую. Эбби оглянулась на него, а затем вновь окинула взглядом заснеженный ландшафт. Все было покрыто снегом, и это толстое покрывало заглушало звуки. Болота и деревня выглядели довольно мирно.

Остановившись за Эбби, Эдриан выглянул наружу поверх ее головы. Через мгновение он поднял руку и положил ее женщине на плечо.

— Ты понимаешь, — шепнул он, — что сегодня последний спокойный день?

Эбби напряглась от его прикосновения, но он сжимал ее плечо так нежно, что она расслабилась.

— Еще слишком холодно — завтра дороги все еще будут непроходимыми.

— Возможно. — Эдриан взглянул на нее сбоку и наклонился ближе — она кожей почувствовала его дыхание. — Но завтра нас ждет целая вереница гостей. Хочешь пари?

Эбби обернулась и на мгновение встретилась с ним взглядом.

— Никогда я не была настолько глупой, чтобы заключать с тобой пари. — Она отошла от двери и повернулась, освобождаясь от его руки. — Как много ты слышал?

— Все.

Женщина мысленно выругалась.

— И, Эбби…

— Что?

У входа в гостиную она обернулась. Эдриан шел за ней по пятам, и, когда она остановилась, они вдруг оказались очень близко друг к другу. Так близко, что у нее перехватило дыхание.

Она могла видеть лишь его глаза, смотревшие на нее.

— Ты солгала.

Эбби услышала удар собственного сердца. За ним второй. Затем палец Эдриана коснулся ее щеки, скользнул вниз, к уголку губ и по нижней

губе — и лишь тогда заклятье, заставившее ее замереть, утратило свою силу. Женщина моргнула.

Эдриан одарил ее своей ленивой улыбкой и прошел мимо нее в комнату.

Глава третья

ЧТО… и КОГДА… она солгала?

Этот вопрос не давал Эбби покоя. Весь остаток дня и следующую ночь она снова и снова прокручивала в голове ответ, который дала Босворту. Настало утро, а она все еще не имела представления о том, что же она сделала не так, но, учитывая то, что именно она сказала священнику, спросить об этом у Эдриана женщина не отважилась.

Она сказала, что знает лорда Деа лучше, чем кто бы то ни было в Видеркомбе, — и Эдриан, безусловно, понял, какой смысл она вкладывала в эти слова. Возможно, у него была здесь с кем-то любовная связь, хоть Эбби и не могла предположить, с кем именно. Но даже если это и так, он не стал бы намекать на это и тем более рассказывать ей. Эдриан не распространялся о своих любовных победах — она прекрасно это знала.

Значит, речь не об этом. Тогда о чем же?

Еще Эбби сказала, что лорд Деа не представляет для нее опасности и не имеет намерений относительно нее.

Каждый раз, когда ей в голову приходило, что одно из этих утверждений может быть ложным,

ее разум отказывался ей служить, протестуя против попытки обдумать эту мысль.

Эдриану удалось сбить ее с толку, и даже миссис Толливер, появившаяся в сопровождении трех вечно хихикающих дочерей, не могла с ним соперничать. Присутствуя в гостиной, Эбби не вмешивалась в разговор, предоставив своему мучителю самостоятельно выкручиваться из ситуации.

Так ему и надо.

Несмотря на бесстрастное выражение лица и непринужденную обстановку, Эдриан прекрасно понимал, в каком состоянии сейчас находится Эбби. И вел себя прилично, вопреки своему непокорному нраву.

Эдриан не имел намерения смутить Эбби — он вообще не хотел говорить на эту тему, по крайней мере, пока живет в ее доме. Но с Эбби так получалось довольно часто — она единственная из всех знакомых ему женщин могла заставить его делать то, что ему не хотелось.

— Полагаю, милорд, что от этой ужасной погоды вы спасетесь в Лондоне? — Старшая мисс Толливер пододвинулась ближе к Эдриану, надеясь впечатлить его своим щедрым обаянием.

Эдриан напомнил себе о том, что, постоянно

переводя взгляд на куда более привлекательную фигуру Эбби, он своей цели не добьется.

— Нет, — ответил он, оставив свои слова без пояснений.

Толливеры вскоре ушли, и им на смену прибыли мистер и миссис Хескель с сыном и дочерью. Их, в свою очередь, сменил сэр Уинстон Смайт, прибывший из отдаленного поместья, чтобы навестить Эбби и Эсме. Этот джентльмен уже давно знал Эдриана и вел себя с ним очень доброжелательно, все время хитро поглядывая то на Эбби, то на ее нежданного гостя.

— А я ведь тебя предупреждал, — шепнул Эдриан, следуя за Эбби на ленч, когда сэр Уинстон ушел.

Эбби бросила на него выразительный взгляд, но не снизошла до ответа.

Они едва успели поесть, как снова зазвенел дверной колокольчик.

— Передать не могу, как высоко мы все ценим мисс Вулли. — Миссис Помфет, вдова преподобного Помфета, пыталась загипнотизировать Эдриана, окидывая его взглядом василиска. — Даже представить себе не могу, как бы мы все жили без ее мудрых советов. Конечно, если бы у нее случилась какая-то беда, мы бы невероятно

переживали.

— Неужели? — спросил Эдриан со скучающим видом и мило улыбнулся, несмотря на то что его терпение подходило к концу.

Слова миссис Помфет были уже шестым плохо завуалированным предупреждением держаться подальше от Эбби, причем три из них он получил в течение последнего часа, что даже для него было рекордом. В душе Эдриана зрело желание объяснить, что прямо сейчас в опасности находится вовсе не Эбби, но ради ее спокойствия он лишь вежливо кивнул.

В гостиной было полно народу, а часы показывали всего полдень, и Эдриан не мог сказать, хватит ли у него терпения до вечера. Он позволил миссис Вулклифф, которая недавно перебралась в округу, затеять с ним долгий и скучный разговор. Эдриан поглядывал на Эбби, вполуха слушая разглагольствования гостьи. Нескладный сын миссис Вулклифф пытался произвести впечатление на Эбби, но, как показалось Эдриану, лишь нагонял на нее тоску. Видимо, Вулклифф понял это, потому что схватил Эбби за руку. Та попыталась вырваться.

Эдриан замер. Он уже собирался было, извинившись перед миссис Вулклифф, метнуться в другой

конец комнаты и выбросить ее сына прочь, когда мистер Килби, новый сквайр, подошел к юноше и что-то сурово сказал ему.

Одного взгляда на лицо Эбби было достаточно, чтобы понять: мистер Килби не произвел на нее должного впечатления. Эдриан успокоился, вновь попытавшись сосредоточиться на нудной болтовне миссис Вулклифф. В конце концов, если ухажеры Эбби так хотят нагонять на нее скуку, то кто он такой, чтобы им мешать?

Эдриан уже понял, что, рассказывая о деревне, Эбби забыла упомянуть кое-какие детали — например, о своей главенствующей роли в деревенских делах и о целой толпе поклонников, увивавшихся за ней. Если по первому вопросу у него не было никаких претензий, то насчет второго имелось вполне определенное мнение. Конечно, Эдриан был не настолько глуп, чтобы озвучивать это мнение в разговоре с Эбби, что, судя по ее враждебному взгляду, сейчас сделал Килби.

Эдриан выжидал, неторопливо прохаживаясь по комнате без определенной цели, и подошел к Эбби в тот момент, когда Килби произнес:

— Так или иначе, я надеюсь, что вы воздержитесь от ваших обычных прогулок на болота

— наверняка в скором времени снова пойдет снег.

Эбби замерла. Она повернулась к Эдриану и ласково улыбнулась ему.

— Ах, Эдриан — то есть я хотела сказать, виконт Деа, — позвольте представить вам мистера Килби.

Эдриан улыбнулся этой мнимой оплошности. Эбби назвала его по имени для того, чтобы позлить Килби, и ей это удалось. Сквайр сдержанно поклонился.

— Я слышал, милорд, что ваша двуколка пострадала во время снегопада. Осмелюсь предположить, что, поскольку начало теплеть, завтра вы направитесь в Беллевер?

Эдриан улыбнулся, но улыбка не коснулась его глаз.

— Если такая погода продержится до завтра, вне всякого сомнения, я так и поступлю.

Килби самодовольно кивнул.

— Я говорил мисс Вулли, что болота — неподходящее место для столь милой леди в любую погоду, а особенно сейчас.

— Неужели? — Приподняв бровь, Эдриан повернулся к Эбби. — Похоже, учитывая ваши привычки, мистер Килби более не считает вас

леди.

Эбби подавила смешок. Глаза Эдриана сверкнули, он как будто просил у нее разрешения поставить Килби на место. Женщина понимала, что ей не следует одобрять его действия — кто знает, насколько бесцеремонно он может себя повести, — но она не смогла сдержаться. Эбби выпрямила спину и строго взглянула на Килби.

Тот побледнел. Его рот беспомощно открывался и закрывался.

— Я не то имел в виду! — в конце концов удалось произнести ему.

— Неужели? — Эдриан обратил на него дерзкий взгляд. — Должен признать, это кажется мне полуправдой. Эбби — мисс Вулли — ездила по этим болотам еще с тех пор, когда едва могла удержаться на пони. Как и я. Никто ранее не предполагал, что подобное занятие порочит мое знатное происхождение, и я не вижу, почему оно должно бросать тень на нее.

Мистер Килби тяжело вздохнул.

— Я имел в виду, — сказал он, — что для леди *опасно* ездить по заснеженным болотам.

— Что до этого, — ответил Эдриан, — то за много лет я убедился, что мисс Вулли знает эти места так же хорошо, как и я, и гораздо лучше, чем кто

бы то ни было еще. А поскольку она не собирает образцы с первых заморозков до ранней весны, полагаю, у вас нет причин для беспокойства, сэр.

— Леди следует защищать, — упрямо произнес Килби.

— Особенно от джентльменов, которые их не ценят. — Эдриан кивнул головой. — Именно это я и имел в виду.

У Килби перехватило дыхание. Густо покраснев, он быстро поклонился.

— С вашего позволения…

Эбби утвердительно кивнула, и сквайр заторопился прочь.

— Болван, — буркнул Эдриан.

Эбби вздохнула.

— Он не хотел ничего дурного.

— Все они не хотят ничего дурного. — Эдриан нахмурился, глядя на очередного гостя, возникшего на пороге. — А это еще что за черт?

Джентльмен огляделся в поисках Эбби и направился прямо к ней. Его лицо расплылось в широкой улыбке. Вместо галстука он носил шелковый платок, как у моряка, а его визитка сидела на нем просто ужасно, из-за чего резко контрастировала с идеально подогнанной одеждой Эдриана.

Эбби протянула новоприбывшему руку, сдерживая очередной горестный вздох:

— Добрый день, мистер Поттс.

Игнатиус Поттс тепло пожал ее ладонь.

— Моя дорогая мисс Эбигейл!

— Позвольте представить вам виконта Деа. Он на некоторое время останется с нами.

— Да, мне довелось об этом слышать. — Радость мистера Поттса мгновенно испарилась. Он смерил Эдриана взглядом из-под прищуренных век и кивнул. — Метель закончилась несколько дней назад, не так ли?

Эдриан хищно усмехнулся.

— Я не слежу за течением времени, знаете ли, — простодушно признался он.

— Не знаю, упоминала ли обо мне мисс Эбигейл, но я художник. Пейзажист, — добавил мистер Поттс, как будто торопясь уверить Эдриана, что не рисует цветы, как Эбби. — Болота в их первозданном величии и очаровании, все в этом духе. Продается весьма неплохо.

Эдриан лишь вежливо приподнял брови, за что Эбби была ему благодарна. В Беллевере имелась большая коллекция пейзажной живописи, и многие из ее экземпляров стоили огромных денег — Эдриан всю жизнь смотрел на болота, как гла-

зами художников, так и своими собственными.

— Между прочим, дорогая моя, — обратился Поттс к Эбби, — я все еще хочу посмотреть вашу студию. Может быть, сегодня?

— Я не могу оставить гостей, мистер Поттс. — Эбби посмотрела на Эдриана, взглядом моля его о помощи.

— Но когда они уйдут…

— Вообще-то, мистер Поттс, я намереваюсь реставрировать Беллевер, — задумчиво нахмурился Эдриан, в тот же миг полностью завладев его вниманием. — Не знаю, много ли старых картин сохранилось. — Как будто только сейчас вспомнив о присутствии Эбби, Эдриан виновато улыбнулся. — Прошу прощения, дорогая, но, я полагаю, мистеру Поттсу следует рассказать мне о своих работах.

Эбби разрывалась между желанием расцеловать Эдриана и необходимостью предостеречь его от приобретения картин Поттса. Она кивнула, улыбнувшись, и поспешила ретироваться. Игнатиус Поттс, горящими глазами уставившийся на Эдриана, вряд ли заметил это. Эбби почувствовала угрызения совести из-за того, что оставила мистера Поттса в лапах Эдриана, но… к себе в студию она его не пустит.

Десятью минутами позже Эбби поняла, что Эсме устала. Комната по-прежнему была переполнена людьми. Эбби в растерянности поймала взгляд Эдриана и обвела глазами комнату, а затем, покосившись на Эсме, выразительно посмотрела на него. Поджав губы, он кивнул. Эбби не поняла, как ему это удалось, особенно учитывая подозрение, с которым к Эдриану относились люди в комнате, но через пять минут гости уже расходились. И ни один из них даже не заподозрил о том, что его выгнали.

Эбби не могла не признать: в том, чтобы иметь дома прирученного волка, были свои преимущества. Женщина опустилась на стул рядом с Эсме, и тетя и племянница переглянулись.

— Слава богу — и Деа, — что они наконец-то ушли, — вздохнула Эсме. — Такой толпы у нас не было со дня твоего рождения.

— Да и тогда, наверное, было меньше народу.

Предвкушение скандала манило публику куда сильнее, чем обычный день рождения.

Эбби слышала, как захлопнулась входная дверь. Секунду спустя в комнату вернулся Эдриан. Он остановился у входа и улыбнулся — сначала Эсме, потом Эбби, вперив в ее глаза свой янтарный взгляд. Он стоял в проходе, элегантный, опасный

и невообразимо самоуверенный. И правда, волк.

К сожалению, он был не приручен.

Следующим утром они проснулись под стук капели. За завтраком было слышно шуршание — снег соскальзывал с крыши. После чая с тостами Эбби подошла к входной двери. Эдриан, позавтракав куда более плотно, последовал за ней.

Распахнув дверь, Эбби выглянула на дорогу.

— Лед сошел.

Глянув поверх ее головы, Эдриан увидел две глубокие колеи, показавшиеся из-под снега там, где уже проехала чья-то повозка.

— У тебя ведь есть двуколка?

— Да. — Эбби посмотрела на него. — Ты и правда собираешься ехать в Беллевер?

— Ну, я обещал мистеру Килби…

Эбби хмыкнула и поглядела вдаль. На горизонте сгущались тучи.

— Будет снегопад.

— Не раньше вечера.

— Там сейчас только Кроше, — сказала она после паузы, глядя на тучи. — Не уверена, что миссис Кроше готова к твоему визиту.

— М-м? — Эдриан опустил на нее глаза.

— Может быть, лучше сегодня заехать ненадолго? Тогда миссис Кроше будет предупреждена о

твоем намерении там жить и у нее будет время подготовиться, запастись продуктами. — Эбби повернула голову и встретилась с Эдрианом взглядом. — Мы можем оставить Болта здесь, чтобы он снова не простудился.

Эдриан сдержал улыбку.

— Я приму это во внимание.

— А может, лучше подождать с визитом до завтра? — нахмурилась Эбби, снова бросив взгляд на сгущавшиеся тучи.

— Нет. — Как бы Эдриан ни наслаждался пребыванием в Маллард-Коттедже, ему не терпелось побывать дома. — Мы поедем сегодня.

Через час они отправились в путь. Эбби куталась в дорожный костюм, сидя рядом с Эдрианом, пока тот направлял ее старую кобылу в яблоках через деревню на дорогу к Беллеверу. Женщина продолжала поглядывать на небо — погода на болотах была, мягко говоря, непредсказуемой. Но тучи, похоже, не спешили приближаться, клубясь на горизонте. Эбби предполагала, что сегодня их снова завалит снегом. Эдриан был прав, решив ехать сейчас, — иначе такой возможности могло не представиться еще несколько дней.

На самом деле, хотя Эбби и не хотела себе в этом признаваться, это было бы для нее желанным

исходом.

Как всегда, она затаила дыхание, когда увидела Беллевер — одно из немногих больших зданий, построенных прямо у болот. Особняк был отделен от них небольшим земляным валом. Выложенный из красных кирпичей, выгоревших на солнце, с высокими печными трубами, увенчанными декоративными зубцами, дом словно бы вырастал из-под земли, как будто всегда был частью ландшафта. Многостворчатые окна фасада в елизаветинском стиле отражали тусклый дневной свет.

Когда они подъехали ближе, стали видны крылья дома, выстроенные в георгианском стиле, с более четкими линиями. Широкая дорога отделяла лужайку от крыльца. Сады были разбиты позади дома и защищали его от ненастной погоды.

Едва Беллевер показался в их поле зрения, как Эдриан замедлил ход. Он рассматривал свой дом, как будто сверяя воспоминания с реальностью. Передний двор был весь засыпан снегом — после недавней метели они были первыми, кто приехал сюда, и, вполне возможно, первыми, кто появился у входной двери за долгие годы.

Эдриан привязал поводья и помог Эбби спу-

ститься с двуколки. Женщина отряхнула юбки, и они вместе, рука об руку, поднялись по заснеженным ступеням крыльца. Эдриан, поколебавшись, попытался открыть входную дверь, но та была надежно заперта. Он позвонил в звонок, и, прислушавшись, Эдриан и Эбби различили шаги внутри дома.

Шаги приближались, медленно и осторожно — Беллевер находился слишком далеко от деревни, чтобы новость о приезде Эдриана могла к этому времени дойти до Кроше. Затем отодвинулся засов, открылась дверь и мистер Кроше выглянул наружу. Эбби заметила миссис Кроше, показавшуюся из-за спины мужа.

Они не видели хозяина уже семь лет, но сразу узнали его. Миссис Кроше издала восхищенный вздох, ее супруг просиял. Эдриан и Эбби вошли внутрь, и мистер Кроше запер дверь.

Эбби молча стояла в тени обшитого панелями холла, пока Эдриан объяснял людям, которые присматривали за его домом, что он здесь делает, упомянув и о том, что собирается снова сюда переселиться.

— Если бы я знала об этом заранее! — запричитала миссис Кроше. — У нас же вся мебель накрыта.

Эдриан успокоил ее, объяснив, что сегодня он просто хочет посмотреть на дом.

— В полдень я вернусь в Маллард-Коттедж. Там Болт. Я перееду сюда, когда вы запасетесь провизией.

Миссис Кроше кивнула.

— Мудрое решение. У нас есть все необходимое, но нам нужно еще кое-что сделать. — Она радостно улыбнулась Эбби и Эдриану. — Привести гостиную и столовую в порядок, починить дверной молоток. Когда вы закончите осматривать здание, позвони́те в звонок в гостиной, и я подам вам завтрак.

Довольная, она проследовала в кухню. Ее муж тем временем направился к двуколке. Эдриан повернулся к Эбби.

— Может, подождешь в гостиной?

— Нет, я пойду с тобой, — ответила она, подходя ближе.

Сначала они обошли комнаты первого этажа. Эдриан задержался в кабинете отца, чтобы подобрать бумагу и карандаш. Огромные гостиные были в удивительно хорошем состоянии; оранжерею необходимо было полностью перестроить, и после этого откроется замечательный вид на зимний сад. Что касается библиотеки…

— Придется подождать до весны, чтобы хорошенько здесь проветрить.

Поморщившись от ударившего ей в нос запаха пыли, Эбби кивнула. Вместе они поднялись по широкой лестнице, остановившись на лестничной площадке, чтобы обменяться взглядами и заглянуть под шлем стоявшего в нише средневекового рыцаря. Эбби хихикнула, Эдриан ухмыльнулся. Они пошли дальше.

Наверху было еще немало помещений. Эдриан осматривал ветхую мебель, спрашивая совета у Эбби по поводу того, что следует заменить, и делал заметки. Заглянув в будуар виконта и сделав комментарий по поводу того, что, по ее мнению, в этой комнате следует все поменять, Эбби заглянула Эдриану через плечо и посмотрела на список.

— На это уйдет целое состояние.

— Ну и что? — Он обернулся к ней и улыбнулся, встретив ее растерянный взгляд. — Я в последние годы занимался *не только*тем, что давал поводы для пересудов, знаешь ли.

— Я об этом не догадывалась… — Эбби повернулась к двери, затем бросила через плечо невинный взгляд. — Но полагаю, что чем-то в свободное время ты должен был заниматься.

— Да, вот именно. — Ухмыльнувшись, Эдриан

последовал за ней.

Почему-то его слова заставили ее поежиться.

Закончив осмотр основных помещений, они спустились вниз, в столовую, чтобы подкрепиться, а затем снова вернулись наверх.

— Остальные комнаты могут подождать. — Эдриан повернулся к лестнице, ведущей в детскую. — Перво-наперво — жизненно необходимое пространство.

Эбби последовала за ним. Прислонившись к дверному косяку, она смотрела, как он бродит по детской, касаясь потрепанных книг и проводя пальцем вдоль корпуса модели галеона. На глаза Эдриану попался висевший в углу воздушный змей, и Эбби видела, как посветлело его лицо при воспоминании о детстве.

Она невольно подмечала такие моменты — память о мальчике, о юноше, которого она знала, возвращалась, наполняя комнаты поместья, и точно так же эти образы оживали в ее памяти.

Если Эдриан назвал детскую «жизненно необходимой», то его бракосочетание, должно быть, не за горами. И снова Эбби задумалась о том, что за женщину он выбрал, сможет ли она понять его, примириться с его неукротимым нравом? Сможет ли она смириться с тем, что его место

здесь, среди болот?

Она, по крайней мере, это понимала. В Беллевере Эдриан был совсем другим человеком, нежели известный большинству опасный повеса из Лондона. Быть может, холодные ветры с болот сдули с него маску, заставив показать подлинное лицо? Не то чтобы этот новый Эдриан был менее опасен. На самом деле для Эбби все было наоборот. Она напомнила себе об этом, направляясь вслед за Эдрианом в следующую комнату.

Продолжая давать Эдриану советы, Эбби наблюдала за ним, поражаясь тому, как внезапно он переменился (она и представить себе этого не могла), оставаясь при этом таким знакомым. Эта его решимость была чем-то новым для нее, явным признаком зрелости, контрастирующим с его юношеским упрямством и непокорностью, — этот контраст не укрылся от взгляда художницы. Эдриан был сосредоточен — на Беллевере, на своем будущем, на… чем-то еще. Возможно, на мыслях о той, что разделит с ним это жилище.

Эбби невольно нахмурилась. Кем бы ни была его избранница, Эдриан все еще держал ее имя в тайне. Существовала ли эта дама на самом деле или же Эбби лишь позволила своему воображению разыграться?

Они добрались до спальни лорда. Мебель была накрыта покрывалами, но не выглядела изношенной. Пока Эдриан бродил по комнате, Эбби присела на кровать, следя за ним.

— Почему ты решил вернуться?

Он взглянул на нее с другого конца комнаты.

— Я устал от всего и ничего не добился — ничего стоящего, ничего важного.

— Но я думала, что ты нажил состояние, — нахмурилась Эбби, глядя на то, как Эдриан скрывается из виду в гардеробной.

— Я *увеличил* свое состояние, — донесся до нее его голос. — Я приглядывал за делами, и мои поместья в Кенте и Суссексе процветают. Но нигде я не чувствую себя дома. — Он вышел из гардеробной. — И вот я здесь, старше и мудрее, надеюсь… Готов отстроить и начать все заново.

— Что отстроить? — спросила Эбби, пока он шел к ней, глядя на нее со странным блеском в глазах.

— Дом, семью. — Эдриан склонил голову, взглянув Эбби в лицо. — Я хочу пустить корни здесь, на болотах, — ответил он, посмотрев ей прямо в глаза.

Сердце Эбби застучало часто-часто. Она заставила себя кивнуть, встала и направилась прочь

из комнаты.

В его голосе, в его взгляде сквозила уверенность, но… Эбби точно знала одно: кем бы ни была его предполагаемая невеста, это не она.

— Уже поздно, — бросила Эбби через плечо. — Пора собираться в обратный путь.

— Давай заглянем в галерею, — произнес Эдриан у нее за спиной, — и после этого поедем.

Они вернулись к лестнице и поднялись к галерее, расположенной в задней части главного корпуса. Ее створчатые окна выходили на сады, сейчас запорошенные снегом. Эдриан оглянулся вокруг. В детстве галерея была его любимым местом, ведь здесь можно было прятаться, свернувшись клубочком, в амбразурах окон. Восемьдесят семь нарисованных пейзажей, висящих на внутренней стене, были его старыми друзьями. И сейчас они были здесь — покрытые пылью, они ждали его возвращения.

Эбби, конечно же, мгновенно отвлеклась от невеселых мыслей.

Сдерживая желание улыбнуться, Эдриан оставил женщину любоваться картинами и направился в дальний конец галереи, чтобы осмотреться. Как он и ожидал, все полотна были в хорошем состоянии, нужно было лишь очистить

их и отполировать рамы. Снова и снова Эдриан смотрел на Эбби, шагая вдоль стены, и думал о том, что хотел бы понимать ее так же легко, как она понимает картины.

Эдриан не мог бы сказать, какого поведения ожидал от Эбигейл, но она была тут, была не замужем, и, принимая во внимание все то, что связывало их раньше, виконт не понимал, почему она ведет себя так… отстраненно. Он не мог понять, о чем она думает, что чувствует, — а ответ на этот вопрос внезапно оказался для него очень важным.

Эбби отошла от картины, повернувшись к окну. Поджав губы, Эдриан притворился, будто тоже рассматривает картины. Пожалуй, он был избалован женским вниманием. За последние четыре года дамы высшего света крайне недвусмысленно давали ему знать о своих чувствах, так что к своим талантам, обеспечившим ему репутацию мастера-соблазнителя, ему почти не доводилось прибегать.

Конечно, Эдриан не растерял этих навыков — разве что немного подзабыл. Вновь бросив взгляд на Эбби, смотревшую теперь на снег, он почувствовал, как в нем просыпается хищник. Учитывая то, какое место он отводил Эбби в своих

планах, сейчас было самое время пустить эти навыки в ход.

Отойдя от картины, Эдриан направился к Эбби. Его взгляд скользнул по ее профилю, по светло-каштановым волосам, по манящей фигуре. Когда Эдриан решил вернуться в Беллевер, он нарисовал в своем воображении картину — то, как он представлял свою будущую жизнь. Но этой картине не доставало центральной фигуры. Теперь же полотно было завершено.

Эдриан знал, кто займет место в центре.

Эбби.

Он понял это не сразу — в течение последних нескольких дней в нем медленно росло осознание этого факта. Мысли об Эбби постоянно кружили в его голове, неумолимо преследовали его. Эдриан всегда относился к ней как к уникальной личности и никогда не сравнивал ее с другими женщинами. Больше никто не мог бы заполнить место, которое она занимала в его душе.

Знала она об этом или нет — это был уже другой вопрос, но он наверняка сможет ей все объяснить. Или, по крайней мере, намекнуть на свои намерения.

Подойдя к Эбби вплотную, Эдриан выглянул в окно.

— Вон там розовый сад.

— Как только сойдет снег, придется нанять садовников — нужно подрезать кусты, — сказала Эбби, посмотрев в ту сторону, куда он указывал.

Она повернулась к Эдриану и мгновенно, к собственному удивлению, оказалась в его объятиях.

Эдриан улыбнулся (уголки его губ слегка приподнялись) и наклонился к ней.

— Напомни мне об этом… — сказал он, скользнув взглядом по ее губам. — А пока мне нужно позаботиться кое о ком еще…

Когда их губы соприкоснулись, Эбби не отпрянула — она была слишком удивлена и не успела понять, что он имеет в виду. А затем его поцелуй затуманил ее разум, разжигая страсть в ее душе, заставляя стремиться в его объятия, как и раньше, за несколько лет до этого. Но в прошлом именно ее упорство стало всему причиной. Теперь же…

Эдриан слегка повернул голову, и Эбби сдалась без боя — внезапно для того, чтобы остановиться и подумать, у нее не осталось ни времени, ни сил. Она чувствовала жар мужского тела. Эбби раскрыла губы навстречу Эдриану, не в силах притворяться, что не хочет этого: она хотела его, хотела его всегда. Даже в шестнадцать лет она в глубине души знала, что он ее вторая половинка.

Его руки обвили ее стан, прижимая ее ближе к себе, заставляя ее тело дрожать.

Их губы соприкасались, языки сплетались, дыхание сливалось воедино. Время вокруг них замерло, поцелуй все длился и длился. С того дня как Эдриан поцеловал ее в последний раз, далеко на болотах под теплыми лучами солнца, минуло восемь лет. С тех пор он многому научился — каждое его движение, каждая ласка выдавали его опыт в подобных делах. С каждым ударом сердца все притягательнее казалось искушение вновь испытать жар его страсти и с таким же жаром ответить на его вожделение.

Да, Эдриан определенно стал гораздо опытнее. Эбби осознала, что его рука уже какое-то время лежит на ее груди — это было так приятно, так правильно, что ее охваченный страстью разум не подал сигнала тревоги. Вместо того чтобы отстраниться, женщина обвила шею Эдриана руками, прижимаясь к нему, отдаваясь его ласкам. Если он сошел с ума, то и она не против потерять рассудок — не было никаких причин противостоять этому безумию.

Никто из них не отстранился. Мгновения тянулись медленно. Их поцелуй продолжался, нежность сменялась настойчивостью, и простые

желания перерастали в мечту о чем-то большем. Но Эбби поразил не столько сам поцелуй, сколько чувства, вызванные в ней этой лаской.

Когда их губы наконец разомкнулись, оба тяжело дышали, как будто только что вынырнули из воды на поверхность, едва не утонув. Глядя в глаза Эдриана, Эбби подумала о том, что в некотором смысле так и было — они едва не утонули в волнах страсти. Она знала, что такое страсть — несколько лет назад он показал ей это. Но раньше их страсть не была такой глубокой, такой сильной, такой бурной.

Такой всепоглощающей.

Сейчас эта страсть окружала их, будучи почти осязаемой, толкала их навстречу друг другу, вынуждая забыть обо всем остальном. Безмолвному зову его глаз, его рук, сжимавших ее в объятиях, притягательности его черт, словно вытесанных из камня, страсти, бурлящей сейчас в ее крови, невозможно было противиться.

Эбби чувствовала, как у нее кружится голова. Пытаясь прийти в себя, женщина сосредоточила взгляд на его плечах, а затем посмотрела поверх них на снежную метель за оконным стеклом.

– О нет!

Ее глаза распахнулись. Эдриан тоже обернулся,

чтобы посмотреть. Снаружи бушевала снежная буря — из-за того, что окна галереи выходили на юг, они не заметили ее приближения. Глядя, как падают хлопья снега, Эдриан подумал о том, а не решил ли какой-нибудь ангел таким образом помочь вернувшемуся домой блудному сыну.

— Обратно мы не доберемся.

— Придется остаться здесь.

Эбби опустила глаза. Земля уже была покрыта белым ковром.

— По крайней мере, на ночь.

Эдриан выпустил Эбби из объятий. По правде говоря, он был рад тому, что их поцелуй прервался, иначе ситуация могла выйти из-под контроля. Эдриан был твердо убежден, что перед тем, как они удовлетворят вспыхнувшую страсть, он должен сделать предложение Эбби. Кроме того…

— Идем. — Он взял ее за руку. — Надо сказать миссис Кроше, чтобы она приготовила нам комнаты.

Они ужинали при свечах за раскладным столом у камина в семейной гостиной. Миссис Кроше прислуживала им. Когда тарелки были расставлены, Эдриан благодарно улыбнулся и отослал ее.

— Мы способны сами о себе позаботиться. Не стоит оставлять мистера Кроше одного.

Миссис Кроше просияла и, сделав книксен, ушла.

Эбби смотрела на Эдриана. Он улыбнулся ей, передав тарелку бобов. За ужином он не сказал и не сделал ничего такого, что напомнило бы о происшедшем.

Да этого и не требовалось — понимание светилось в ее глазах, прекрасных карих глазах, в которых можно было утонуть.

Но пока что Эдриан смотрел на Эбби и выжидал. Когда они поужинали, миссис Кроше собрала посуду и уведомила их о том, что она зажгла свечи в холле и приготовила постели в комнате хозяина и спальне дальше по коридору, а затем, пожелав спокойной ночи, удалилась.

— Я хотела спросить, — сказала Эбби, теребя юбки, — слышал ли ты что-нибудь о последнем проекте Ханта?

Не сводя с нее глаз, Эдриан принялся рассказывать о последних новинках в мире книгоиздания. Эбби продолжала задавать вопросы, он ей отвечал, пряча улыбку. Эбби пыталась отвлечь его, но нисколько в этом не преуспела. Эдриан уже выработал план, и осталось лишь привести его в исполнение.

Неуязвимость Эдриана к ее маневрам никоим

образом не успокоила Эбби. Он сидел в кресле, высокий, элегантный, умопомрачительно красивый, и смотрел на нее взглядом едва ли не гипнотическим. И Эбби отлично знала, о чем он думает.

Когда Эдриан демонстративно зевнул и предложил отправиться спать, Эбби поверить не могла, что он вот так просто выпустил ее из своих когтей. Осознание того, что она сама не уверена, хочет ли того, чтобы ее отпустили, потрясло Эбигейл, но в одном она была уверена — она не вынесет, если станет его любовницей.

Главный холл тонул в тенях, отбрасываемых мерцающими огоньками свечей, стоящих в центре стола. Взяв еще один канделябр, Эбби зажгла свечи, повернувшись к лестнице и заставив себя дождаться Эдриана. Инстинкт подсказывал ей подобрать юбки и бежать со всех ног, но она не хотела ввергать Эдриана в искушение броситься за ней в погоню.

В тишине они поднялись по лестнице — эта тишина должна была успокаивать, но вместо этого нервы Эбби звенели от напряжения. Эбигейл и виконт поднялись по ступенькам и зашагали вдоль коридора. Комната Эдриана была ближе, чем та, что была приготовлена для Эбигейл.

— Эбби? — Эдриан задержался у двери.

Она ждала этого, готовая оказать сопротивление — как ему, так и собственным желаниям. Эбби развернулась и выпрямилась, вздернув подбородок…

И обнаружила, что Эдриан стоит гораздо ближе к ней, чем она думала. Он склонил голову, чтобы лучше ее видеть.

Его губы приблизились к ее губам, и оба замерли. Их взгляды встретились, и всю решимость Эбби как ветром сдуло.

Эдриан наклонился ближе, заставив Эбби зажмуриться. Их губы соприкоснулись, слились в поцелуе — и девушка уже не могла отстраниться, поглощенная удивительной нежностью, разбудившей ее давние мечты и надежды.

— Эбби… — выдохнул Эдриан, снова целуя ее все с той же нежностью и сдерживая свою страсть.

«Он непревзойденный соблазнитель», — напомнила себе Эбби, в то время как ее сердце билось все быстрее, норовя выскочить из груди.

Эдриан чуть отстранился, прошептав:

— Эбби, дорогая, я хотел…

Поднеся палец к его губам, она не дала ему закончить. Эбби знала, чего он хочет. Но она не

станет его любовницей.

— Нет.

Ей пришлось приложить усилия, чтобы сказать это, и все равно ее ответ прозвучал неуверенно.

— Нет, — повторила она уже более твердо.

Эдриан удивленно отстранился, чтобы видеть ее лицо.

— Но почему?

Эбби покачала головой, стараясь не встречаться с ним взглядом, чтобы опять не попасть под его власть.

— Я… не могу. — Она отодвинулась, упершись ладонью ему в грудь.

— Не можешь? — Эдриан был совершенно сбит с толку. — Но, Эбби…

Она отвернулась. Одной рукой он удерживал ее, в другой держал канделябр. Приобняв Эбигейл, Эдриан притянул ее к себе, касаясь губами ее виска, уха…

— Эбби, ты не понимаешь…

На мгновение она позволила себе прижаться к нему, наслаждаясь теплом его тела и чувствуя его возбуждение.

Его дыхание коснулось ее щеки.

— Я хочу тебя, милая, но…

— Эдриан, *нет*!

Напрягая остатки воли, Эбби вырвалась из его объятий и, не оборачиваясь, быстро пошла по коридору прочь, к своей комнате.

Оставшись в коридоре, Эдриан смотрел ей вслед, пока дверь в ее комнату не закрылась. Он не знал, плакать ему или смеяться. Помешкав мгновенье, он покачал головой и вошел в свою комнату, держа в руке канделябр.

Воск капал на пол. Это была комната его отца — раньше Эдриан никогда здесь не спал. Он оглянулся по сторонам и выругался. Черт! Он хотел, чтобы сегодня Эбби была с ним, в его постели.

Но, к сожалению…

Только чувство юмора не позволило Эдриану впасть в ярость. Вот что происходит, когда у тебя такая репутация — если ты решишь измениться, никто, даже близкие друзья, не поверят тебе.

Но от Эбби он этого не ожидал. Эдриан был обижен. Но ведь, с другой стороны, он так и не сказал, что имел в виду. А когда понял, что произошло, не был достаточно быстр или настойчив, чтобы исправить свою ошибку.

Идти за Эбби в ее комнату и пытаться объясниться с ней через дверь — да даже и лицом к лицу, если бы она не успела ее закрыть, — было бы не самым удачным способом начать семейную

жизнь. Такое предложение слишком напоминало бы фарс.

Поставив канделябр на комод, Эдриан снял визитку и повесил ее на стул, затем избавился от жилета и галстука.

Он решил, что мог бы прожить еще одну ночь без Эбби. В конце концов, после восьми долгих лет сегодняшняя ночь ничего не решала. Все решит завтрашняя. Завтра, когда они будут ехать в двуколке, до самого Маллард-Коттеджа она будет вынуждена уделить ему внимание. И тогда он сможет все исправить — заставит ее забыть о сегодняшнем недоразумении и просто, прямо скажет ей все так, чтобы истолковать его слова неправильно было невозможно.

Например: «Эбби, я хочу на тебе жениться».

Эдриан произнес эти слова вслух и решил, что они звучат именно так, как надо. Улыбнувшись, он задумался еще кое о чем — о том, как Эбби прижималась к нему в коридоре. Ее бедра у его чресел, его рука сжимает ее грудь…

Губы Эдриана изогнулись в улыбке. Его глаза начали закрываться — и вдруг широко открылись.

— Черт подери!

Глава четвертая

Он вбежал в комнату Эбби, распахнув дверь с такой яростью, что она ударилась о стену. Эдриан с грохотом захлопнул дверь. Одетая лишь в сорочку Эбби стояла в центре комнаты, держа в руках свое платье, и смотрела на Эдриана, поджав губы. Он навис над ней.

– *Почему ты мне не сказала?*

Он не кричал, но стены, казалось, вздрогнули.

Прижимая платье к груди, Эбби попятилась, испуганно глядя на приближавшегося Эдриана.

— Не сказала ч-что?

После секундного замешательства она поняла, что он имеет в виду. Но он ведь не мог *знать* об этом, по крайней мере, не мог знать об этом наверняка. Она заставила себя замереть на месте и вздернула подбородок.

Эдриан не останавливался до тех пор, пока не подошел совсем близко, буквально нос к носу, глядя ей прямо в глаза. Даже когда его руки не касались ее, Эбби чувствовала их силу.

— В тот день, когда бушевала метель, — в первую ночь, которую я провел в Маллард-Коттедже, — ты спала со мной. Я занимался с тобой

любовью.

Эдриан помолчал, внимательно глядя ей в глаза и сжав губы.

— И, насколько я помню, ты была совсем не против.

По спине Эбби пробежали мурашки.

— Ты все путаешь. Я спала с тобой, потому что ты замерз и мы не могли согреть тебя по-другому. Что же до остального… — Она подняла подбородок еще выше. — Не знаю, что ты имеешь в виду. Тебе, наверное, приснилось.

Она хотела отвернуться, но не осмелилась сделать этого, снова угодив в ловушку его глаз. Эдриан обдумывал ее слова всего мгновение, а затем покачал головой.

— Попробуй еще раз.

Он положил руку на талию Эбби. Сквозь тонкую ткань сорочки она едва не обжигала девушку.

— П-попробовать что? — Во рту у Эбби пересохло.

— Убедить меня в том, что я не прав. — Он посмотрел на платье, которое она удерживала перед собой как щит. Одно движение — и оно упало на пол. — Я помню, как на следующее утро думал: «Я не знаю этой женщины. Она слишком страстная, слишком непосредственная, а ее лоно

очень узкое».

Эбби судорожно вдохнула и попыталась отстраниться, но Эдриан лишь подошел еще ближе, так, что ее сорочка касалась его рубашки и терлась о ее кожу, внезапно ставшую столь чувствительной.

— Я был прав, — продолжил Эдриан. — Потому что в первый раз ты была не такой… — он опустил взгляд на ее грудь, а затем ниже, чуть отклонившись назад, — …страстной. Я все помню. Из огромного числа женщин, которые у меня были, я помню только тебя. Шестнадцатилетнюю. Страстную, требовательную, непокорную. С длинными ногами, тонкими пальцами, небольшой грудью… Удивительно, что я не сразу узнал тебя в темноте.

Снова поймав ее своим янтарным взглядом, он продолжал наступать, вынуждая Эбби пятиться. Уголки его губ слегка изогнулись.

Эбби попыталась остановиться, но Эдриан заставил ее сделать еще один шаг назад и прижал к краю кровати.

— Эдриан… — Эбби хотела, чтобы ее голос прозвучал твердо, но это было больше похоже на мольбу.

Он склонился над ней. Она попыталась сдер-

жать дрожь, когда его губы коснулись мочки ее уха и скользнули ниже.

— Страстная, милая, непосредственная — и дурманящая…

Эбби чувствовала его дыхание на своей коже, чувствовала, как он вдыхает ее запах.

— Никто, кроме тебя, Эбби. Никто, кроме тебя.

Девушка закрыла глаза, ощущая, как ее разум заволакивает туманом, и пытаясь противиться этому. Она не могла снова принадлежать Эдриану. Касаясь губами ее кожи и обнимая за спину одной рукой, Эдриан слегка пошатнулся и ухватился другой рукой за столбик кровати. Запрокинув голову, Эбби схватилась за его плечи, чувствуя под тонкой тканью рубашки стальные мышцы.

— Эдриан, это ошибка.

Он перестал ее ласкать.

— Это никогда не было ошибкой — ни восемь лет назад, ни в ту ночь, когда бушевала метель. Ни сейчас.

Эбби открыла глаза, заставляя себя встретиться с ним взглядом. Желание, которое она увидела в глазах Эдриана, потрясло ее. Неужели он всегда желал ее так сильно?

— Я знаю, той ночью со мной была ты.

Казалось, что с каждым вздохом его взгляд, его лицо становятся более решительными. Губы Эдриана изгибались, и Эбби знала, что это не просто улыбка.

— Это было ошибкой, — выдохнула она. — Я не думала… не ожидала…

— Что я займусь с тобой любовью? — Эдриан приподнял бровь.

— Да! Я просто хотела согреть тебя!

— И это тебе определенно удалось. — Его улыбка стала шире. — Но одного я не могу понять…

Эбби готова была отдать все на свете, чтобы он сейчас ушел прочь вместе со своими вопросами. Но она знала, что Эдриан не сделает этого.

— Чего?

— Если ты не хотела заниматься со мной любовью, то почему не остановила меня?

Ей следовало *потребовать*, чтобы он ушел.

— Потому что я спала и не проснулась, пока… Ты задрал мою ночную рубашку, и тогда я уже не могла рассуждать здраво! — Эбби инстинктивно прикрыла грудь руками. — Ты очень хорош в постели, и тебе известно, что я… не могу думать… при этом.

Эдриан покачал головой.

— Ну уж нет. Это моя реплика. Я отлично пом-

ню тот случай на болотах. У руля тогда была *ты*. Я и думать не смел ни о чем, кроме того, чтобы коснуться твоего тела, и опомниться не успел, как был уже внутри тебя! Что же до ночи, когда бушевала метель… — Он замолчал, перебирая воспоминания и ища слова, чтобы описать ее смелость — как двигались ему навстречу ее бедра, как она жаждала его, принимая в себя…

Видимо, Эбби прочла это в его глазах. Она застыла.

— Не важно. Это была *ошибка! Я не хотела этого!*

Эдриан смотрел ей в глаза.

— Ты многим мужчинам позволяла обладать тобой?

Эбби моргнула. Ответ на вопрос он прочел в ее широко распахнутых глазах, на ее изумленном лице. Затем взыграл ее темперамент.

– *Никому!* — Эбби выбросила руки вперед. — Никому, кроме тебя. Никого, кроме тебя, у меня не было! Доволен?

Эдриан ухмыльнулся, не в силах сдержаться.

Эбби больно ударила его в грудь.

— Я не попросила тебя остановиться в ту ночь, когда бушевала метель, потому что *хотела* тебя! Я так долго мечтала о тебе, и вдруг ты появился…

— Эбби, Эбби…

У нее перехватило дыхание, когда Эдриан, обняв, привлек ее к себе и прижал лбом к своей груди, гладя по спине.

— Все хорошо…

— Все *не* хорошо! Это все *неправильно*…

Эдриан вспомнил о том, как не так давно она ошибочно истолковала его слова.

— Нет причин так думать. Я дома и хочу остаться здесь. Мы с тобой поженимся…

– *Нет!*

Эбби так решительно подалась назад, что от резкого движения они оба упали на кровать. Женщина попыталась освободиться из рук Эдриана, однако он легко удерживал ее.

— Успокойся.

Но Эбби не успокоилась — она извивалась до тех пор, пока Эдриан не выпустил ее из объятий, позволив сесть, а затем ткнула пальцем ему в нос.

— Я *не* выйду за тебя, Эдриан Эндрю Хоусли, перестань думать об этом…

— Почему? — Эдриан озадаченно уставился на нее. — Я понимаю: ты решила, что я хочу сделать тебя своей любовницей, — хотя представить себе не могу, почему тебе пришло это в голову. Но я

хочу *жениться* на тебе, Эбби. Я решил взять тебя в жены несколько дней назад — я ведь не знал, что ты еще не замужем, иначе подумал бы об этом раньше.

– *Прекрати!*

Гнев в голосе Эбби — обычно таком мягком — заставил его замолчать. Ее карие глаза пылали. Никогда раньше Эдриан не видел ее такой сердитой.

– *Прекрати лгать!* Мы оба знаем, что на самом деле ты не хочешь на мне жениться.

— Но я действительно *хочу* это сделать! — Эдриан стиснул зубы.

Эбби бросила на него испепеляющий взгляд.

— Ты не захотел жениться на мне семь лет назад. Почему ты передумал?

Эдриан уставился в ее исполненные боли глаза. Он был огорошен. Его разум отказывался ему служить. Эдриан чувствовал себя так, как будто с разбегу ударился головой о кирпичную стену. О боже! Грехи прошлого… Заставив себя не отводить взгляда, он попытался убедить Эбигейл:

— Эбби, это было семь лет назад.

Ему было всего двадцать два. Он был еще слишком юн. Не готов. Напуган. И последнее было справедливо до сих пор.

Эдриан сглотнул и добавил, стараясь, чтобы его голос не дрогнул:

— Я передумал, потому что поумнел.

Через год после того, как они переспали, его отец и отец Эбби задумали поженить их — ничего не зная о романе своих детей, они приняли это решение, просто отдавая дань своей многолетней дружбе. Эдриан был в ярости — встретив Эбби на болотах, он рассказал ей об этом, не скрывая негодования. Он не сказал, что не хочет на ней жениться, но это было и так понятно из его гневных бессвязных слов. Эбби ничего не знала об этом плане. Погладив Эдриана по руке, она сказала, что все уладит, и ушла. И она исполнила свое обещание. В своей обычной прямолинейной манере Эбби направилась прямо в кабинет отца и заявила, что никакая сила в мире не заставит ее выйти за Эдриана Эндрю Хоусли.

Сейчас Эдриан будто снова услышал эти слова.

Прежде чем он смог сказать еще что-нибудь, Эбби вскинула руки.

— Позволь мне задать тебе еще один вопрос. *Что именно* заставило тебя одуматься?

Ее сарказм задел Эдриана за живое. Было ясно, что он мог спорить с ней и даже умолять ее всю ночь — и это ни к чему бы не привело. Прищу-

рившись, Эдриан посмотрел на Эбби и сел. Его рубашка была уже наполовину расстегнута. Он освободил руки из рукавов и стянул ее через голову.

— Что ты делаешь?

Эдриан отбросил рубашку в сторону и потянулся к Эбби.

— Демонстрирую серьезность своих намерений.

Эбби посмотрела в его янтарные глаза, чувствуя, как ее снова охватывает желание. Она инстинктивно попыталась отстраниться, но Эдриан помешал ей — он схватил девушку за талию и уронил на кровать.

Эбби сопротивлялась. Это было глупо, она знала, что не сможет вырваться. Несмотря на это, она удвоила усилия, но Эдриан схватил ее за запястья и прижал руки к кровати, нависая сверху.

Он издал утробный рык. Его полузакрытые глаза сверкнули, и Эдриан наклонился, но не для того, чтобы поцеловать Эбигейл. Его губы слегка коснулись ее груди, отчего у нее сбилось дыхание.

— Ты хочешь меня, Эбби, мы оба это знаем. Ты хочешь меня так же сильно, как и я тебя.

Она не стала спорить с тем, что хочет его, но все

же он ошибался. У нее было семь лет на то, чтобы досконально изучить свои желания. Это чувство изжило себя. Колодец страсти в ее душе был пуст. Уйдут годы на то, чтобы он наполнился вновь.

— Нам нужно многое наверстать, — прошептал Эдриан, как будто услышав ее мысли. — Впереди у нас много лет.

Не дожидаясь ответа, он принялся ласкать ее сосок. Потеряв волю к сопротивлению, Эбби судорожно втянула воздух и закусила губу, сдерживая стон. Эдриан поиграл с ее соском языком, пока тонкая ткань сорочки не прилипла к нему, а затем обхватил его губами.

Когда Эбби смогла перевести дыхание, она слабо толкнула Эдриана в плечо.

— Эдриан… слезь с меня…

— Через секунду.

Сердце Эбби екнуло. Приподняв голову, она могла видеть лишь волосы Эдриана, пока он ласкал ее другую грудь. Зачем он дразнил ее?

— За это время я выучил сотни позиций, нужно только решить, какую из них показать тебе сегодня. Совсем не обязательно, чтобы я был сверху.

Его руки потянули ее сорочку вверх, обнажая груди. Когда руки Эдриана коснулись ее кожи, Эбби прекратила сопротивление, откинувшись

на кровать. Закрыв глаза, она извивалась, омываемая волнами наслаждения.

Женщина обезумела от страсти. Как и Эдриан — ведь того, что происходит, не должно было быть. Эбби знала это, но сейчас ей было наплевать. Она не могла сдерживаться, не могла прекратить это. Она не владела собой, когда была с ним, ни эмоционально, ни физически, как будто ее душа и тело знали, что существуют лишь для единственной цели — любить Эдриана — и подавляли ее разум.

Восемь лет назад Эбби соблазнила его, настояв на том, чтобы именно Эдриан удовлетворил ее любопытство касательно плотских удовольствий. Лишь когда она сказала, что иначе найдет кого-нибудь другого, он согласился. В тот день девушка заключила его в объятия и, невзирая на возражения, принудила войти в нее. Эдриан был настолько потрясен, как будто она ударила его доской по голове.

Эбби не думала, что и на сей раз их близость вызовет у него такое же удивление.

В любом случае она была не в состоянии обращать на это внимание. *Что это он сейчас делает?!*

Эбби подавила крик, когда губы Эдриана, проследовав по ее телу вниз, приблизились к ее лону.

Прежде чем она успела перевести дух, его язык коснулся ее *там*. Женщина вскрикнула, приподнимая бедра.

— Эдриан!

Он усмехнулся, устроившись между ее ног.

— Не будь такой нетерпеливой.

Едва почувствовав его дыхание, Эбби широко открыла глаза и попыталась вцепиться в него, но в этот самый момент Эдриан подхватил ее бедра, приподнимая еще выше.

— Я не…

Это было все, что Эбби успела сказать — больше ни одного осмысленного слова ей вымолвить не удалось. Эдриан целовал, лизал ее тело. Его язык проникал в нее. Она могла вынести его поцелуи, могла контролировать себя, когда Эдриан лизал ее, но едва его язык скользнул в ее лоно…

Эбби подумала, что умрет.

Она и представить себе не могла, что существует такое наслаждение. Волны удовольствия расходились по всему телу. Сердце билось все чаще, грозя вот-вот выскочить из груди. Чувствуя приближающийся пожар, Эбби попыталась отстраниться, но Эдриан не оставил ей ни единого шанса, ни единой возможности спастись, крепко удерживая за бедра и продолжая раздувать пла-

мя, пока оно не охватило все ее существо.

Он позволил пламени пылать — Эбби вскрикивала, задыхалась, извивалась, — а затем осторожно довел ее до черты.

Она выкрикнула его имя, достигнув пика наслаждения, столь яркого, что оно было почти невыносимым. Женщина чувствовала, как меркнет ее сознание. Плывя в море наслаждения, Эбби заметила, что Эдриан уложил ее на постель.

Сознание вернулось к ней, и Эбби пришла в себя. Она больше не чувствовала веса Эдриана — он встал с кровати. Вышел ли он из комнаты? Сможет ли она спастись?

Но ее тело вовсе не желало спасения. Эбби лежала неподвижно, чувствуя разгоряченной кожей холод простыней, ее тело плавилось, окутанное жаром, но все еще жаждало продолжения. Она хотела Эдриана. Хотела чувствовать его внутри. Хотела, чтобы он заполнил ее. Постепенно Эбби поняла, что на ней больше нет сорочки, и испытала облегчение — значит, он не ушел.

В тот же миг Эдриан вернулся. Подняв веки, она увидела, как он переставил канделябр на столик у кровати. В свете свечей обнаженное тело Эдриана выглядело великолепно. Опустившись на Эбби сверху, он взглянул ей в лицо. Она ощутила

тяжесть его орудия прямо у своего входа.

— Просто спокойно лежи, — прошептал Эдриан, увидев блеск ее глаз.

Затаив дыхание, Эбби позволила ему войти в нее. Эдриан не торопился, и Эбби чувствовала, как ее лоно расширяется, принимая его. Со стоном она подалась вперед, позволяя проникать все глубже.

Убрав локон с лица Эбби, он поцеловал ее в лоб.

— Все хорошо?

— Ммхх… — Она открыла глаза. На лице ее любовника отражались страсть и желание. Потянувшись вверх, Эбби приблизила к себе голову Эдриана и поцеловала его в губы. — Да… — выдохнула она.

Он позволил ей это сделать, а потом перехватил контроль над происходящим, напомнив девушке, насколько хорошо он умеет целоваться. На мгновение жар лобзания охватил ее полностью, все чувства обострились. Тело Эдриана вжимало ее в мягкую кровать, он двигался внутри нее, и, чувствуя его стальные мускулы, женщина казалась себе такой слабой, такой уязвимой по сравнению со своим мужчиной. Эдриан проник глубже, затем подался назад и начал медленно

двигаться, словно проверяя, насколько далеко он может зайти, и не только физически. Он хотел определить предел ее сладострастия, чувственности, нежности, готовности покориться ему. Своими движениями он будто завоевывал ее.

Снова полностью заполнив ее лоно, Эдриан отодвинулся и вернулся, чуть быстрее, но все еще давая понять, что, наслаждаясь ее телом, он не видит смысла в спешке. Нервы Эбби звенели от напряжения. Начался танец.

Размеренный ритм постепенно ускорялся, когда страсть начала брать над ними верх. Эбби почти слышала музыку, в такт которой двигалось ее тело. Размеренные движения Эдриана внутри нее становились все более дикими, все более властными, оставаясь в то же время грациозными. И это было прекрасно. Прекрасно…

Это слово эхом отдавалось в ушах Эбби, пока ее тело подстраивалось под его движения, возносясь на волнах чувственного наслаждения. Наслаждения, которое Эдриан дарил ей. Наслаждения, которое они дарили друг другу.

Когда симфония страсти уже приближалась к крещендо, женщина поняла, как умело ею дирижировали. Эта мелодия была написана и исполнена для того, чтобы доставить ей удо-

вольствие, для того, чтобы пленить ее. Эбби улыбнулась и с тихим вздохом отдалась этой безмолвной музыке наслаждения, которую слышала раньше лишь в своих снах. Отдалась мужчине, сжимавшему ее в объятиях.

Эдриан следил за ней. От него не укрылся миг, когда Эбби сдалась, не в силах противостоять ему, его умениям. Он ликовал, но постарался не показать этого, прикрыв глаза и сосредоточившись на своих ощущениях.

Эбби была подобна жидкому шелку в его руках — горячая, гладкая, нежная, лучащаяся энергией. Их руки и ноги переплетались, ее тело выгибалось под ним, лоно сжималось — мечта любовника. Но необузданность Эбби укрощала его порывы, удерживала его, заставляла растворяться в мгновении, когда они сливались в единое целое, он и она.

Они вместе достигали пика наслаждения. Не помня себя от страсти, они жадно, ненасытно проживали вместе каждый миг удовольствия. Им хотелось еще и еще. Эбби требовала от Эдриана больше, чем его бывшие любовницы, даже более опытные. Она была решительной, раскрепощенной, свободной.

И он в полной мере проявлял в эти мгновения

свое мастерство, возвеличивал душу в страсти, вкушал ее искреннее желание. Эта женщина была воплощением его мечты и сулила многое — и, кроме нее, ему не был нужен никто. Они вместе воспарили в экстазе, когда их тела судорожно напряглись — и расслабились. Эдриан и Эбби слились воедино. Острое чувство восторга заполнило его душу. Он выдохнул ее имя, чувствуя, как сокращается ее лоно.

Постепенно они вновь спустились на землю, все еще сжимая друг друга в объятиях и не желая отпускать.

Эбби и Эдриан устроились поудобнее, но так и не отодвинулись друг от друга. Их губы вновь слились в поцелуе.

Свеча догорела, и их объяла тьма. Тихо подкрался сон, и любовники провалились в беспамятство, все еще обнимая друг друга. Их тела переплелись. Как и души.

Он вошел в нее на рассвете, когда поднимающееся солнце залило небо золотом. Они любили друг друга без слов, и каждый из них искал и находил счастье, которое они не могли найти ни с кем другим.

Сила этого чувства пугала.

Эбби пыталась сдержаться, пыталась отрицать

это, чтобы ощущения не смели́ ее полностью.

Эдриан положил руку ей на живот, коснувшись носом ее уха.

— Перестань, милая. Будь моей.

И она подчинилась ему — и буря прошла сквозь нее, сквозь него, взяв их обоих, когда Эбби наконец признала истину.

Впрочем, это ничего не изменило.

Позже, когда они лежали в постели, понимая, что скоро им так или иначе придется встать, Эбби решила взять быка за рога.

— Я не выйду за тебя.

Она почувствовала косой взгляд Эдриана.

— Выйдешь.

— Нет. — Отбросив одеяло, Эбби села на кровати, подбирая рубашку.

Эдриан не стал спорить.

Новый день выдался ясным. Ближе к полудню дорогу в деревню расчистили достаточно хорошо, чтобы можно было проехать. Ни за завтраком, ни по дороге домой Эдриан ни словом не обмолвился как об их расхождениях в вопросах брака, так и о том, что произошло между ними ночью.

К тому времени, когда двуколка вернулась в конюшню, а Эсме, Агнесс и Болт убедились в том, что с ними все в порядке, Эбби то и дело бросала

на Эдриана подозрительные взгляды. Тот притворялся, будто не замечает их.

Это лишь усиливало ее подозрения.

После обеда Эдриан проследовал за Эбби и Эсме в гостиную. Когда все расселись, он окинул взглядом каминную полку и посмотрел на Эсме.

— Тетушка Эсме. — Она настаивала, чтобы он называл ее именно так. — Хочу предложить вам и Эбби поехать со мной в Лондон через несколько дней.

Эсме улыбнулась, посмотрев на Эдриана поверх вязанья.

— Конечно, мой дорогой. Когда вы собираетесь отправляться в путь?

— Нет! — вскинулась Эбби, уставившись на тетю. — То есть… — Она бросила на Эдриана злобный взгляд. — Мы не можем просто собраться и поехать в Лондон только потому, что лорд Деа нас об этом попросил.

— Не можем? — нахмурилась Эсме. — Не вижу, почему бы нет, дорогая. Не то чтобы у нас здесь были какие-то неотложные дела… В общем-то, у нас здесь нет *никаких* дел.

— Но… Но… Подумай о благопристойности!

— В моем-то возрасте? — Эсме удивленно уставилась на племянницу.

— В моем!

— Но, дорогая, я ведь тоже буду там — я имею в виду, в доме лорда Деа. — Эсме улыбнулась Эдриану. — Полагаю, именно там мы будем гостить?

— Да. Хоусли-Хаус достаточно большой и полностью укомплектован прислугой.

Поджав губы, Эбби взглянула на лорда.

— И что ты задумал? — спросила она.

Эдриан улыбнулся, впервые за день.

— Я надеялся получить от тебя советы по поводу реконструкции Беллевера. Господь свидетель, ни одному мужчине такая задача не под силу.

— Святые угодники, разумеется! — воскликнула Эсме. — Только представить себе… Едва ли мужчина на это способен.

Эдриан кивнул, не сводя взгляда с Эбби.

— Конечно, я хочу, чтобы мой дом снова стал обитаемым, но пока мы не закончим реставрацию, он не будет отвечать моим требованиям.

— Значит, ты не станешь нанимать прислугу, прежде чем дом не будет отреставрирован? — уточнила Эбби.

— Именно.

Эдриан слегка улыбнулся. Эбби занервничала.

— До тех пор, пока я не буду полностью доволен и пока *все* не окажется на своем месте, как

должно быть в Беллевере, я не вижу смысла возвращаться на болота.

Эбби прищурилась, глядя на него. В глубине души она нервничала. Эдриан слишком хорошо знал ее — он знал, что она не вынесет, если по ее вине он не вернется домой. Эбби понятия не имела о том, зачем ему понадобилось тащить ее в Лондон, и не видела, каким образом это может что-либо изменить.

— Понятно. — Эбби откинулась на спинку кресла и улыбнулась Эдриану. — И когда же мы отправляемся в путь?

«Как можно быстрее» — был ответ, вертевшийся у Эдриана на языке, и хотя он попытался не выдать своего нетерпения, Эбби почувствовала это. Она была начеку, все еще не понимая, зачем ему все это понадобилось.

Они прибыли в Хоусли-Хаус, расположенный на Керзон-стрит, поздним вечером, проведя в дороге три дня. Эбби уже бывала в столице, посещая Королевские ботанические сады Кью, но это был ее первый выход в высший свет. Протянув руку, Эдриан помог девушке спуститься с экипажа, и они последовали за Эсме к крыльцу его дома. Эбби отметила про себя, что в этом фешенебельном квартале довольно тихо и чисто.

Миновав внушительную входную дверь, Эбби поняла, что внутреннее убранство дома, почти аскетическое, ей тоже нравится — никакой позолоты и вычурности. Бросалась в глаза разве что ваза с цветами на столике у стены, но на фоне строгого декора подобная яркость смотрелась неплохо.

Эдриан увидел цветы и улыбнулся своей фирменной полуулыбкой.

— О, как удачно! Мама дома.

Дженет, виконтесса Деа, была очень рада их видеть. Она поприветствовала Эбби как собственную давно потерянную дочь.

— Дорогая моя, сколько времени прошло! — воскликнула виконтесса, выпуская гостью из своих благоухающих объятий. — Я слышала о твоих успехах и часто интересовалась, как ты там. — Она одарила Эдриана улыбкой, подставив щеку для поцелуя. — Гости в январе — дорогой мой, ты весьма предусмотрителен.

Эсме и Дженет знали друг друга давно, так что Эбби не удивилась, когда на следующее утро за завтраком у Эдриана было уже два союзника вместо одного.

— Мы с твоей тетушкой отправляемся в гости к старым друзьям, дорогая, поэтому позволь лорду

Деа тебя развлечь.

Эбби мило улыбнулась, не рискуя взглянуть на того, кто был даже слишком рад ее развлечь. К ее удивлению, Эдриан повел ее на склад тканей, где они все утро рассматривали образцы, а затем в библиотеку, чтобы отложить книги, которые стоило отвезти в Беллевер.

«Помогать Эдриану обновлять Беллевер — довольно невинное развлечение», — решила Эбби. Как только речь заходила об этом, виконт думал только о деле. Она была в безопасности.

На следующий день он потащил Эбби выбирать ковры, а затем к столяру. Потом настала очередь обоев, краски и зеркал. День после этого выдался дождливым и угрюмым. Все утро они, сидя в библиотеке, спорили о цветовой гамме, а после ленча Эдриан нарисовал план первого этажа и они с Эбби размечали, где поставить те предметы мебели, на которых они сошлись во мнении.

Лучик солнца, пробившись сквозь тучи, скользнул по полу библиотеки и упал на блокнот, лежавший на коленях Эбби. Девушка пыталась изобразить, как в ее представлении должен выглядеть салон. В этот момент она поняла, насколько глубоко вовлечена в восстановление дома Эдриана.

Эбби бросила взгляд на виконта, сидевшего за своим столом в другом конце комнаты и отмечавшего что-то на плане. Его увлеченность домом не была притворством, и то, чем они занимались, не было очередной попыткой ее соблазнить. Девушка улыбнулась, глядя на то, как сосредоточен сейчас Эдриан, и опустила глаза на свой рисунок. Может, он и использовал необходимость ремонта Беллевера как предлог, чтобы привезти ее в Лондон, но вряд ли Эдриан мог представить себе, насколько ей нравилось это занятие и его увлеченность. Раньше Эбби никогда не замечала в виконте Деа такого упорства и целеустремленности.

Сейчас перед ней был совсем другой Эдриан, не тот юноша, которого она знала. В дни его буйной молодости это был повеса, игрок и развратник, чьи похождения быстро становились достоянием общественности. Теперь же он демонстрировал качества, присущие джентльмену: он был верным сыном, заботливым хозяином, человеком, который ценит свой дом. За все это время Эбби не видела Эдриана даже под хмельком, не считая ночи, когда бушевала метель, но тогда в этом была скорее ее вина.

После обеда виконт не шел кутить или играть

в карты, как сделали бы многие люди его положения, а направлялся в библиотеку. Как-то раз последовав за ним, Эбби увидела, что он читает, — книги, которые хотела бы прочесть и она.

По словам Агнесс, чтение вошло у Эдриана в привычку — он вовсе не пытался таким образом произвести впечатление на Эбби.

Эбигейл снова посмотрела на виконта, глядя, как солнце играет в его каштановых волосах, и вернулась к своему рисунку.

На следующее утро распогодилось. Эдриан предложил отвезти Эбби в Кью, где она могла бы встретиться с управляющими. Та с готовностью согласилась. Но пока они ехали к садам в его новом экипаже, она невольно задумалась, не будет ли Эдриану там скучно.

Однако ему вовсе не было скучно. Более того, Эдриан не околачивался возле нее, как поступил бы любой другой из ее знакомых джентльменов, вызывая лишь раздражение. Вместо этого виконт предоставил ей самой разговаривать с управляющими и двумя знакомыми художниками. Когда настала пора уходить, Эбби обнаружила Эдриана осматривающим оранжерею с кактусами.

К собственному удивлению, девушка поняла, что ей нравится в столице.

Поскольку на дворе был январь, представители высшего общества находились в основном в своих зимних резиденциях, где вынуждены были оставаться еще в течение нескольких недель, так что в городе не было ни модниц, ни почтенных вдов с жадными глазами. Балы и светские рауты случались крайне редко, и те леди и джентльмены, которые остались в городе, предпочитали проводить время в менее суетливой обстановке — куда легче жить так, как тебе хочется, когда на тебя не направлены взгляды общественности.

Подобное положение вещей вполне устраивало Эбби — она просила Эдриана возить ее по городу, останавливаясь то тут, то там, чтобы она могла сделать набросок. Дома Эбигейл редко выпадал шанс порисовать, и она не хотела упускать такую возможность.

Однажды утром, когда Эбби рисовала здание Конной Гвардии, она поняла, что Эдриан, сидящий рядом с ней, замер. Обернувшись, женщина увидела, что он держит в руках один из ее альбомов с набросками, с непроницаемым лицом глядя на одну из страниц.

Повернув голову и посмотрев ей в глаза, он тихо спросил:

— Можно я возьму вот это?

Эбби озадаченно склонилась к нему, чтобы посмотреть, о каком рисунке он говорит.

Это было изображение Беллевера — перед поездкой в Лондон она сделала несколько набросков старого дома с разных ракурсов, чтобы набить руку перед тем, как рисовать столичные здания. Эбби рисовала по памяти, и Беллевер был запечатлен таким, каким она его представляла, а не таким, каким он был на самом деле.

«Да, конечно», — собиралась ответить она, но все же перед этим критически оглядела набросок.

— Если хочешь.

— Подпиши. — Эдриан протянул ей альбом.

Эбби исполнила его просьбу, положив альбом поверх книги, которую использовала как подставку, затем, закрыв альбом, протянула его Эдриану.

— Не открывай, пока мы не вернемся домой. Я сама вырежу этот рисунок.

Вернувшись в Хоусли-Хаус, они встретили Дженет и Эсме. Женщин переполняли эмоции.

— Мы все приглашены сегодня вечером на обед к Кумб-Мартинам, — сообщила Дженет.

— Ой! — испуганно выдохнула Эбби. Несмотря на то что она привезла в Лондон свои лучшие

наряды, сейчас, поглядев на туалеты столичных дам, она вовсе не была уверена в том, что ее платья достаточно хороши для приемов. — Не думаю, что…

— Эдриан, ты должен отвезти нас к мадам Фоллио — Эсме хочет познакомиться с законодателями современной моды. — Дженет перевела взгляд на Эбби. — Ты тоже должна поехать, моя дорогая. Нельзя, находясь в столице, не побывать на Брутон-стрит.

Эбби не смогла ответить на приглашение виконтессы отказом — и в итоге после долгой примерки ей подарили один повседневный наряд, два вечерних платья и очень откровенное бальное платье из аквамаринового шелка с газовой накидкой. От ее взгляда не укрылось, что после каждой примерки Дженет взглядом спрашивала одобрения у сына.

Любые попытки Эбигейл протестовать Дженет с улыбкой отметала.

— Дорогая, ты мне как дочь, и прошло уже столько лет с тех пор, как я имела удовольствие покупать такие платья. Уважь старушку.

И что тут было возразить? Эбби приняла подарки, хотя ее взгляд, брошенный на Эдриана, говорил о скором возмездии. К сожалению, на

вечернем приеме ей пришлось надеть один из новых нарядов, следить за манерами, держать Эдриана под руку и полагаться на его поддержку. К счастью, он был, как всегда, обаятелен и элегантен, и, отходя вечером ко сну, Эбби не могла не признать, что провела время весьма приятно. Так что возмездие можно было и отложить.

На следующий день они закончили выбор тканей и заказали белье, а днем позже побывали в магазине, специализирующемся на столовом серебре и хрустале. Эбби чувствовала себя обманщицей, когда сам владелец магазина, узнав титул Эдриана, предоставил себя в их полное распоряжение, демонстрируя лучшие образцы.

Двадцать минут спустя Эбби отправила его за графином, который заметила в дальней витрине, и, когда владелец магазина отошел достаточно далеко, повернулась к Эдриану, рассматривавшему витрину позади нее.

— Такие решения должна принимать твоя супруга! — прошипела женщина.

— Так и есть, — ответил Эдриан, посмотрев ей в глаза.

Эбигейл была потрясена — он говорил настолько твердо, смотрел настолько уверенно, что она не нашлась, что ответить, и вынуждена была

подойти к владельцу, притворившись, будто осматривает графин.

Эбби отказалась принимать окончательное решение по поводу посуды, и в итоге ее выбирал Эдриан. Он купил именно то, что купила бы и Эбигейл, — оказывается, он наблюдал за ней куда более внимательно, чем она думала. Потрясенная, раздраженная и сердитая, Эбби не вымолвила ни слова, возвращаясь на Курзон-стрит.

А в Хоусли-Хаус их уже ждали новости.

— Уордсли дают бал! — Дженет, разливавшая чай, указала на стулья, приглашая садиться. — Арабелла Уордсли сообщила об этом около часа назад. Их дочь Хелен выходит замуж за лорда Данберри. Он кузен и наследник герцога Селикиркского, и его светлость намеревается посетить Лондон на этой неделе, так что все приглашены на бал в честь помолвки. — Глаза Дженет горели. — Только представьте! Кто бы мог ожидать, что столь важный бал дадут в это время года?

Слабо улыбнувшись, Эбби подумала о том, что Эдриан, возможно, ожидал и этого.

Масштабы его коварства стали очевидны для Эбигейл позже, вечером, когда она обнаружила на прикроватном столике томик стихов Джона Донна в кожаном переплете с позолоченным

тиснением. Сидя на кровати, женщина перелистывала страницы, пораженная силой слов. В мерцающем свете свечей она прочла стихотворение, пробудившее в ее душе яркие воспоминания, и, вздохнув, закрыла книгу. Поколебавшись, Эбби открыла форзац — раньше она не сподобилась этого сделать, ведь ей и так было понятно, кто оставил эту книгу.

И оказалась права.

Прочтя то, что написал Эдриан, Эбби захлопнула книгу и закрыла глаза, пытаясь успокоиться, убедить себя в том, что надежды, которая неосознанно крепла в ней изо дня в день, не существует.

— Будь он проклят…

Как он мог снова подвергнуть ее этому испытанию?

Открыв глаза, Эбби отложила книгу, встала и вышла из комнаты.

В доме было тихо. Все уже отошли ко сну, но Эдриан, как полагала Эбби, засиживался в библиотеке допоздна. Спустившись по главной лестнице вниз, женщина увидела свет, пробивающийся из-под двери, и поняла, что оказалась права. Расправив плечи и выпрямившись, Эбби открыла дверь и вошла.

Помедлив, чтобы запереть за собой дверь, Эбигейл прошла по ковру к столу, за которым сидел Эдриан. Сегодня он не читал, а был занят бухгалтерией. Подняв глаза, когда она вошла, и понаблюдав за ее приближением, виконт снова зарылся в бумаги, едва Эбби оказалась рядом с ним.

— Что случилось?

— Ты соблазняешь меня! — Эбби остановилась у стола, глядя на него.

— Хм… — Эдриан уронил на лист кляксу. — И как, у меня это получается?

— Это *ты* должен знать — ты же у нас эксперт по этим вопросам!

Эбби уставилась на него.

Эдриан поднял голову.

— Раньше мне не приходилось заманивать женщину в брачные сети, так что — нет, не знаю, — ответил он и продолжил возиться с бумагами.

Эбби окинула библиотеку взглядом в поисках чего-нибудь, чем его можно было бы ударить. Ее взгляд остановился на тяжелом латунном пресс-папье.

— Даже не думай об этом.

Эбби снова взглянула на лорда с растущей

яростью. Он даже не посмотрел на нее в ответ. Девушку чрезвычайно *злило* то, насколько хорошо он ее знал.

Но она тоже хорошо его знала.

Скрестив руки на груди, Эбби обдумала то, что хотела сказать, и произнесла, стараясь, чтобы ее голос звучал спокойно:

— Эдриан, я не понимаю твоей одержимости тем, чтобы сделать меня своей женой. Тебе придется смириться с тем, что этого не произойдет. Я не выйду за тебя.

Со сводящей с ума аккуратностью он отложил перо, промокнул последнюю запись и закрыл гроссбух. И лишь после этого поднял глаза.

— Ты или никто, Эбби. — В глазах Эдриана светилась уверенность. Мгновение спустя он добавил: — Тебе решать.

Эбби продолжала смотреть на него. Время шло, но ничего не менялось. Он не двигался, ни словом, ни жестом не пытаясь смягчить свои слова. Она или никто.

Эбигейл поняла, что это его окончательное решение.

Она вздохнула, склонила голову и, развернувшись, вышла из комнаты.

Глава пятая

«Никакая сила на свете не заставит меня выйти замуж за Эдриана Эндрю Хоусли».

Эбби помнила, как произносила эти слова, и она говорила совершенно серьезно.

Стоя у окна в своей спальне, женщина смотрела на двор, скрытый в утреннем сумраке. Она отчетливо помнила, как вошла в кабинет отца после того, как узнала от Эдриана, что их собираются поженить. В тот момент она даже не могла бы сказать, на кого злилась больше — на его отца, на своего отца или на самого Эдриана. Или на себя. Но Эбби знала, что ей делать. До тех пор, пока Эдриан не уехал в Лондон, она не признавалась себе в том, что ее сердце и мечты разбиты вдребезги.

До тех пор, пока Эдриан не продемонстрировал столь пылко нежелание жениться на ней, она и не думала, что втайне мечтает о том, чтобы он понял и принял ее любовь. То, что произошло тогда между ними на болоте, распахнуло ее сердце и душу, заставив любовь зацвести пышным цветом. Тот факт, что после того дня Эдриан ни разу не вспоминал о происшедшем, совсем не беспокоил ее — Эбби понимала, что ему нужно время, чтобы

разобраться в их отношениях. Вместо этого…

После того как боль немного поутихла, Эбби убедила себя в том, что Эдриан на самом деле любит ее, но из-за настойчивости их родителей не готов признаться себе в этом. Если так, то со временем он придет в себя, осознает истину и вернется к ней.

И Эбби ждала.

А он все не возвращался.

Пока в первый день нового года он не упал к ее ногам.

Эбби поморщилась. Она не могла лгать себе, что не любит его, — ведь она знала, что это не так. Их разделяло совсем не это.

Женщина смотрела в окно до тех пор, пока начавшаяся в доме утренняя суета не напомнила ей о том, что пора одеваться. Поджав губы, Эбби отвернулась от окна и обвела взглядом комнату.

Никакая сила на свете не заставит ее выйти замуж за Эдриана Эндрю Хоусли. Кроме, может быть, любви.

Он сказал, что вернулся на болота, чтобы начать все заново, исправив ошибки прошлого.

Если это и правда было так, возможно, ей следует сделать то же самое.

* * *

Эдриан обнаружил на столе в кабинете сделанный Эбби набросок и спустился к завтраку, держа его в руке.

— О, это просто великолепно! — Дженет улыбнулась Эбби. — Ты сможешь нарисовать и остальные комнаты? Было бы здорово посмотреть на то, что Эдриан собирается сделать.

Да, знать, что Эдриан собирается сделать, было бы и правда здорово. Прежде чем кивнуть, Эбби позволила своим глазам задержаться на его лице пару мгновений — этого хватило, чтобы заметить самодовольство в его глазах.

— Как вам будет угодно.

По крайней мере, ей будет чем заняться в свободное время.

Эбби принялась за работу сразу же после завтрака, устроившись у окна в библиотеке, где освещение было лучше всего.

— Я не помешаю? — спросила она, глядя, как Эдриан усаживается за стол.

— Справлюсь, — ответил он, приподняв бровь.

На мгновение их взгляды встретились.

Эбби тоже приподняла бровь, а затем начала работать, набросав примерный план семейной

гостиной.

— Можно мне взглянуть на чертеж?

Эдриан поднялся, передавая его Эбби. Положив рядом с собой чертеж, женщина подобрала цвета, пользуясь заметками Эдриана, и принялась оживлять набросок.

Виконт наблюдал за ней, прислонившись плечом к оконной раме. В другое время Эбби прогнала бы его — она ненавидела, когда люди заглядывали ей через плечо во время работы, — но Эдриан в их юношеские годы делал это так часто, что его присутствие ее не отвлекало. По крайней мере, не так, как обычно.

— Вдоль этой стены будет полка для тарелок, — показал пальцем на рисунок Эдриан.

Эбби взяла другой карандаш, чтобы дорисовать полку. Она почувствовала колебание Эдриана, как будто он собирался ей что-то сказать.

— Я понимаю, что тебя попросила об этом мама, но Беллевер огромен. Рисовать все комнаты — очень трудоемкое задание. Я готов нанять тебя за твою обычную плату.

Эбби не перестала рисовать и не подняла глаз. Через несколько секунд она ответила:

— На Новый год был день твоего рождения, тебе исполнилось тридцать лет. Я подарю тебе

эти рисунки.

Последовала тишина, наполненная мыслями и колебаниями. Затем Эдриан спросил:

— А можно я сам выберу подарок?

— Все, что ты получишь, — это рисунки.

Даже не глядя на него, Эбби знала, что он улыбается.

— В таком случае я возьму их.

Сказав это, Эдриан вернулся к своему столу. Эбби улыбнулась и продолжила рисовать.

На следующее утро, когда тетушка и мать Эдриана усадили Эбби в экипаж, направлявшийся в Ричмонд, она была уже не так самоуверенна.

День выдался удивительно погожий. Светило солнце, воздух был чист. Безлюдный парк показался Эбби прекрасным — обнаженные ветви деревьев, скованные льдом, сверкали на солнце, нависая над покрытыми снегом газонами. Рогатые олени с любопытством вытягивали головы, рассматривая чужаков.

Эбби почти забыла о хитростях Эдриана и вспомнила о них лишь в тот момент, когда он забрал у нее карандаш и потянул ее за собой по аллее.

Этот человек был распутником — возможно, самым опытным любовником в лондонском выс-

шем обществе. Мастером соблазнения. И об этом не стоило забывать.

Особенно оставаясь наедине с ним.

— Перестань дрожать — я тебя не съем. По крайней мере, — промурлыкал Эдриан, — не здесь.

— Я замерзла. — Эбби залилась краской от столь бесстыдной лжи. Она понимала, на что он намекал, и это приводило ее в ужас.

— Ты стала такой врушкой, милая, — хмыкнул Эдриан, заставив Эбби покраснеть еще больше.

Эбигейл не удостоила его ответом. Эдриан взял ее под руку, а другую руку положил на ее ладонь, даже сквозь перчатку чувствуя ее тепло. Юбки Эбби касались его ботинок. Эдриан и Эбигейл держались за руки, и это заставляло их обоих думать о физической близости. Эбигейл вздохнула, уверенная в том, что Эдриан в этот момент смотрит на ее грудь.

— Этот бал… Там будет много народу?

— Определенно более сотни человек, а может, и более двух сотен. В это время года вряд ли наберется больше гостей.

— Две сотни человек… — Эбби попыталась представить себе эту толпу.

— Многие из них — представители старшего поколения, те, кто уже не покидает город зимой.

Но будет и немало тех, кто по той или иной причине вернулся в Лондон.

Вроде самого Эдриана. Эбби подумала, сможет ли она не ударить в грязь лицом, сможет ли веселиться на балу. Будет ли Эдриан рядом с ней…

— Танцы будут?

— Да, но не так много, как в разгар сезона. Да и почетному гостю это вряд ли интересно.

— Ты имеешь в виду герцога? — Эбби посмотрела на Эдриана.

Тот кивнул, думая совсем о других вещах. Куда более интересных.

— Ты умеешь танцевать вальс?

— Немного. — Эбби поежилась.

— Ты производила фурор на каждом Охотничьем балу?

— С тех пор как ты уехал, у нас не бывало Охотничьих балов. — Эбби бросила на Эдриана неодобрительный взгляд.

Он приподнял бровь.

— В таком случае я просто обязан это компенсировать.

Не успела она понять, что он собирается сделать, как Эдриан развернул ее к себе, обнимая, и принялся вальсировать, напевая. К счастью, Эбби машинально приспосабливалась к его движени-

ям, несмотря на то что ее глаза вытаращились от удивления.

— Эдриан! — Женщина оглянулась вокруг.

— Нас никто не видит, — ответил он, продолжая напевать и медленно двигаться.

— Олени смотрят на нас так, будто мы сошли с ума!

— Прекрати ворчать и будь внимательнее.

— Внимательнее? — Она уставилась ему в глаза. — Кто-нибудь проезжающий мимо, увидев нас тут, решит, что мы сошли с ума!

Эдриан ухмыльнулся, притянув Эбби ближе к себе.

— Тебе нужно попрактиковаться. Расслабься и следи за ритмом.

Выразив свое отношение к происходящему рассерженным хмыканьем, Эбби так и сделала. Раньше Эдриан никогда с ней не танцевал — у него не было такой возможности. Пока они кружили в вальсе по заснеженному газону, виконт думал о том, каким же недальновидным дураком он был. Было так чудесно обнимать Эбби, она была как будто создана для него. Сосредоточившись и поймав ритм, Эбигейл расслабилась, и магия танца околдовала их обоих.

Благодаря вальсу Эдриан соблазнил немало

женщин, но сейчас, когда в его объятиях была Эбби, он не думал о соблазнении — не планировал каждый ход в этой игре, не искал способа победить. Он думал лишь об Эбби. О том, как ее тело движется в такт с его телом, о ее гибком стане, о манящих бедрах. Виконт смотрел на нее до тех пор, пока окружающий мир не перестал для него существовать. Их взгляды встретились.

Эдриан перестал напевать — их тела двигались под собственную музыку.

Они вальсировали, медленно кружась, на белом газоне под покрытыми изморозью ветвями. Было холодно и очень тихо, и, казалось, ничто не могло разрушить эти чары. Глядя друг другу в глаза, они вели диалог — вернее, их тела говорили за них. О желаниях, о нуждах и простых удовольствиях. О прошедших годах. О прошлом и о возможном будущем. О надеждах.

Эбби и Эдриан стали двигаться медленнее, но не заметили этого. И лишь спустя какое-то время остановились.

Их дыхание превращалось в пар. Оба замерли, не желая разрушать очарование момента. Медленно, нерешительно Эдриан склонил голову. Эбби смотрела ему в глаза, потом чуть прикрыла веки, опустив взгляд на его губы. Она потянулась

навстречу Эдриану, коснувшись его губ своими, и приоткрыла рот, сливаясь с ним в поцелуе.

Будто какое-то колдовство не давало им отстраниться друг от друга. Произошло чудо озарения — старый друг вдруг обернулся возлюбленным. Эдриан и Эбигейл находились под властью чар, их губы сливались, языки переплетались. Трудно было сказать, кто из них первым подался вперед, заключая другого в объятия, — возможно, они сделали это одновременно. Руки Эдриана обвили стан Эбби, она обхватила его шею.

Это неожиданное проявление чувств потрясло виконта. Чуть не застонав, он попытался высвободиться, но Эбби крепко сжимала его в объятиях. Проклятье! Он был словно одержим ею. Эдриан не мог отказаться от того, что она ему предлагала, не мог прервать этот миг восторга.

Когда он наконец оторвался от губ Эбигейл, у него кружилась голова. Ему было больно. По-настоящему больно.

Такая податливая в его руках, Эбби посмотрела на Эдриана, ловя его взгляд. Он увидел в ее глазах растерянность, сменившуюся пониманием и нескрываемым женским триумфом.

Она улыбнулась.

Эдриан сдержал стон.

Эбби выпрямилась и огляделась вокруг.

— До дома далеко…

— Неподалеку есть хорошая гостиница.

Ее улыбка не исчезла, но стала мягче.

— Думаю, нам пора.

Эбби попыталась высвободиться из его объятий, но Эдриан удержал ее. Прижимаясь к нему, девушка прекрасно понимала его состояние. Глаза Эбигейл расширились в немом вопросе.

— У меня есть предложение, — произнес Эдриан.

Эбби вопросительно приподняла бровь.

— Я не буду пытаться соблазнить тебя, а ты не будешь заманивать меня в ловушку.

Эбби не стала сделать вид, будто не понимает, о чем он. Обдумав предложение, она спросила:

— А если ты все же попытаешься это сделать?

— Тогда в следующий раз можешь менять правила, как тебе будет угодно. — Он знал, что она все равно будет соблазнять его, пусть и невольно. — Я буду признателен, если ты пощадишь мое эго.

Эдриан выпустил Эбигейл из объятий, взял ее под руку и направился к экипажу.

— Твое эго? — Она взглянула ему в лицо.

— Неправильно, когда ловеласа соблазняет его жертва.

Эбби взглянула на дорогу. Уголки ее губ поползли вверх, превращая слабую улыбку в широкую усмешку.

— Ты действительно больше не играешь в азартные игры?

Эбби задала этот вопрос, устроившись на своем обычном месте — у окна в библиотеке. Сидя за столом, Эдриан поднял голову, посмотрел на нее и вернулся к письмам.

— Ты имеешь в виду карты, скачки и прочее?

— Да. И прочее.

Этот вопрос уже несколько дней не давал ей покоя, и она попыталась получить на него ответ.

— За семь лет я не сделал ни одной ставки.

— С тех пор, как умер отец? — поколебавшись, уточнила Эбигейл.

Эдриан покачал головой.

— Нет, я перестал играть раньше. Когда отец умер, мы с ним все еще были в ссоре, но он знал, что я прекратил проматывать состояние. — Бросив взгляд на Эбби, Эдриан увидел вопрос в ее глазах и, поколебавшись, добавил: — Умер мой друг. Нас было пятеро, мы дружили с Итона — самые отчаянные шалопаи. Мы ставили на все и на всех, больше, чем наши сверстники. И однажды Фредди — Фредерик Рэмси — за одну игру в

фараон потерял все: свое родовое имение, земли, обеспечение сестры. Никто из нас не мог ему помочь — мы сами были по уши в долгах. — Виконт помолчал, глядя в глаза Эбигейл. — Фредди застрелился. Это стало потрясением для нас четверых. В ту ночь, когда я услышал об этом, я зарекся играть на деньги. — Эдриан снова выдержал паузу, а затем опустил взгляд на кучу писем на столе и поморщился. — Впрочем, кто-то может сказать, что бизнес — это тоже азартная игра. И, конечно, я играю прямо сейчас. С тобой.

– *Сомной*?

Подняв голову, Эдриан поймал ее взгляд.

— Я поставил все, что у меня есть, себя, свое будущее, на то, что завоюю тебя.

Эбби выдержала его взгляд, прямой и искренний, без следа чувственности. Часть ее сознания рассмеялась над этим утверждением, но в глубине души она понимала: Эдриан говорит искренне.

Она в смятении смотрела на человека, известного в лондонском обществе как «скандальный лорд Деа». Для него соблазнение было игрой, в которой он преуспел. Но в данный момент он не играл. Эбби верила, что с ней Эдриан искренен. Она или никто. Только ее он хотел видеть своей супругой, только с ней хотел связать свое

будущее.

В данный момент.

В этом-то и было все дело. Эбигейл хотела быть уверена в том, что это навсегда.

Девушка взяла карандаш и вернулась к рисованию.

* * *

Разглядывая свое отражение, Эбби печально вздохнула.

— Платье чудесное! — сказала Агнесс. — Разве тебе не нравится?

Эбби вымученно улыбнулась.

— Оно просто *великолепно*. Не думала, что мне пойдет этот цвет.

Мерцающая аквамарином ткань подчеркивала блеск ее волос и придавала особый оттенок глазам — сейчас они казались не карими, а золотистыми.

Что до самого платья, то оно, по мнению Эбби, было чересчур откровенным. Наряд плотно облегал фигуру, а руки были прикрыты лишь укороченными оборками. Платье обнажало слишком многое, кое-что прикрывая лишь газовой материей. Оборки были и на подоле узкой юбки.

— Подай мне мой позолоченный ридикюль и нориджскую шаль.

Развернувшись, Эбби посмотрела на свое отражение через плечо, раздумывая, что скажет Эдриан.

Она была одержима тем, что он подумает. Если бы где-нибудь рядом с ней оказалась цыганка, способная читать мысли, Эбигейл без колебаний наняла бы ее. Больше, чем когда-либо в жизни, ей *необходимо* было знать, о чем Эдриан думает на самом деле. Что он на самом деле чувствует. Всю неделю она, как могла, старалась выяснить хоть что-нибудь, но все, что ей удалось понять из своих осторожных наблюдений, — это то, что нынешний Эдриан был уже не тем молодым человеком, которого она знала.

И изменения, которые с ним произошли, были явно к лучшему. Возможно, все было не совсем так, как она мечтала, но в целом эти перемены ей определенно нравились. Обтесанный судьбой, в глазах Эбигейл Эдриан был произведением искусства, буквально воплощением ее мечты — ее *взрослой* мечты.

Взяв ридикюль и шаль у Агнесс, Эбби направилась к двери. Проходя по коридору, девушка невольно поморщилась. Она знала, что чувству-

ет, но пока мысли Эдриана оставались для нее загадкой, о собственных чувствах следовало забыть.

С ее точки зрения все было просто — она не собиралась дарить ему свое сердце только для того, чтобы он снова разбил его. О нет! Один раз она уже пережила это унижение. Больше это не повторится. *Никогда*.

Во многом Эдриан изменился. Но умеет ли он любить? Любовь, только любовь могла переубедить Эбигейл, заставить ее поверить в то, что они с виконтом могут быть счастливы.

Остальные уже ждали Эбби в холле, глядя на нее снизу вверх, пока она спускалась по ступенькам. Эдриан окинул ее взглядом с головы до ног, и в его глазах Эбби увидела изумление. Он тяжело вздохнул.

Затем в его взгляде вспыхнули искры. Когда Эбби была на нижней ступеньке, Эдриан шагнул вперед, протягивая ей руку. Опершись на нее затянутой в перчатку ладонью, Эбби позволила виконту помочь ей спуститься и даже не возражала, когда он осмотрел ее со всех сторон.

— Идеально!

Она услышала его шепот, когда Эдриан взял ее под руку, дав Эсме и Дженет знак идти вперед.

Пока они спускались по ступеням крыльца, Эбби пыталась понять, что же выражает его взгляд.

Около кареты Эдриан остановился, дожидаясь, пока дамы подберут юбки. Дженет, воспользовавшись моментом, улыбнулась Эбби, чуть сжав ее руку.

— Благодаря такому потрясающему платью *этот* фокус удается лучше всего.

Эбби хотела уточнить, какой именно фокус она имеет в виду, но, едва Эдриан забрался в экипаж следом за ними, карета тронулась.

Эдриан сел рядом с ней. Всю дорогу до дома Уордсли, расположенного на Аппер Брук-стрит, Эбигейл любовалась фасадами зданий. Когда экипаж замедлил ход, пристроившись к череде карет, высаживающих гостей у покрытого красным ковром крыльца, девушка почувствовала, как Эдриан смотрит на ее обнаженные плечи. Затем его взгляд скользнул ниже…

Не поворачивая головы, Эбби скосила глаза, бросая взгляд на лицо Эдриана, освещенное светом уличных фонарей. Сейчас на нем не было маски, которую он обычно носил в обществе.

И Эбигейл поняла, что именно отражается сейчас в его глазах.

Желание обладать ею.

Эбби всегда думала, что у Эдриана глаза настоящего хищника, и сейчас, когда карета наконец подъехала к крыльцу и кучер открыл дверцу, не смогла сдержать дрожь.

Эдриан помог спуститься матери и тетушке Эсме, а затем протянул руку Эбби. Она взяла его под локоть. Следуя за старшими дамами, они оба направились в дом.

Они моментально услышали гул голосов, доносившийся со всех сторон, — множество людей кружило по холлу, обмениваясь приветствиями и осматриваясь вокруг, медленно двигаясь к входу в бальный зал, где их ждали хозяин и хозяйка.

Узнавая Эдриана и Дженет, люди останавливались и, улыбаясь, приветствовали их и представляли своих спутников. Эбби отвечала на приветствия несколько рассеянно, широко распахнутыми глазами окидывая собравшихся. Вокруг было так много цветов и оттенков, резких и мягких, ярких и темных, бледных и насыщенных. Драгоценности поблескивали на белоснежной коже и в завитых волосах. Воздух наполняли ароматы духов, сладковато-чувственных или свежих, как дуновение ветерка. Всюду, куда смотрела Эбби, она замечала контраст — в цветах, формах, позах, даже в грации и нелов-

кости.

А разговоры! Это был бурлящий поток возрастающего воодушевления. Увлекаемая этой волной, Эбби внезапно поняла увлечение балами, смысл которого так долго ускользал от нее. Бал был не только возможностью повеселиться — это была возможность самим создать веселье. Хозяйка предоставляла место, почетные гости давали повод, но именно собравшееся общество делало бал балом.

Это было так захватывающе. Эбби оглянулась вокруг, наблюдая за праздником жизни, как будто ее глаза только что открылись.

На входе в бальный зал образовалась толчея, но Эдриан крепко держал свою спутницу за руку, защищая и оберегая ее, — Эбби заметила строгий взгляд, который он бросил на кого-то, стоявшего позади нее.

— Держись поближе ко мне.

У Эбби не было выбора. Взглянув Эдриану в глаза, она улыбнулась. Девушка отвернулась, скрывая удивление от того, что его желание обладать ею никуда не делось. Оно все еще было отчетливо написано на лице виконта.

После того как они были представлены Уордсли, их дочери, ее жениху и его именитому родствен-

нику, Эбби и Эдриан проследовали в бальный зал. Дженет, держа Эсме за руку, отошла в сторону.

— Мы посидим вон там.

Когда дамы удалились, Эдриан повел Эбби вперед. Она машинально шла рядом с ним, но ее внимание было полностью поглощено происходящим вокруг. Эбигейл подумала, что зря она не взяла свой альбом — у нее появилось желание запечатлеть на бумаге эту бурлящую энергию. Все вокруг было таким ярким, так великолепно организованным — и таким живым. Эбби повернулась, чтобы посмотреть назад, на разделяющую холл и бальный зал стену с тремя широкими двойными дверями из стекла. Холл все еще был полон гостей, изредка прерывающих свою болтовню для того, чтобы помахать рукой тем, кто был уже внутри.

Бальный зал был выкрашен в бледные бело-голубые тона и украшен белыми и золотыми гирляндами, обвитыми вокруг рифленых колонн. Позолоченные и белые ленты висели под потолком, соединяя колонны с люстрами, также украшенными гирляндами. Позолота поблескивала в свете свечей.

Остановившись, завороженная Эбби вздохнула:

— Это просто волшебно!

Почувствовав на себе взгляд Эдриана, она посмотрела на него, обнаружив, что он несколько удивленно изучает ее.

— Как скажешь, — ответил виконт, изогнув бровь.

— Ты просто пресыщен.

— Возможно, — кивнул в ответ Эдриан.

Эсме и Дженет расположились на диванчике, Эбби и Эдриан встали рядом с ними. К ним подходили другие гости, и Эбби невольно оказалась вовлечена в многочисленные разговоры, так или иначе касающиеся ее и Эдриана.

— О, гость из деревни! — Леди Хеслек бросила на виконта цепкий взгляд. — Не ожидала от вас, лорд Деа.

Леди было около шестидесяти, исходя из чего Эбби решила, что в ее словах нет никакого скрытого смысла.

— Я знаю мисс Вулли всю свою жизнь, — скромно ответил Эдриан.

— Хм. Очень хорошо. — Леди Хеслек оценивающе взглянула на Эбби и хлопнула Эдриана веером по плечу. — Каков поворот, мальчик мой!

С этими словами она, царственно кивнув, удалилась.

— Какой еще поворот? — спросила Эбби.

— Кто знает, — ответил Эдриан, глядя старой карге в спину.

Но вот мысли виконта о троице гостей, подошедших к нему поболтать, были кристально ясны. Леди Коллиндж не проявила к Эбби интереса, но лорд Фарндейл и мистер Мортон, ее спутники, не могли отвести от нее глаз. От ее белых плеч, обрамленных ажурной пеной оборок, — плеч Афродиты. От ее глаз, огромных, ярких, отливавших золотом, когда она улыбалась. От ее губ, розовых, полных, чувственных. Мортон и Фарндейл были поражены, и Эдриан готов был поклясться, что знает, какие мысли сейчас проносятся в их головах.

Когда он увидел Эбби, спускающуюся по лестнице у него дома, его как будто ударили молотком. Эдриан смог прийти в себя, когда их экипаж уже подъезжал к дому Уордсли, — оправдываться было слишком поздно. Он боролся со своими первобытными инстинктами всю дорогу до бального зала — они советовали ему хватать эту женщину и нести ее прочь, пока никто больше не успел возжелать ее. Впрочем, в это время года его сверстники в большинстве своем находились за городом, согреваясь в объятьях других дам.

И сегодня Эбби была в безопасности.

Сейчас, видя взгляды Фарндейла и Мортона, Эдриан выругался про себя.

Леди Коллиндж надула губки, положив руку на ладонь виконта.

— Кажется, я слышу звуки вальса? — спросила она, затрепетав ресницами.

— Мисс Вулли, если позволите…

— Дорогая мисс Вулли…

Эдриан скользнул пальцем по внутренней стороне руки Эбби. Она тихонько вздохнула, взглянув на него широко распахнутыми глазами. Ее губы раскрылись. Но взгляд Эдриана был направлен на Фарндейла и Мортона.

— Джентльмены, первый вальс мисс Вулли обещала мне.

Фарндейл нахмурился. Мортон окинул Эдриана неприязненным взглядом и кивнул.

Эдриан ухмылялся во все тридцать два зуба. Они думали, что Эбби — просто его друг, что у него нет интереса к ней. Теперь они изменят свое мнение.

— Если позволите… — С легким кивком виконт повел Эбби вперед, положив руку ей на талию и прижимая ладонь к шелковой ткани платья.

Эдриан чувствовал, как напрягаются мышцы

на ее спине при каждом шаге, и в его голове, словно вспышка, пронеслось воспоминание о движениях ее тела в те мгновения, когда они возлежали в одной постели.

— Леди Коллиндж сверлит тебя взглядом, — заметила Эбби, обернувшись назад.

— Могу себе представить.

— Ты уверен, что не хотел бы…

— Абсолютно. — Эдриан притянул Эбби к себе, и они окунулись в водоворот вальса.

Первые несколько минут Эбби выглядела сосредоточенной, но едва она убедилась в том, что вальсировать на полированном паркете куда проще, чем на покрытой снегом траве, как расслабилась и взглянула Эдриану в глаза. Он встретил ее взгляд, а затем поднял глаза, глядя поверх головы Эбигейл.

Первые несколько кругов Эбби оглядывалась по сторонам, подмечая небольшие сценки: немолодой джентльмен ухаживает за юной леди; юноша, краснея, пытается произвести впечатление на капризную девицу; энергичная матрона флиртует с красавчиком-кавалером. Эбигейл собирала эти зарисовки, откладывая их в памяти, чтобы использовать позже. Сначала она подумала, что внимание Эдриана сосредоточено на

том, чтобы ни на кого не натолкнуться, но, оглянувшись, поняла, что большинство танцующих пар были достаточно опытными, чтобы держать необходимую дистанцию.

А уж в опыте Эдриана она не сомневалась.

Когда Эбби снова взглянула на него, взгляд виконта все еще был направлен поверх ее головы.

— Почему ты на меня не смотришь? — Она взглянула на свое декольте, на свои обнаженные плечи. — Что-то не так? Я плохо выгляжу?

Эбби подняла голову как раз вовремя, чтобы увидеть, как Эдриан поджал губы. Затем он взглянул ей в глаза.

— Я не смотрю на тебя, потому что иначе вынужден буду оправдать свое прозвище.

Эбби попыталась сдержать улыбку, но ей это не удалось.

— И что же именно ты будешь вынужден сделать?

— Выманить тебя из бального зала в какое-нибудь укромное место, — ответил Эдриан, изогнув бровь, и умолк.

— И?.. — не сдержалась Эбби.

— Целовать тебя до умопомрачения, затем высвободить твои прекрасные груди и лобзать их там, где их скрывает платье.

Его лицо застыло, и он снова умолк, глядя Эбби в глаза.

— И?.. — снова спросила она, чувствуя, как ее тело полыхает жаром.

Глаза Эдриана вспыхнули.

— Задрать твои элегантные юбки, войти в тебя и заниматься с тобой любовью, пока ты не закричишь.

Губы Эбигейл округлились, но она не издала ни звука, чувствуя, что краснеет. Образы в ее голове — она могла их видеть так же ясно, как людей, кружащихся в танце, — едва не заставили ее сердце замереть.

Потрясение — она не ожидала, что такая сильная волна страсти накроет ее в этот момент, — отразилось на лице Эбби. Эдриан притянул ее к себе. Его взгляд бы полон решимости. Его глаза…

Его глаза обжигали. Эдриан перевел взгляд ниже, на грудь Эбигейл.

— Господи… — выдохнул он. — Определенно ты сегодня не будешь танцевать ни с кем, кроме меня, — сказал виконт, снова взглянув ей в глаза.

А может, и никогда больше. Эдриан привлек ее к себе, обвивая руками и скользя ладонью по спине. На повороте они сильнее прижались друг к другу, и его нога оказалась между ее бедер.

Эдриан видел, как пелена чувственности застилает ее золотистые глаза, но, будучи мастером соблазнения, не стал проявлять настойчивость. Он продолжал танцевать, соблазняя Эбигейл без слов.

Когда танец закончился, Эбби чувствовала себя как выжатый лимон и горела, как в лихорадке. Она понимала, что задумал Эдриан, но это лишь усугубляло ситуацию.

Когда Эдриан выпустил ее из объятий, Эбби посмотрела ему в лицо — и, увидев его решимость, едва не задохнулась.

— Я не уйду из бального зала вместе с тобой, — твердо сказала Эбби. — Только когда настанет время ехать домой.

В ответ на это заявление Эдриан хищно улыбнулся, приподняв бровь.

— Существует более чем один способ соблазнить леди.

— И ты знаешь их все, я полагаю?

— Большинство, — ответил Эдриан, вновь беря Эбигейл под руку.

Пока они шли сквозь толпу обратно к диванчику, многие дамы и господа приветствовали Эдриана. Все дамы за редким исключением пытались завладеть его вниманием, в то время как

джентльмены старались привлечь к себе взор Эбигейл. Эдриан безжалостно пресекал их поползновения, держа соперников на расстоянии. Что же касается женщин…

— Все эти леди хотели, чтобы ты обратил на них внимание, — заметила Эбби, когда они с виконтом оказались наедине.

Она имела в виду обиженные гримаски и разочарованные взгляды отвергнутых дам.

— Им не удалось его привлечь.

— Но… — В высшем обществе Эбигейл все же была новичком. — Разве ты не должен… — Она сделала неопределенный жест рукой. — Общаться?

Эдриан поймал ее руку и стал рассматривать, как будто раздумывал, не откусить ли кусочек.

— Одно из преимуществ моей репутации заключается в том, что никто не ожидает, что я стану делать что-либо наперекор собственному желанию.

Эбби отдернула руку. К ее облегчению, Эдриан тут же отпустил ее.

— Я намерен не отходить от тебя весь вечер, — добавил он, глядя в глаза Эбигейл.

Желание обладать ею светилось в его янтарных очах, и Эбби все еще не знала, как много оно зна-

чило, что предвещало.

— Если это для моего блага… — начала она, вздернув подбородок.

— Нет. Это для моего блага.

— Для твоего?

Эдриан сделал широкий жест.

— Посмотри, сколько тут женщин, жаждущих моего внимания.

Эбби не пришлось долго искать. Они были повсюду, бросали на Эдриана взгляды поверх голов своих кавалеров, осматривали его, как будто прикидывали свои шансы.

— Как по-твоему, многие ли из них замужем?

Эбби не хотелось об этом думать, но она не была наивной.

— Почти все?

— Процентов восемьдесят или больше. И знаешь, чего они от меня хотят?

Эбигейл замешкалась. К счастью, Эдриан не ждал от нее ответа.

— Несколько часов страсти без обязательств. Простой секс без лишних слов. Интрижка без прошлого и будущего.

Он умолк. Оглядывая пестрое сборище, Эбби избегала смотреть ему в глаза.

— Представляешь себе, каково это, — продол-

жал Эдриан, понизив голос, — когда на тебя смотрят как на тело — пусть даже и очень привлекательное — без души?

Эбби услышала горечь в его голосе. Она вспомнила, сколько тепла он был способен дать ей тогда на болотах, восемь лет назад. И всего несколько недель назад, в Беллевере. Она сжала кулаки, впившись ногтями в ладони. Пылающим взором Эбби рассматривала разукрашенные косметикой лица. Как много они взяли у Эдриана, отказываясь делиться в ответ своим теплом? Как долго он жил без поддержки, которую могла дать ему она?

Как долго он жил без любви?

Знал ли, понимал ли он это? Понимал ли Эдриан, что то, что он упустил семь лет назад, и было тем, что он так отчаянно искал теперь?

— А остальные? — хрипло спросила Эбби.

Она должна была знать, она должна была это услышать.

— Те, кто решил, что им подойдет титул виконтессы Деа? А также прилагающееся к нему состояние?

Эбби посмотрела на Эдриана и слегка сжала его руку. Его очи потемнели и стали похожи на глаза раненого животного.

— Прошло семь лет, Эбби. Если в тебе есть хоть капля жалости ко мне, не обрекай меня на дальнейшие страдания.

Они находились в центре бального зала, под пристальными взорами двух сотен человек. Эбби знала, что должна ответить Эдриану, что хочет ему ответить, но сейчас для этого был неподходящий момент. Где-то заиграли скрипки. Взяв Эдриана за руку, Эбигейл переплела его пальцы со своими и искренне улыбнулась.

— Ты ведь можешь станцевать со мной еще один раз? Это не станет причиной скандала?

Лицо виконта просветлело, губы изогнулись в улыбке.

— Могу попытаться, — ответил он, целуя Эбигейл руку.

Она не могла бы сказать, каким образом им удалось ни с кем не столкнуться. Это были волшебные мгновения. Они парили, устремив взгляды друг на друга. Эбби как никогда ощущала силу Эдриана, когда, не прилагая усилий, он кружил с ней по залу. Как никогда различала пылкую страсть в его взоре.

Краснея, девушка опустила ресницы. Мысль о том, чтобы позволить Эдриану победить, позволить ему соблазнить ее сегодня, прямо здесь,

на балу, была такой заманчивой. Эбигейл все же сдержала данное себе слово, но это удалось ей с большим трудом. Слишком много было «но» и «если», слишком многое могло пойти не так.

Что, если она слишком громко закричит?

Мысль об этом так потрясла Эбби, что она прикусила язык.

Вальс подошел к концу, и Эдриан снова повел ее обратно к дивану.

И снова их подстерегали на пути.

Эдриан отвечал на реплики машинально, сам не осознавая, что говорит. Сейчас он был уверен: Эбби станет его женой. Блеск в ее глазах мог означать только это. Она будет принадлежать ему, только ему, душой, телом и разумом. Скоро. Они будут близки сегодня вечером, может, прямо на балу, как он шутя ей предложил.

Впрочем, Эдриан понял, что на балу им уединиться не удастся, несмотря на то что терпение не было одной из его добродетелей, да и страстное соитие с Эбби прямо тут — эта мысль странным образом ему нравилась — стало бы великолепным завершением карьеры распутника, «скандального виконта Деа».

Но если Эбби не хочет этого, то так тому и быть. Они будут любить друг друга сегодня ночью, в

Хоусли-Хаус. Сможет ли он убедить ее прийти к нему в комнату, чтобы они смогли полностью отдаться друг другу на его огромной кровати?

Кто-то хлопнул Эдриана по плечу, возвращая его к действительности. Виконт обернулся, готовый осадить того, кто нарушил его грезы.

— Черт побери, Эдриан, спустись на землю! Тебе-то уж точно не стоит витать в облаках.

— Фитц! — Ухмыльнувшись, Эдриан пожал руку неуклюжему гиганту. Оглянувшись на Эбби, только что попрощавшуюся с двумя любопытными дамами, виконт улыбнулся. — Позволь представить тебе мистера Фитцхэммонда, моего старого друга. — Он снова посмотрел на Фитца. — Мисс Эбигейл Вулли.

Фитц галантно поклонился Эбигейл и пожал ей руку. Он быстро нашел нужные слова. Эбби улыбнулась и через несколько секунд уже расспрашивала его о сестрах, которые тоже были сейчас на балу. Эдриан слушал с довольным видом, наблюдая за тем, как Эбби очаровывает Фитца.

Затем снова заиграла музыка. Начался следующий танец. Фитц улыбнулся Эбби.

— Дорогая мисс Вулли, не окажете ли вы мне честь?

Эбби вопросительно посмотрела на Эдриана. Тот после секундного колебания кивнул.

— Я подожду тебя здесь. Фитц приведет тебя обратно.

Эбигейл улыбнулась и протянула руку Фитцу.

Эдриан посмотрел им вслед. Фитц был одним из немногих, кому он доверял. Виконт невольно подошел ближе, глядя на то, как танцует Эбби.

Стоя в непосредственной близости от танцующих и глядя на улыбающееся лицо Эбигейл, он почувствовал, как кто-то дернул его за рукав.

— Эдриан?

Он обернулся, готовый осадить гарпию, осмелившуюся назвать его по имени, но вместо злобного оскала увидел милое девичье личико.

— Памела! — Обрадованный, Эдриан взял ее за руку. — Как ты поживаешь, дорогая?

Девушка просияла. У нее был цветущий вид, и она выглядела весьма привлекательно в платье из голубого шелка, с элегантно уложенными темными волосами.

— Спасибо, хорошо. У меня есть для тебя новость…

Эбби получала от танца огромное удовольствие, пока не увидела девушку в голубом, разговаривающую с Эдрианом. Эбигейл почти не отводила от

него взгляда — так хорош он был в строгой черной визитке, жилете и галстуке цвета слоновой кости. Впервые она смогла рассмотреть виконта с расстояния и сполна оценить его стиль. Эдриан был одним из самых высоких мужчин в зале. Взгляды женщин были прикованы к его широким плечам и сильным рукам.

Его окружала аура страсти. «Наверное, — подумала Эбби, — так было всегда».

То, что Эдриан искренне улыбался, беседуя с девушкой в голубом, встревожило Эбби. Она мысленно одернула себя.

Эдриан только что ей открылся. Она чувствовала, что он говорит искренне, знала, в чем он нуждается. Теперь Эбби понимала его. И когда танец увлек ее и мистера Фитцхэммонда дальше, она торжествующе улыбнулась, расслабившись.

Для Эдриана она была спасением. Он хотел ее не из логических или практических соображений. Ему нужна была ее любовь. С ней он сможет раскрыть свою душу, сможет позволить себе быть уязвимым. Теперь Эбби понимала это. Только с ним, только любя его, она сможет быть собой, и ей не придется сдерживаться или подавлять себя. Она сможет соединиться с тем, кого любит и кем любима, сможет стать свободной и цельной. Она

освободит Эдриана из эмоциональной тюрьмы, в которую превратилась жизнь этого повесы из высшего общества.

Она нужна ему. Ему нужна ее любовь. Эдриан хотел, чтобы она принадлежала ему, и только ему. И он будет принадлежать ей, и только ей.

Всегда. До скончания веков.

Сердце Эбби пело от счастья. Она почти парила в вихре вальса, когда они с Фитцем вернулись на то место, откуда начали танец.

Но Эдриана там не было.

Улыбка Эбби погасла. Она огляделась. В этот момент толпа у входной двери расступилась, позволяя ей заметить широкие плечи и каштановые волосы виконта, а также голубое платье незнакомой девушки. Они удалялись прочь.

Эбби похолодела, чувствуя, как у нее кружится голова. Она не желала разлучаться с Эдрианом. Неужели он… Эбби сбилась с шага и едва не упала.

— Осторожнее! — Мистер Фитцхэммонд заботливо подхватил ее и вывел из круга танцующих.

— С… спасибо, — выдавила из себя Эбби. Ее горло сжалось. — Мне нужно… присесть…

— Я найду стул.

— Нет… Может быть, в гостиной… — Она слабо

улыбнулась мистеру Фитцхэммонду. — Прошу прощения, просто я... — Эбби отвернулась. — Извините.

Эбигейл почти не слышала уверений Фитцхэммонда в том, что все в порядке, почти не видела людей, мимо которых проходила. Пестрая толпа, которой Эбби не так давно восхищалась, казалась ей сейчас морем кошмаров, которое ей предстояло преодолеть.

Очутившись перед входной дверью, в которую вышел Эдриан, Эбби, не останавливаясь и не рассуждая, будто в трансе, вышла в холл и повернула голову направо, в ту сторону, куда он направился.

Широкая лестница вела на второй этаж. Подобрав юбки, Эбби поднялась по ней, остановилась наверху и прижала ладонь к груди, где нарастала ноющая боль. Это не могло быть правдой! Эдриан не сделал бы ей больно — только не сейчас! Сердце женщины билось все быстрее. Эбби огляделась и заметила в дверном проеме отблеск свечи.

Это была элегантная гостиная. Можно было подумать, что она пуста, если бы не тени на противоположной стене. Заглянув в комнату, Эбби увидела Эдриана. Он застыл у камина в глубине длинного зала. Перед ним стояла девушка в го-

лубом.

Эдриан держал ее руки в своих и внимательно смотрел ей в лицо. Незнакомка что-то увлеченно говорила, тихо, почти шепотом.

Эбби проскользнула в комнату. Держась в тени и обходя мебель, она подобралась ближе и затаилась за книжным шкафом. Эдриан стоял к ней спиной, но девушку в голубом она видела отчетливо.

Как она смеет стоять перед ним, сияя от счастья!

— Так вот, милорд, ребенок родится в середине лета. Теперь скажите «да» — *пожалуйста*, скажите «да»!

Эдриан ласково улыбнулся.

— Ну что еще я могу сказать? — Он поднес ее руки к своим губам. — Я буду польщен, дорогая.

Девушка пискнула от счастья и обвила его шею руками. Он обхватил ее тонкую фигурку и склонил голову…

Эбби попыталась сдержать всхлип.

Но Эдриан услышал его. И обернулся. Девушка в голубом прижалась к нему.

Эдриан встретился с Эбби взглядом.

Первым его движением было улыбнуться и протянуть ей руку, но ее потрясенный вид, ее

широко распахнутые глаза заставили его замереть. Как будто время повернуло вспять, вернув их на семь лет назад. Сейчас он видел то, чего не заметил тогда: ее боль. Видел вопрос, застывший в ее глазах: *«Опять?»*

Со сдавленными рыданиями, ранящими его душу, Эбби развернулась и побежала прочь, не разбирая дороги.

— Жди меня здесь!

Оставив Памелу у камина, Эдриан бросился следом за Эбби. Добравшись до двери, он выругался и перешел на бег. Он забыл, что Эбби не слишком придерживалась правил поведения. Она не шествовала, как полагалось по этикету, она бежала. Стремглав.

Эбби значительно опередила его, добравшись до лестницы. С ужасом Эдриан смотрел на то, как она бежит вниз, рискуя сломать себе ноги или шею…

Он ринулся за ней, перепрыгивая через три ступеньки и сокращая дистанцию.

Спрыгнув с последней ступеньки, Эбби замешкалась, восстанавливая равновесие, и быстро оглянулась. Увидев Эдриана, она будто затравленная лань устремилась к входной двери.

Он поймал ее уже у порога, схватив за талию

и прижав к себе. Эдриан успокаивающе кивнул дворецкому, отбросившему свою обычную бесстрастность, и вернул Эбби в дом.

— Идем наверх, — шепнул он ей на ухо, удерживая ее достаточно крепко, чтобы она не вырвалась. — Я хочу тебя кое с кем познакомить.

— Я никуда с тобой не пойду! — сердито ответила Эбби, пытаясь вырваться.

Не ослабляя хватки, Эдриан вздохнул и поднял девушку на руки.

– *Эдриан!*

Невзирая на ее сопротивление, виконт понес ее к лестнице.

— Немедленно поставь меня на пол!

Эдриан посмотрел на ее искаженное яростью лицо, в ее глаза, исполненные боли. Ее грудь вздымалась от тяжелого дыхания.

— Помаши публике. — Эдриан повернул голову вправо.

— Что…

Эбби лишилась дара речи. Сквозь стеклянные двери на них смотрели заинтересованные лица. Зеваки подкрепляли зрелище выпивкой.

Эбигейл вдохнула и прижалась к плечу Эдриана.

— Бога ради, — прошипела она, — поставь

меня!

Виконт покачал головой.

— У тебя был шанс. Остаток сцены мы доиграем по-моему. — И с этими словами он начал подниматься по ступенькам.

Эбби в последний раз бросила взгляд на бальный зал, откуда на них жадно смотрели сотни глаз, и застонала:

— Подумай, какой скандал это вызовет!

— С моей-то репутацией? — Эдриан взглянул ей в глаза. — Стоит ли переживать? — спросил он, вопросительно подняв бровь.

— Я не собираюсь встречаться с твоей любовницей, — сказала Эбби, не отводя глаз.

— Памела Уолтем не моя любовница. У меня уже много лет не было постоянной любовницы.

— Кто же она тогда?

— Сестра Фредерика Рэмси.

— Фредерик Рэмси — твой друг, который застрелился? — осмелилась спросить Эбби после паузы.

Эдриан кивнул.

— Памела вышла замуж за Роберта Уолтема, который ждет сейчас в бальном зале, когда вернется его жена. Наверное, он пытается угадать, что она делает, учитывая то, что она должна была

быть сейчас со мной.

— Почему она должна была быть с тобой?

— Пусть Памела сама ответит тебе на этот вопрос.

Эбби не удостоила эту реплику ответом.

Эдриан не отпускал ее до тех пор, пока не донес до камина в гостиной. Все это время она молчала, и в воцарившейся тишине Эдриан понял, какими хрупкими, какими уязвимыми были ее чувства.

Он и сам чувствовал то же самое.

— Мисс Эбигейл Вулли — миссис Памела Уолтем, — представил он дам друг другу. — Памела, Эбби скоро станет моей виконтессой. Расскажи ей, на что я только что согласился.

Памела просияла, переводя взгляд с Эбби на Эдриана.

— О, как *чудесно*! — Она захлопала в ладоши, но потом наткнулась на взгляд Эдриана. — А, о чем я просила… Я попросила Эдриана быть крестным нашему первенцу. Мы пригласили именно его, потому что Эдриан управлял фондом, который создали четверо друзей Фредди после его смерти, чтобы у нас были деньги на проживание и приданое. Без этого я не смогла бы выйти замуж, вернее, не смогла бы выйти замуж так удачно, за Роберта, которого я очень люблю. Таким образом,

Эдриан в некотором роде *ответственен* за…

— Да, да, Памела, хватит. — Положив руку ей на плечо, Эдриан проводил ее до двери. — Лучше тебе вернуться вниз. Проходя мимо бального зала, я увидел Роберта. Он выглядел весьма озадаченным.

— Правда? Тогда я и вправду пойду. — Памела обернулась, чтобы улыбнуться Эбби. — С нетерпением жду, когда мы снова увидимся, мисс Вулли.

Эбби выдавила улыбку в ответ на эти искренние слова. Эдриан едва не вытолкал Памелу за порог, а затем закрыл и запер за ней дверь. Улыбка Эбби исчезла, когда он подошел к ней.

Она не могла бы сказать, что у него сейчас на уме, но его лицо было решительным, а глаза горели. Пока он приближался, внутри Эбби росло желание убежать. Но куда? До двери ей не добраться.

Ей следовало бы извиниться. Женщина переплела пальцы и вздернула подбородок. Когда Эдриан подошел к ней вплотную, в ее душе взметнулся ураган чувств. Эбби никогда не видела, чтобы он смотрел на нее вот так. Неужели он разозлился из-за того, что она в нем усомнилась?

Остановившись перед ней, Эдриан вытянул руки и обхватил ее лицо ладонями.

Глаза янтарного цвета поймали ее взгляд.

— Я люблю тебя, Эбби. Я никогда, *никогда* не сделаю ничего, что могло бы навредить тебе. Никакая сила не вынудит меня намеренно причинить тебе боль. Теперь я понимаю, что наделал в прошлом, но не знал, не понимал тогда. — Он пристально посмотрел ей в глаза. — Семь лет назад… ты была так молода. То был особенный момент — я чувствовал это, но не понимал, что это означает, и испугался. И даже тогда, если бы ты намекнула… Но я так и не понял, даже представить себе не мог, что ты любила меня. Тебе было шестнадцать. Я был гораздо старше. Если я не понимал, что такое любовь, то как ты могла это понять? — Он виновато поджал губы. — Ну, по крайней мере, так я думал.

Ладони Эбби легли на его руки, нежно обхватившие ее лицо. В глазах Эдриана сейчас как будто отражалась его душа.

— Наши отцы были неправы, пытаясь поженить нас насильно, но они были правы в том, что мы подходим друг другу. Я никогда не хотел причинить тебе боль, но знаю, что сделал это. Простишь ли ты меня?

Горло Эбби сжалось, но в ее взгляде светилось прощение, освобождавшее Эдриана от прошлого.

Прочитав это в ее глазах, он облегченно вздохнул, наклоняясь и касаясь губами ее губ.

— Мы нужны друг другу, ты и я. Я хочу тебя. Ты нужна мне. Я люблю тебя и всегда буду любить. — Закрыв глаза, он прижался лбом к ее лбу. — Бога ради, избавь меня от страданий — скажи, что выйдешь за меня.

Прошло несколько мгновений, и Эдриан отстранился, глядя Эбби в лицо и ожидая от нее ответа. Она посмотрела ему в глаза и улыбнулась, сияя от счастья, — это был тот самый ответ, которого он ждал. В слове, которое она произнесла, была вся Эбби.

— Когда?

Эдриан улыбнулся, чувствуя, как его охватывает радость, как груз одиночества наконец падает с его плеч.

— Скоро, — ответил он, прижимая Эбби к себе.

Ее губы разомкнулись, сливаясь с его губами. Язык Эдриана скользнул в медовое тепло ее рта, наслаждаясь ее сладостью. Эбби обвила его шею руками, прижимаясь крепче. *Я люблю тебя!* Ее тело говорило ему это так часто, что не было нужды в словах, но Эдриан хотел услышать их. Ему это было необходимо. Он отчаянно нуждался в подтверждении ее любви в те моменты, которых

жаждал больше всего, — когда она обвивала его руками, прижимала к своему сердцу, позволяла войти в нее.

Руки Эдриана скользнули по ее бедрам, лаская округлые ягодицы, пальцы сжались сильнее, стиснув тугую плоть. Он притянул Эбби к себе, так, что она смогла почувствовать его возбуждение. Она вздохнула, не отрывая от него губ и страстно лаская его языком. Девушка прижалась к Эдриану еще крепче, изнывая от желания.

Обнимая Эбби одной рукой, другой он принялся расшнуровывать ее платье. Годы практики сделали свое дело — меньше чем за минуту шнуровка была распущена. Не прерывая поцелуя, Эдриан скользнул рукой под лиф, высвобождая грудь Эбби.

Его ладонь легла на левую грудь, и Эдриан нежно коснулся соска кончиком большого пальца. Эбби вздохнула, чуть отстраняясь и опуская глаза, и мгновение спустя застонала, вцепившись в плечи Эдриана, когда он наклонился к ее груди и прильнул к ней губами.

Язык Эдриана поддразнивал ее, и ее пальцы сильнее впились в его плечи. Он целовал и посасывал ее сосок, пока тело Эбби не изогнулось дугой, и тогда он приник к другой груди, повторяя

сладостную пытку. Теперь оба соска набухли и затвердели. Выпрямившись, Эдриан вновь приник к ее губам долгим жарким поцелуем.

Они оба тяжело дышали, когда поцелуй прервался. Эбби прижималась к виконту, закрыв глаза.

— Эдриан? — простонала она, не уверенная в том, какой ответ хочет получить.

Поцеловав женщину за ухом, Эдриан обнял ее за талию, поворачивая к себе спиной.

— Какой прок выходить замуж за опытного соблазнителя, если тебе не приходится наслаждаться его мастерством?

— Но…

Он чувствовал, что Эбби колеблется.

— Здесь?..

— О нас и так поползут слухи, что бы мы ни сделали.

Эбигейл колебалась всего секунду.

— Чего же ты хочешь?

Он протянул руку и придвинул стул.

— Просто делай то, что я говорю.

Эбби старалась не обращать внимания на то, что одни эти слова уже выходят за рамки приличия. Голос Эдриана эхом отдавался в ее сознании, тревожа каждую жилку тела. Она услышала глу-

хой стук и, повернувшись через плечо, увидела стул, который Эдриан поставил рядом с ними. Затем он снова повернулся к ней и поцеловал ее.

Это был страстный поцелуй. У Эбби закружилась голова, когда Эдриан отстранился на миг и прошептал:

— Приподними спереди юбки.

Она была так потрясена — и очарована — этим приказом, что не сразу подчинилась. Губы Эдриана скользнули по ее скуле.

— Я бы и сам это сделал, — прошептал он, — но я либо порву, либо помну их, и тогда мы утратим всякую надежду привести себя в пристойный вид перед возвращением в зал. Искусный соблазнитель никогда не забывает о таких мелочах.

При мысли обо всех этих людях, собравшихся в зале, — большинство из них видели, как Эдриан, этот знаменитый соблазнитель, несет ее вверх по лестнице, — у Эбби мурашки побежали по коже. Было что-то волнующее в том, чтобы бросить вызов устоям общества. Она осторожно собрала мягкую ткань и подняла подол. Едва ли в этот момент она осознавала, что делает.

Губы Эдриана приникли к устам Эбби, и этот поцелуй закружил ее, подхватил, унес в царство, где не было ничего, кроме жаркой страсти. Про-

хладное дуновение воздуха коснулось ее живота, а затем Эбби замерла, когда ладонь Эдриана скользнула вниз по нежным завиткам к лону.

Эбби бросило в жар.

Она чуть не выпустила подол и почувствовала, как у нее подгибаются колени, когда Эдриан начал ласкать ее бутон. Другая его ладонь обхватила ее ягодицу, пока коварные пальцы дразнили и ласкали ее. Эбби дрожала. Она чувствовала нарастающее в теле напряжение, тепло собственного лона. Поцелуй все длился. В этот момент Эбби не могла думать. Она могла только чувствовать.

Чувствовать его большое, сильное, мужественное тело. Чувствовать его возбуждение, мощь его мышц, властность его хватки, пока он поддерживал ее, а его искусные пальцы двигались все быстрее. Поцелуй становился все требовательнее, лишая Эбби рассудка. Язык Эдриана дотрагивался до ее мягких губ, суля наслаждение.

И это обещание становилось все явственнее, когда его рука скользнула между ее бедер сзади и Эдриан ввел в нее палец. Эбби охнула и задрожала. Эдриан на мгновение убрал руку, а потом вошел еще глубже. К первому пальцу присоединился второй. Эдриан словно исследовал глубины ее наслаждения. Нервы Эбби напряглись. Сейчас

страсть в ней была словно туго сжатая пружина. Кожа горела огнем.

Затем Эдриан убрал руку и Эбби изогнулась дугой.

Прервав поцелуй, он поднял голову, и Эбби, подняв тяжелые веки, увидела, как он расстегивает пуговицы на брюках. Она не смогла устоять и, протянув руку, коснулась его кончиками пальцев, предвкушая наслаждение.

Эдриан застонал, пытаясь перехватить ее руку.

— Довольно, — хрипло прошептал он. Сжав ее запястье, он опустил ее руку на подол. — Придерживай юбки.

— Что ты собираешься делать?

Он сел на стул и притянул ее к себе. Теперь Эбби поняла, что он задумал. Она села на него верхом и позволила ему вести ее до тех пор, пока не почувствовала знакомое прикосновение к лону. Девушка глубоко вздохнула, зажмурилась и медленно опустилась.

Этот миг был еще лучше, чем ее воспоминания — ощущение наполненности затронуло тайные струны ее сердца. Эбби услышала, как Эдриан напряженно выдохнул, и, улыбнувшись, приподнялась. Инстинкт подсказал ей, когда остановиться и опуститься вновь.

Эдриан чувствовал ее восторг — раньше они еще так не любили друг друга. Стиснув зубы, он постарался сдержать желание командовать и позволил ей экспериментировать.

Позволил ей любить его. Пять насыщенных минут спустя Эдриан понял, что она делает — зажмурившись, Эбби использовала свое тело, чтобы дарить ему наслаждение, полностью поглощенная происходящим. На ее лице застыло выражение страстной сосредоточенности. Понимание этого пошатнуло его контроль над собой.

И в этот самый момент мышцы ее лона сжались.

Эдриан не выдержал. Застонав, он схватил ее за ягодицы и остановил. Его пальцы впились в упругую плоть. Он сумел вырвать у Эбби бразды правления и знал, что должен удержать их.

— Погоди.

Он надеялся, что ее любопытство сыграет ему на руку. Эбби снова заставила его сделать то, что не входило в его намерения. Этим вечером он не собирался переводить ее на новый уровень сексуального подчинения. Тем не менее…

Отпустив ее ягодицы, Эдриан провел ладонями по ее восхитительно длинным ногам.

— Обхвати лодыжками ножки стула, вот так. —

Он показал ей, и она выполнила его просьбу.

Эбби застонала, когда он сжал ее бедра, приподнял и начал двигаться внутри нее. Прежде чем она поняла, что потеряла равновесие и теперь только Эдриан контролирует ее движения, он впился в ее губы пылким поцелуем, а потом начал поднимать и опускать. Они продолжали заниматься любовью.

Теперь ее тело было полностью в его распоряжении. Эдриан воспользовался своим мастерством, сосредоточившись на том, чтобы удовлетворить ее, ублажить, подарить ей наслаждение.

Вначале Эбби испугала собственная готовность подчиняться, испугала внезапная смена ритма. Но затем, сперва нерешительно, а потом с растущей уверенностью, она отдалась во власть его ласк. Отдалась ему.

Все еще сжимая в руках подол, Эбби наслаждалась поцелуем, позволяя Эдриану любить ее так, как ему хотелось. Позволяя каждому его движению наполнять ее, возносить на вершину блаженства. Позволяя ему овладевать ее телом, дарить ей растущее наслаждение.

А потом Эдриан отстранился и опустил голову. Эбби вскрикнула, когда его губы сомкнулись на ее набухшем соске. Их чувственный танец достиг

кульминации, наслаждение и страсть слились воедино, захватив их обоих, объяв их обоих, — в мире не было ничего, кроме этого мгновения, ничего, кроме их разгоряченных тел. Блаженство разлилось по их венам.

И затем волна желания, чувственной жажды, острого блаженства и любви поднялась в них обоих и последовал взрыв, вознесший их на самый верх. Эбби охнула. Отпустив юбку, она обвила руками плечи Эдриана и крепко прижалась к нему, пока они летели. А затем наслаждение схлынуло и они медленно опустились на землю.

Эдриан тихо застонал, а потом поднял голову и вновь коснулся ее губ поцелуем.

— Просто люби меня, Эбби. Всегда.

По-прежнему сжимая его в объятиях, она прильнула к его устам, чувствуя его глубоко внутри. Она любила его.

На следующий день после большого бала у Уордсли все лондонское высшее общество пересказывало слухи о последних распутных деяниях — и сопутствующей неизбежной женитьбе — скандального виконта Деа.

Виктория Александер. Последнее любовное письмо

«Это печальная история, дорогая Рэйчел, история о запоздавшем спасении. О лжи произнесенной и лжи, в которую поверили. Об упущенных возможностях и разбитых сердцах. О любви безответной и любви утраченной…»

Глава первая

Леди Рэйчел Норкросс окинула взглядом заполненный людьми бальный зал и постаралась выбросить из головы слова покойного мужа. Но это было так же невозможно, как остановить биение собственного сердца. Строки врезались ей в память, едва она прочла их этим утром в письме, пришедшем спустя два года после смерти Джорджа.

Она шла сквозь толпу, кивая и улыбаясь, уверенная в том, что никто не заподозрит, что она сейчас думает о чем-то, кроме новогоднего бала леди Бредборн, что мысленно она сейчас пребывает где угодно, только не в нынешнем, 1815-м, году.

Будет ли здесь сегодня *он*? Это вполне возможно. Рэйчел слышала, что на этой неделе он вернулся в Англию, и готовилась к неизбежной встрече. В конце концов, Джейсон Норкросс был двоюродным братом ее мужа и единственным наследником. После смерти Джорджа Джейсон стал герцогом Линдхерстом.

Рэйчел надеялась, что, покончив с делами при помощи делового подхода и сведя к минимум

личные контакты, избавится от ответственности за поместье и за все, что сопутствовало наследству Джейсона. Если повезет, она и вовсе с ним не встретится, предоставив вести дела адвокатам, как и поступала все время со дня смерти Джорджа. Но этот план, как и все, на чем держалась ее жизнь, рухнул в одночасье, едва Рэйчел прочла письмо.

Официант предложил ей бокал шампанского, и она с равнодушным видом взяла шипучий напиток.

«Боже мой, Джейсон думал, что я мертва!»

Осознание этого заставило женщину замереть. Письмо Джорджа объясняло, какую роль в этом обмане сыграл ее собственный отец. Пальцы Рэйчел стиснули ножку бокала. Она чувствовала, как ее охватывает горечь.

Ее собственный отец… Даже на смертном одре он не искал примирения или прощения. Несомненно, это было к лучшему — Рэйчел не знала, как отреагировала бы на такую его просьбу. Но лишь сейчас она осознала истинные масштабы его предательства.

Предательства? Она пригубила шампанское, будто пытаясь смыть привкус этого слова с языка. Как бы грубо оно ни звучало, все же оно было

недостаточно сильным. Ее отец позаботился о том, чтобы человек, которого она любила, не мог даже послать ей письмо с извинениями. Или разыскать ее, чтобы объяснить, почему он ее оставил. Или облегчить ее страдания.

Совсем наоборот: отец позаботился о том, чтобы Джейсон Норкросс оставил ее с разбитым сердцем, противоречивыми воспоминаниями и половинкой золотой монеты.

Десятью годами ранее

— Есть здесь кто-нибудь? — Холодной декабрьской ночью Рэйчел Грешем заглянула в темную конюшню, кутаясь в накидку.

Осторожно ступая, девушка вошла в старое строение и вздрогнула — как от холода, так и от волнения. Рэйчел уже наловчилась поздно ночью выскальзывать из дому незамеченной. Возможность новых открытий и ощущение опасности лишь усиливали азарт от недозволенного приключения.

Ее тень падала на землю. Ярко светила луна. Рэйчел замерла, позволяя глазам привыкнуть к темноте обветшалого здания. Тут и там лунный свет пробивался сквозь прохудившуюся крышу, становившуюся все более дырявой с каждым про-

шедшим годом, и освещал устеленный соломой пол. Несколько лет назад отец Рэйчел построил новую конюшню и собирался снести эту, и сейчас она служила разве что для хранения сена, да и то не всегда.

Но для целей, которые преследовала Рэйчел, это место подходило идеально. Девушка улыбнулась. Если бы ее отец только знал, для чего она собиралась использовать это место!

— Есть здесь кто-нибудь? — повторила она и прислушалась к ночным звукам.

Действительно ли она была здесь одна?

Рэйчел сделала шаг вперед. Солома под ногами захрустела. Еще один шаг… Что за шум за ее спиной? От страха по спине девушки побежали мурашки. Сердце Рэйчел учащенно забилось, норовя выпрыгнуть из груди. Возможно, она слишком часто испытывала судьбу. Возможно…

Внезапно чья-то ладонь закрыла ей рот. Кто-то обхватил ее сильными руками и прижал к своему телу. Рэйчел пыталась сопротивляться, но хватка стала лишь сильнее.

— Тихо, — прошептал голос ей на ухо, и девушка замерла. — Что такое прелестное создание, как ты, делает здесь в одиночестве среди ночи, где какой-нибудь зверь может сотворить с тобой все,

что пожелает? — Рука скользнула под ее накидку, накрывая грудь.

Рэйчел вздохнула и повернулась к нему лицом.

— Ждет зверя вроде тебя.

Она обвила руками его шею, и их губы слились в жадном и страстном поцелуе. Он прижал ее к себе еще крепче. Его поцелуй был жестким и требовательным, и Рэйчел ответила на него с той первобытной жадностью, которая жила в ней с тех самых пор, как они впервые возлегли вместе.

Он поднял ее на руки и отнес в угловое стойло, к накрытой покрывалом куче сена, которая служила им постелью.

— На миг я подумала, что ты не придешь, — сказала Рэйчел, лаская губами его шею. — Думала, что ты забыл.

— Никогда! — Его голос дрожал от страсти. — Я не мог забыть.

Рэйчел выскользнула из его объятий и потянула за завязку накидки, сбрасывая ее на пол. Он стянул простое платье, которое она выбрала именно из-за простоты, с ее плеч и наклонился, чтобы попробовать на вкус жаждущую его прикосновения плоть. Забравшись руками под его плащ, Рэйчел провела пальцами по мускулистой

груди, ощущая жар тела сквозь ткань рубашки. Она дернула за плащ, и юноша сбросил его с плеч, неохотно оторвав губы от ее кожи.

Оттянув лиф платья, чтобы обнажить ее груди, он накрыл их руками и медленными круговыми движениями стал гладить большими пальцами ее соски — сладкий контраст с грубым поцелуем в губы. Опустившись перед девушкой на колени, он скользнул губами ниже, к ложбинке между грудей. Рэйчел закрыла глаза, запрокинула голову и прижала юношу к себе, запустив пальцы в его волосы.

Он посасывал то одну, то другую грудь, заставляя девушку отдаваться струящимся по ее телу сладким ощущениям. Его руки забрались под ее платье и скользнули по голым ногам, задирая юбки. Изнемогая от желания, Рэйчел пошатнулась, увлекая юношу за собой, и они вместе упали на сено.

Она погладила бугорок в его штанах, лучше всяких слов говорящий о его возбуждении. Это заставило юношу застонать. Его рука скользнула между ее ног, коснувшись тела девушки в самом чувствительном месте, уже пульсирующем от желания. Рейчел застонала, подавляя желание молить о немедленном продолжении.

Схватившись за пояс юноши, она стянула с него штаны, освобождая мужское достоинство. Лаская его, Рэйчел в очередной раз подумала о том, как странно в мужском теле сочетаются сталь и бархат. Юноша вздрогнул от ее прикосновений.

Она уже знала его тело так же хорошо, как и свое собственное, знала, какую силу имеет над ним ее прикосновение. Как знала и собственные желания, и то удовольствие, что мог доставить ей только он.

Рэйчел обвила ногой его ногу, подаваясь навстречу юноше. Он схватил ее за ягодицы и подтянул к себе, входя в нее быстрым движением с легкостью, подтверждающей, что это место было создано для него одного — они совпадали идеально, как ключ и замок, как рука и перчатка, как звезда и небеса. Рэйчел застонала, вцепившись в ткань его рубашки и прижимаясь к юноше. И он заполнил ее тело и ее душу.

Он двигался в такт с биением крови в ее жилах. Не мешкая, Рэйчел присоединилась к нему в отчаянной спирали экстаза, отвечая на каждое его движение, ощущая необходимость чувствовать его внутри себя, принять нарастающее в ней пламя, которое разгоралось все жарче, взметаясь выше и выше, всепоглощающее, всемогущее,

заставляющее трепетать все ее естество. Ее тело вздрагивало под ним, спина выгибалась под ударами волн наслаждения, омывавших ее. Юноша застонал, когда его тело напряглось в оргазме.

Затем они лежали и Рэйчел наслаждалась тем, что все еще чувствовала его внутри. Кровь медленно переставала стучать у них в ушах. Дыхание юноши замедлилось, и он осторожно отстранился, продолжая удерживать Рэйчел в объятиях.

Она подумала об обстоятельствах, которые свели их вместе. Менее месяца назад она была еще девственницей, а теперь бесстыдно жаждала удовольствия, которое мог дать ей только он.

— Я скучала, — тихо сказала Рэйчел.

Юноша рассмеялся.

— Вряд ли у тебя была такая возможность. Мы были вместе вчера ночью. И за ночь до этого.

— И за ночь до этого тоже. — Она перевернулась на бок и приподнялась на локте. — Но этого все равно мало.

— Ты очень требовательная. — Юноша протянул руку и погладил Рэйчел по обнаженному бедру — ее юбки все еще были задраны до талии.

— Даже если и так, в этом целиком и полностью твоя вина, — сказала она, стараясь не обращать внимания на его пальцы, скользящие вверх и

вниз по ее все еще чувствительной после недавнего соития коже.

— Я знаю. — В его голосе послышалась усмешка.

Рука юноши переместилась между ее ног, и пальцы принялись лениво дразнить ее.

Рэйчел вздрогнула от его сладостного прикосновения и закрыла глаза.

— Я стала такой развратной.

— Да, это точно.

Она проигнорировала его насмешку — внимание девушки было поглощено прикосновением его пальцев — и вздохнула. Он привел ее в мир чувственных наслаждений, и теперь ей хотелось еще и еще. Она чувствовала себя пьяницей, который пьет и все не может напиться.

— Мне нравится быть развратной.

Движения его руки становились все настойчивее, пока новая волна наслаждения не сотрясла ее тело. За последние несколько недель в жизни Рэйчел многое произошло, и главным событием стала ее любовь к Джейсону Норкроссу. Она была уверена так, как не была уверена ни в чем другом за семнадцать лет своей жизни: для него быть вместе с ней — это такая же необходимость, как и для нее. Он любит ее с той же неуемной страстью,

что и она его.

Он пошевелился в темноте, натягивая штаны. Зашуршало сено. Рэйчел улыбнулась.

— Джейсон, а после того, как мы поженимся, мы будем раздеваться полностью?

— Не то чтобы я успел обдумать это всерьез, но мне кажется это довольно заманчивым, — изрек он. — Впрочем, это будет уже не так интересно. Кроме того, полагаю, что после этого ты начнешь настаивать еще и на том, чтобы мы делали это в кровати.

— Ты сам сказал, что я требовательная, — рассмеялась Рэйчел, садясь и окидывая взглядом скрытую в ночной мгле конюшню. — Хотя оставить все это будет тяжело.

Несмотря ни на что, это старое здание она всегда будет вспоминать с нежностью. Именно здесь они познали любовь, здесь планировали свое будущее. Только здесь они могли скрыться от любопытных глаз слуг, не упустивших бы возможности донести лорду Грешему о том, что его единственное дитя проигнорировало его запрет и продолжает встречаться с нищим кузеном его соседа, Джорджа Норкросса, герцога Линдхерста.

Влюбленные играли в опасную игру. Рэйчел старалась не думать о том, что сделает ее отец,

если узнает об их обмане, — мысли об этом внушали ей страх. Но если ничего не случится, то он так и не догадается ни о чем до тех пор, пока они не окажутся вне пределов его досягаемости.

— Рэйчел, мы должны кое-что обсудить, — произнес Джейсон серьезно. — Я заказал билеты на корабль в Америку.

— Когда он отплывает? — тихо спросила она, моментально собравшись с мыслями.

— Рано утром первого января.

— Наутро после бала леди Бредборн. — Рэйчел глубоко вздохнула. — И тогда наш план сработает, верно?

— Если повезет.

— Нам не нужно везение — на нашей стороне любовь. — Она старалась говорить уверенно, хотя, конечно, знала, что успех этого плана во многом зависит от удачи.

Джейсон поднялся и принялся мерить шагами конюшню. На его лицо периодически падали отблески лунного света.

— План довольно простой. Ты убежишь с бала…

— И встречусь с тобой в саду.

— Там будет ждать повозка, которая отвезет нас в доки.

— Ты наймешь повозку? — Рэйчел поднялась на ноги, поправляя одежду.

Джейсон кивнул.

— Не стоит использовать одну из повозок Джорджа. Есть опасность, что ее могут узнать.

— И тогда нас найдут. Меня притащат обратно домой, и будет скандал. А отец… — Рэйчел вздохнула. — Но он не согласится на то, чтобы мы поженились, даже чтобы спасти мою репутацию.

— Почему? — Джейсон остановился. В его голосе было слышно разочарование. — За что он меня так невзлюбил?

— Потому что я перечила ему только из-за тебя. В остальном я была хорошей, послушной дочерью.

— Верится с трудом, — хмыкнул Джейсон.

— Но это правда.

Как ему это объяснить? Еще с детских лет Рэйчел чувствовала себя с Джейсоном свободно. А вот присутствие отца вселяло в нее страх.

— Я всегда боялась его.

— Знаю, — мягко сказал Джейсон.

— Я никогда не говорила тебе об этом. — Рэйчел взглянула ему в лицо.

— Тебе и не нужно было этого делать. Я видел

это в твоих глазах. Хотя и никогда не понимал причину этого страха.

— Для отца, — сказала Рэйчел, осторожно подбирая слова, — я не более чем товар на продажу. Собственность, такая же ценная, как поместье или домашний скот. Он всегда хотел выгодно выдать меня замуж.

— Но я наследник Джорджа. Я могу стать следующим герцогом Линдхерстом.

— Если он не женится и у него не родится сын. Твоему кузену нет еще и сорока. Дети появлялись и у людей гораздо старше.

— И все же Джордж никогда не оставит меня без гроша. И я довольно амбициозен.

— Тем не менее, даже если ты унаследуешь титул, это не то, чего хочет отец. — Девушка обхватила себя руками за плечи. Сотрясавший ее тело озноб был вызван не только холодом зимней ночи. В ее голосе прозвучала горечь. — Он хочет использовать мое замужество для того, чтобы упрочить свои позиции в парламенте. Я для него пешка в политических играх. А ты представляешь угрозу для этих планов, потому что отцу известно, что я тебя люблю. Не знаю откуда, но известно. — Рэйчел поморщилась. — Он знает, что я люблю тебя с тех самых пор, как ты переехал

к лорду Линдхерсту после смерти родителей. Я помню, какой ты был тогда неотесанный и безрассудный.

— Я был еще ребенком! — возмущенно ответил Джейсон.

Рэйчел устояла перед искушением сказать, что именно сейчас он больше походит на мальчика, чем на мужчину.

— И прошлой весной, когда мы встретились снова, я любила тебя, невзирая на репутацию, которую ты приобрел за четыре года, проведенных в лондонской школе.

— Моя репутация была не намного хуже, чем у кого бы то ни было, — быстро проговорил Джейсон. — Едва ли я ее заслужил, и на самом деле она ничего не значила.

— Я любила тебя, пока ты и твоя незаслуженная репутация наконец не вернулись домой.

— Годы, прожитые зря…

Рэйчел услышала, как его голос дрогнул.

— Но с этим покончено. В конце концов, мне уже двадцать один.

— О, так много?

— Не дразни меня, Рэйчел. — Джейсон притянул ее к себе. — Я достаточно взрослый, чтобы понимать, что говорит мне сердце.

— И достаточно взрослый для того, чтобы понимать, что говорит мое. — Она коснулась губами его губ.

— Когда вы уезжаете в Лондон?

Рэйчел заколебалась. Конечно, рано или поздно она должна была сказать ему об этом, но пока вопрос не был задан, сохранялась иллюзия, что их ничто не разделит, что ночь за ночью они будут продолжать встречаться здесь.

— Завтра? — Джейсон прижал ее к себе. — Вы не останетесь в поместье на Рождество?

— Отец хочет привести дом в порядок, прежде чем снова соберется парламент. И, видимо, кроме новогоднего бала есть еще какие-то встречи, на которых он хочет присутствовать. Политические, разумеется. — Вдруг Рэйчел охватило отчаяние. — Не знаю, как я вынесу две недели без тебя.

— Возможно, мой подарок скрасит твое ожидание?

— Подарок? Для меня? — Подняв голову, Рэйчел посмотрела на юношу. — Что это?

— Небольшой сувенир, — рассмеялся он и, выпустив девушку из объятий, вытянул руку, подставляя ладонь под луч лунного света.

На ней что-то поблескивало.

Рэйчел подошла поближе.

— Что это?

— Гинея. Вернее… Две половинки гинеи. Я разрубил ее топором.

— Джейсон, ты разрубил гинею? Золотую монету? — Она покачала головой. — Но зачем? Ты не можешь себе позволить…

— Это я могу себе позволить. — Он подкинул две половинки монеты на ладони, и они блеснули в лунном свете. — Эту гинею подарил мне отец на день рождения — последний перед тем, как их убили. Я всегда берег ее. Мне казалось, что благодаря этому даже после смерти родители остаются со мной. — Джейсон хмыкнул. — Да, я знаю, это глупо.

— Вовсе нет, — ответила растроганная Рэйчел.

— Я понимаю, что нам придется расстаться, пусть и ненадолго, и я подумал… Я надеялся…

— Что если мы возьмем по половинке монеты, то будем вместе духовно, если и не физически?

— Что-то вроде этого, — ответил Джейсон, смущенный своим сентиментальным поступком. — Я люблю тебя, Рэйчел.

— А я люблю тебя. — Она взяла половинку гинеи, все еще хранящую тепло его руки, и сжала ладонь в кулак. — Я буду хранить ее вечно.

— Вечно, — эхом отозвался он, снова привлекая девушку к себе.

Их губы опять встретились. Радость от того, что она находится в его объятиях, позволяла Рэйчел не думать о том, что все это слишком хорошо, чтобы быть правдой.

И чтобы длиться долго.

Глава вторая

Бал леди Бредборн был грандиозным, как и ожидала Рэйчел, но девушка вполне отчетливо понимала, что витающее в воздухе волшебство и предчувствие счастья имели к встрече Нового года весьма отдаленное отношение.

— Лорд Грешем, мои комплименты вашей дочери. — Джентльмен с военной выправкой, обращавшийся к ее отцу, окинул Рэйчел одобрительным, но вполне в рамках приличий взглядом. — Она сегодня исключительно хорошо выглядит.

— Так и есть. — Отец холодно посмотрел на Рэйчел. — И, похоже, исключительно хорошо проводит время.

— Наступает Новый год, отец, — вежливо ответила девушка. — А есть ли лучший способ встретить 1805-й год, чем принять участие в празднестве, подобном этому?

— И наслаждаясь им. — Лорд Карутерс просиял, поднимая бокал.

— Конечно, нет.

Глаза отца Рэйчел сузились, как будто он пытался заглянуть ей прямо в душу. Как будто он знал,

о чем она думает. Как будто ему было известно о ее планах. Рэйчел почувствовала себя неуютно.

Проигнорировав это ощущение, девушка подняла подбородок и встретила взгляд отца, черпая храбрость в мыслях о том, что не увидит его очень долгое время. Может быть, даже никогда.

— Этой ночью стоит задуматься о будущем.

— И чего же вы ждете от наступающего года, мисс Грешем? — спросил лорд Карутерс.

Новой жизни. Свободы. И любви.

— О, милорд, не более чем все. Мира, конечно. Процветания. Счастья. Здоровья.

— И достойного супруга, — добавил ее отец твердо.

— В самом деле, — усмехнулся лорд Карутерс. — Чего еще желать для дочери, как не жениха с солидным состоянием и громким титулом? Полагаю, на руку мисс Грешем найдется немало достойных претендентов.

— О, вы меня смущаете, милорд, — рассмеялась Рэйчел, уверенная в том, что в этот вечер действительно выглядит просто великолепно.

Ее темные волосы были завиты и уложены в прическу. Глядя в зеркало, Рэйчел видела цветущую девушку с сияющими глазами. И лишь она одна знала, что ее воодушевление, ее предвкуше-

ние не имеют к этому балу никакого отношения.

— Вы разрешите мне пригласить вас на танец, мисс Грешем? — Лорд Карутерс протянул ей руку.

— Буду польщена.

Почему бы и нет, в конце концов? Это ее последний бал в Лондоне.

Рэйчел взяла лорда Карутерса за руку и позволила отвести себя на середину зала. Оглянувшись через плечо, девушка послала отцу лучезарную улыбку, на которую тот ответил угрюмым взглядом. Конечно, он не привык видеть дочь такой счастливой, как сегодня. Но Рэйчел просто не могла сдержать ликование. Осознание того, что в конце вечера ее ожидают любовь и свобода, вызывало у нее безрассудные мысли.

Они с лордом Карутерсом начали танцевать, и Рэйчел задумалась, заметил ли перемену в ее поведении кто-нибудь еще, кроме отца, и будут ли о ней потом говорить.

И где в это время будут они с Джейсоном.

Гораздо позже этим же вечером Рэйчел ходила взад-вперед возле каменной скамейки в саду, где они с Джейсоном договорились встретиться. Девушка пыталась справиться с охватывающей ее паникой.

Она тайком забрала свою накидку и выскользнула из дома незадолго до назначенного часа. Когда время встречи настало, Рэйчел лишь слегка обеспокоилась. Джейсона могло задержать что угодно. Она была уверена, что с минуты на минуту он появится.

Но прошло полчаса, затем час… Сейчас он опаздывал уже больше чем на два часа. Было поздно, и скоро им с отцом придется возвращаться домой. Девушка плотнее запахнула накидку, пытаясь защититься от холодного ночного воздуха и подступающего отчаяния.

Где же он? Конечно, имелось логическое объяснение тому, почему он не появился. Возможно, он попал в беду. В эту самую минуту Джейсон мог лежать без сознания на обочине дороги, став жертвой случайного происшествия. Или же на него напали воры. Раненый, он из последних сил пытается добраться до места встречи.

А может, он просто не придет…

Рэйчел старалась не думать об этом, но с каждой уходящей минутой это было все сложнее и сложнее. По мере того как рос ее страх, все громче становился насмешливый голос: *«Джейсон не придет. Он и не собирался приходить. Развлекся с тобой и сбежал. Ты никогда больше его не*

увидишь».

— Нет, — сказала Рэйчел, едва ли понимая, что говорит вслух. — Джейсон любит меня.

«Любовь? Что он знает о любви? Он такой же мужчина, как и остальные. Мужчины лишь пользуются женщинами. Для достижения своих целей. Для удовлетворения похоти. И Джейсон не лучше любого из них. Не лучше твоего отца».

— Нет! — Девушка сжала руки в кулаки, отгоняя сомнения прочь.

Джейсон был совсем не таким, как ее отец. Джейсон любил ее, она знала это. Разве она может ошибаться в том, что занимает такое важное место в ее жизни, в ее сердце?

— Мисс Грешем?

Голос раздался из-за поворота садовой дорожки. Вне всякого сомнения, это был слуга, посланный, чтобы найти ее. Настало время возвращаться домой. Что ж, хорошо. Рэйчел расправила плечи. Может, вечер и не прошел по задуманному плану, но это всего лишь один вечер. У них с Джейсоном впереди целая жизнь. Наверняка была причина, веская причина, почему он не встретился с ней сегодня. Возможно, он оставил ей весточку дома. Или встретится с ней завтра. Джейсон все ей объяснит, и когда-нибудь они будут смеяться,

вспоминая этот случай. Когда-нибудь, так или иначе, он придет за ней, и тогда они останутся вместе навсегда. В иное Рэйчел отказывалась верить.

Девушка пошла по дорожке, пытаясь придумать объяснение тому, почему она несколько часов провела в саду холодной зимней ночью. Оставалось надеяться, что ее отец не замечал ее отсутствия, пока не собрался уезжать. Может, он поверит, что ей просто захотелось подышать свежим воздухом? В помещении было довольно душно. Да, конечно, поверит. Нужна просто капелька удачи.

Рэйчел поспешила в дом, пытаясь игнорировать нарастающее чувство тревоги. В первое утро нового года удачи, похоже, ей недоставало.

— Рэйчел. — Лорд Грешем протянул дворецкому свой плащ и кивком головы указал на библиотеку. — Раздевайся и идем.

— Это не может подождать до утра, отец?

Девушка с нарочитым старанием стянула перчатки, надеясь скрыть тревогу, нараставшую в ней во время поездки домой. Ее отец мало говорил, но она чувствовала его гнев и не решилась начать разговор в повозке. Даже если не принимать во внимание его настроение, ее собственные

чувства были слишком сильны сейчас, чтобы она могла выдержать еще и разговор с отцом.

— День был долгий, я устала и…

— Нет. — Его холодный требовательный голос разнесся эхом по полутемному холлу их лондонского дома. — Сейчас.

— Хорошо.

Рэйчел сняла накидку и передала ее дворецкому. В глазах слуги девушка увидела сочувствие — все в доме знали, что подобный тон хозяина не сулит ничего хорошего.

Она вошла в библиотеку, закрыв за собой дверь. Отец сел за внушительный стол из красного дерева, расположенный так, чтобы вошедший в комнату сразу же обращал на него внимание. Этот стол производил такое же гнетущее впечатление, как и человек, сидевший за ним.

Собрав волю в кулак, Рэйчел выдержала взгляд лорда Грешема.

— Отец, я хочу спать, так что если…

— На самом деле ты ведь не думала, что он придет, верно?

Вопрос эхом разнесся по комнате.

У Рэйчел перехватило дыхание. *Ему обо всем известно?*

— Что ты…

— Не прибавляй к своей лжи еще одну. — Несмотря на спокойный тон, в глазах лорда Грешема бушевала ярость. — Я все знаю о Норкроссе и о тебе.

— Как ты можешь это знать?

Рэйчел задала этот вопрос прежде, чем успела прикусить язык. Она знала, что лучший способ иметь дело с отцом — *пережить* разговор с отцом — это держать язык за зубами.

— Дорогая, ты меня недооцениваешь. — Взяв со стола перо, лорд Грешем повертел его в руках, играя с ним так же, как сейчас играл с ней. Он ни на миг не сводил с дочери глаз. — Пора бы тебе это усвоить. Я думал, что знаю тебя лучше. Мне необходимо быть в курсе всего, что происходит в моих владениях. И моим слугам хорошо за это платят. Они замечают куда больше, чем все остальные. Я знаю, что ты не послушалась меня. Я знаю, что ты встречалась с Норкроссом и что вы собирались увидеться сегодня ночью.

Рэйчел соединила руки перед собой, чтобы они не дрожали. Что бы ни произошло в следующие несколько минут, это будет последний раз, когда ей придется сталкиваться с гневом отца. Когда они с Джейсоном уплывут в Америку, она больше никогда его не увидит.

— Я знаю, что ты собиралась убежать с ним.

Ее горло сжалось от ужаса.

— И я также знаю, что он купил билеты на корабль, отплывающий на рассвете.

— На рассвете? — не успев подумать, переспросила Рэйчел.

Если Джейсон не придет за ней в ближайшее время…

— Что ты можешь сказать в свое оправдание?

Разочарование, страх, усталость и паника сделали свое дело — что-то внутри Рэйчел сломалось.

— Что ты хочешь от меня услышать?

— О, с бала вернулась дерзкая девчонка. — Отец приподнял бровь. — Но, пожалуй, я тороплю события. Сейчас тебе стоит послушать меня. — Он поднялся на ноги. — Как я уже сказал, я знал, что сегодня ночью ты собиралась встретиться с Норкроссом. Но о его планах я не могу сказать то же самое.

Сердце Рэйчел сжалось.

— О его планах? Я не понимаю.

— Это же очень просто, дорогая. Надо сказать, я удивлен, что ты до сих пор сама все не поняла. Тем более учитывая то, что время позднее, а Джейсон так и не появился. — Отец подошел к

камину, разглядывая часы на каминной полке. — Норкросс купил только один билет.

— Один билет?

Зачем Джейсону покупать только один билет? Это не имело никакого смысла.

— Ты, наверное, ошибаешься. Один билет означает…

— Одного пассажира. Только одного пассажира.

Глаза девушки распахнулись от изумления. Это не могло быть правдой.

— Я не верю тебе.

— Вне зависимости от того, веришь ты мне или нет, факт остается фактом, — хмыкнул ее отец. — Он не собирался брать тебя с собой. И встречаться с тобой сегодня тоже не собирался. — Лорд Грешем кивком указал на часы. — Через несколько часов Джейсон поплывет в Америку один. И навсегда исчезнет из твоей жизни.

— Нет!

Паника нарастала.

— Это неправда! Джейсон любит меня! Он никогда бы…

— Он уже это сделал.

— Ты не можешь этого знать!

— Рэйчел, почему ты никогда меня не слуша-

ешь? — Голос отца стал строже. — Я все знаю. И всегда все буду знать. Ты ничего не сможешь от меня скрыть.

— Ты лжешь, — сказала она, не обращая внимания на его слова. — Этого не может быть. Джейсон никогда бы меня не бросил. Он меня любит.

— Любит? — Отец презрительно фыркнул. — Не надейся на любовь, девочка. Любовь — это выдумка поэтов, слишком глупых для того, чтобы понять, как на самом деле устроен мир. Власть и богатство — вот что имеет значение, а вовсе не глупые сантименты. Тем не менее… — Он снова вернулся за стол. — События последних дней показали, что настало время выдать тебя замуж.

— Я выйду только за Джейсона! — с вызовом в голосе ответила Рэйчел.

— Так где же он?

Слова отца как будто повисали в воздухе библиотеки, делая атмосферу в комнате еще более тяжелой. Они словно впивались в самое сердце Рэйчел.

— Джейсон придет за мной, — выдохнула она.

«Он не придет. Он и не собирался приходить».

— Он любит меня!

«Развлекся с тобой и сбежал. Ты никогда больше его не увидишь».

— Можешь верить во что тебе угодно. Вскоре тебе придется признать правду. — Отец бросил взгляд на лежащие на столе бумаги. — Ты выйдешь за того, за кого я скажу. И когда я скажу.

— Нет, никогда! — Боль в разбитом сердце превратилась в ярость.

— Гораздо быстрее, чем ты думаешь, — произнес отец таким тоном, как будто вел светскую беседу. — Лорд Фентон проявил к тебе интерес, и я…

— Интерес лорда Фентона к браку со мной быстро угаснет.

Лорд Грешем замер.

— Почему?

— Ни один порядочный человек не возьмет меня замуж.

Рэйчел улыбнулась — одновременно горько и торжествующе.

— Что ты имеешь в виду? — Глаза отца сузились.

— Но, отец. — Она буквально выплюнула эти слова. — Почему ты спрашиваешь? Я думала, что ты все знаешь.

— Норкросс обесчестил тебя?

— Нет, отец. — Рэйчел вздернула подбородок. — Я сама себя обесчестила. И я позволю всему миру

узнать об этом, чтобы избежать замужества с человеком, которого ты для меня выберешь. Повторяю: ни один порядочный человек не возьмет меня замуж.

Лорд Грешем медленно направился к ней, и Рэйчел пришлось приложить максимум усилий, чтобы охвативший ее ужас не отразился на ее лице. Взяв девушку за подбородок, отец приподнял ее лицо, заглянув ей в глаза. Никогда раньше Рэйчел не видела в его взгляде такой враждебности.

— Лучше бы у меня был сын. Если бы твоя мать успела родить мальчика, у меня был бы наследник, а не никчемная шлюха-дочь. Жаль, что она умерла, прежде чем исполнила свой долг, — сказал он, разглядывая Рэйчел так, будто видел ее впервые. — Она тоже была привлекательной. Ты на нее похожа. — Сжав подбородок Рэйчел сильнее, отец повернул ее голову в одну сторону, потом в другую. — Да, ты совсем как твоя мать.

Неожиданно он отпустил ее и отвесил пощечину тыльной стороной ладони. Рэйчел пошатнулась от удара, чувствуя, как щека горит от боли.

— Она тоже была шлюхой.

Несмотря на боль, Рэйчел удержалась от того, чтобы схватиться ладонью за то место, куда ее ударили, или испуганно сжаться. Если это прав-

да и Джейсон ее бросил, если ее сердце разбито и жизнь разрушена, то лучше умереть здесь и сейчас, чем позволить отцу думать, будто он победил. Осознание того, что ей нечего больше терять, придало девушке неожиданную для нее самой смелость.

Она выпрямилась и улыбнулась.

— Может, лучше быть мертвой шлюхой, чем жить с тобой.

В глазах ее отца промелькнуло что-то похожее на уважение.

— Так, так… Неужели? Неужто я недооценил тебя? Впрочем, это не важно. — Он помолчал, разглядывая ее. — В течение часа ты уедешь в деревню.

— Предпочитаю остаться здесь.

Ведь именно здесь Джейсон будет ее искать. Если ее отправят в усадьбу Грешем, пройдет много дней, прежде чем они смогут снова встретиться.

— А я предпочитаю не оказаться в центре скандала. Кроме того, вполне возможно, что ты беременна. — Отец отвернулся с отвращением на лице, но затем вновь окинул дочь изучающим взглядом. — Думаешь, он придет за тобой, да?

С вызовом в глазах она выдержала его взгляд, но ничего не ответила.

— Женщины так глупы. Вы заслуживаете то, что получаете. Все вы. — Отец покачал головой. — Но я планировал совсем не это. — Он вернулся за стол. — Теперь мне нет от тебя никакой пользы, — сказал он, обращая взгляд на бумаги, лежавшие на столе.

Его тон ясно говорил о том, что разговор окончен.

— Значит, эта ночь все же прошла удачно.

Развернувшись, Рэйчел как можно быстрее открыла дверь. От ее отца можно было ожидать чего угодно. Он мог вскочить с места и ринуться к ней, хотя ничто на это и не указывало.

Выйдя в коридор и захлопнув за собой дверь, она почувствовала, как улетучивается ее храбрость. Девушка осела на пол, прислонившись к двери. Ее сердце билось часто-часто. В голове звучали слова отца.

Конечно, она ему не поверила. Ни на мгновение. Джейсон не оставил бы ее. Никогда.

Но тогда где же он?

Глава третья

Где же он?

Этот вопрос не давал ей покоя с той самой ночи, когда произошло столкновение с отцом. Три долгих дня, каждый час, каждую минуту он звучал у нее в ушах снова и снова, будто какофония.

Где же он?

Рэйчел мерила шагами гостиную на втором этаже. Эта комната с большими окнами, из которых открывался вид на деревенский пейзаж, всегда нравилась ей больше других в усадьбе Грешем. Здесь их дом меньше походил на тюрьму. Девушка раздумывала над тем, чтобы взять лошадь и поехать в Лондон на поиски Джейсона, но слугам были даны указания следить за каждым ее шагом. Разве у них был выбор, если они хотели сохранить работу? Они не были настроены недоброжелательно по отношению к Рэйчел, просто слушались хозяина. Кроме того, даже если ей и удастся сбежать, как она в одиночку сможет отыскать Джейсона?

Перед отъездом из Лондона она смогла написать записку лорду Линдхерсту, умоляя его разыскать Джейсона и сообщить ему о том, где

она. Рэйчел упросила горничную доставить записку герцогу домой, однако не могла быть уверена в том, что девушка выполнила ее поручение. Но это была ее единственная надежда.

Где же он?

Рэйчел старалась не думать о словах отца. Не допускать и мысли о том, что Джейсон не собирался брать ее с собой в Америку. Конечно, это было абсурдом. Она ведь знала, что он так не поступит. Правда?

Несмотря на то что Рэйчел решительно отказывалась верить словам отца, выбросить их из головы она не могла. Сомнения точили ее на каждом шагу, каждый миг, становясь сильнее и заставляя ее прислушиваться к ним.

А этого нельзя было делать ни в коем случае. Бросив вызов отцу, Рэйчел обнаружила в себе отвагу, но это новое качество было столь хрупким, что, признав возможность предательства, она бы разрушила его. До тех пор, пока она была уверена в Джейсоне, слова отца были лишь ложью, мороком.

Но где же тогда Джейсон?

В дверь гостиной постучали, и, не дожидаясь ответа Рэйчел, слуга просунул голову в дверь.

— К вам гость, мисс.

— Впусти его немедленно. — Сердце Рэйчел подпрыгнуло.

Слуга кивнул и исчез за дверью. Секунду спустя она опять отворилась.

— Джейсон? — Девушка обернулась.

— Боюсь, что нет, дорогая. — Герцог Линдхерст улыбнулся, входя в комнату.

Она почувствовала болезненный укол разочарования.

— Милорд, я не ожидала… — Рэйчел отбросила церемонии. — Вы получили мою записку? Джейсон знает, где я? Вы говорили с ним?

Герцог покачал головой.

— Я хотел бы ответить утвердительно, но он, похоже, исчез. — Линдхерст поколебался, подбирая слова. — Я навел справки. Его исчезновение совпадает по времени с отплытием корабля, на который он покупал билет.

— Сколько он купил билетов? — Рэйчел затаила дыхание.

— Один, полагаю, — нахмурился Линдхерст.

— Но точно вы этого не знаете? — с надеждой в голосе спросила девушка.

— Нет, не знаю. Мисс Грешем, мне не хотелось бы говорить вам этого, но вряд ли это имеет значение. — В голосе герцога послышалось со-

чувствие. — Каковы бы ни были первоначальные намерения моего кузена, похоже, он отправился в Америку. Один.

Отчаяние захлестнуло Рэйчел. Отцу она ни за что бы не поверила, но герцог — другое дело. Он был для Джейсона скорее старшим братом, чем кузеном, и всегда хорошо к ней относился.

Девушка обхватила себя руками за плечи, пытаясь удержать свои чувства под контролем, и невидящим взглядом уставилась на ковер.

— Вот как…

— Я могу ошибаться, — медленно произнес герцог.

Рэйчел подняла голову и посмотрела ему в глаза.

— Но сами вы не думаете, что ошибаетесь?

— Не думаю. — В его взгляде были забота и сострадание. — Джейсон всегда был несколько несдержан, но того, что он способен на бесчестный поступок, я и предположить не мог. Мне очень жаль.

— Мне тоже, — прошептала Рэйчел.

В ее голове возник вопрос: как это она не разлетелась на осколки после этих слов. Наверное, в глубине души она всегда знала, что этим все закончится.

— С вами все в порядке? — Герцог подошел ближе к ней.

Рэйчел криво улыбнулась.

— Я не совсем уверена.

— Мисс Грешем…

— Я держу себя в руках, — сказала она скорее себе, чем ему. — Неделю назад я бы с этим не справилась.

Неделю назад она не смогла бы перечить отцу. Неужели отвага родилась из предательства? Сила из несчастья?

Линдхерст взял девушку за руку и подвел ее к дивану.

— Пожалуй, вам стоит присесть.

— Да, конечно, — пробормотала она, подчиняясь.

Рэйчел безропотно уселась на диван, думая о том, откуда же взялась ее храбрость. И почему она не поддается этим горьким, опустошающим чувствам.

Возможно, сейчас она просто не поняла до конца, что произошло. А возможно, дело и правда в том, что бояться уже нечего, ведь ей больше нечего терять.

А возможно, ее отчаяние было так же велико, как и страх перед ним — страх того, что настолько

сильное горе уничтожит ее.

— Что вы теперь будете делать? — тихо спросил герцог.

Рэйчел удивленно посмотрела на него — она даже не заметила, что он сел рядом с ней. И что он все еще держал ее ладонь в своей руке.

— Что вы имеете в виду? — озадаченно спросила она.

— Ваше будущее, мисс Грешем. Вы думали о будущем?

— Мое будущее? — Какая странная мысль. Рэйчел никогда не думала о *своем* будущем, ведь раньше у них с Джейсоном было *общее* будущее. — Нет, не думала. Сейчас все несколько неопределенно.

— Я не знаю, как спросить вас об этом, и пожалуйста, простите, если я покажусь вам бесцеремонным… — Герцог нахмурил брови. — Возможно, я ошибаюсь, но, принимая во внимание вашу записку и ваши планы, я думал, то есть предполагал, что…

— Что мы с Джейсоном были…

— Да, именно, — быстро проговорил герцог, явно испытывая неловкость.

— Да, это так. — Рэйчел отняла руку. — Полагаю, что на этом вопрос о моем будущем исчерпан. У

меня его нет.

Рэйчел поднялась на ноги и принялась ходить по комнате, обхватив себя руками за плечи.

— У меня нет ни навыков, ни терпения, чтобы быть гувернанткой или компаньонкой. А выйти замуж я теперь не могу. — Удивительным образом она моментально успокоилась после этих слов, как будто осознание того, что отныне она сама определяет свою судьбу, сделало ситуацию не просто терпимой, но даже в чем-то выигрышной. — Я никогда не стану женой человека, которого изберет мне в мужья отец, даже если бы мы и нашли кого-нибудь, кто согласился бы взять… порченый товар.

— Мисс Грешем. — Лорд Линдхерст вскочил на ноги и подошел к ней. — Вы вовсе не такая. Любой здравомыслящий мужчина был бы счастлив иметь такую жену, как вы.

— Перестаньте, милорд, — поморщилась Рэйчел. — Ни один здравомыслящий мужчина не согласится взять в жены женщину, которая была любовницей другого.

— Я согласился бы.

Его тихие слова, казалось, эхом разнеслись по комнате. У Рэйчел перехватило дыхание, и она не нашлась, что ответить.

Герцог подошел к девушке и вновь взял ее за руки. Он был таким же высоким, как и Джейсон. Рэйчел подняла на него взгляд и только сейчас заметила, что его глаза были золотисто-карими. Раньше она знала лишь то, что они были добрыми.

— Мисс Грешем, Рэйчел. — Он не сводил с нее взгляда. — Для меня будет великой честью, если вы согласитесь стать моей женой. Я знаю, что более чем в два раза старше вас, но вы мне всегда нравились. Если бы вы смогли не обращать внимания на мои недостатки…

— На ваши недостатки? — Она тихо рассмеялась. — Вы, наверное, самый приятный человек из всех, кого я встречала. Но, милорд…

— Джордж. — Легкая улыбка коснулась его губ. — Наверное, вам лучше называть меня Джордж.

— Джордж, подумали ли вы о том, что я могу быть… — Рэйчел глубоко вздохнула. — Беременна?

— Тем более нам следует как можно скорее пожениться. — Герцог сильнее сжал ее руки. — У меня нет наследника, и я буду растить этого ребенка как родного, считая его своей плотью и кровью.

— Почему? — прошептала Рэйчел, вглядываясь в его лицо в поисках ответа. — Почему вы готовы совершить этот поступок? А как же ваше собственное будущее?

— После смерти жены о собственном будущем я не задумывался уже более двенадцати лет. Но меня беспокоит ваша судьба. — Герцог поднес ее руки к губам и по очереди поцеловал их. — Я волнуюсь за вас, Рэйчел, и всегда буду волноваться.

— Но я… — Она покачала головой.

— Вы не любите меня. Знаю. Но я вам нравлюсь? Хотя бы немного? — Неуверенность в его голосе резанула ее по сердцу.

— Вы мне очень нравитесь.

Как такой человек мог не нравиться? Впервые за много дней улыбка Рэйчел была искренней.

— Многие браки, о которых мне известно, начинались с меньшего.

— Да, вы правы, — вздохнула Рэйчел, снова убирая руки и отстраняясь.

Герцог был красивым мужчиной с сединой на висках и морщинками в уголках глаз, которые становились заметнее, когда он улыбался. У него была обаятельная улыбка и деликатные манеры, и он все время казался немного грустным. Рэйчел всегда думала, что он так и не оправился

от горя после смерти жены. Любил ли он покойную герцогиню так же страстно, как она любила Джейсона?

«Буду ли я когда-нибудь казаться такой же грустной?»

— Джордж, — произнесла Рэйчел, тщательно подбирая каждое слово, — вы мне нравитесь. Но вы должны понять, что если я выйду за вас, то только из эгоистичных побуждений. Я спасу свою репутацию и смогу избежать скандала, хотя, по правде говоря, в данный момент это не имеет для меня особого значения. И я никогда больше не переступлю порог дома своего отца.

— И это очень важно. — Джордж протянул руку и погладил девушку пальцами по щеке. Рэйчел надеялась, что синяк, оставленный отцовской рукой, уже почти сошел. Но Джордж заметил его. — Это он сделал? — спросил он, холодея.

Она пожала плечами, как будто ответ не имел значения.

— Я готова почти на все, лишь бы спастись от отца.

— Почти на все? — В притворном смятении герцог покачал головой, но в его глазах блеснула надежда. — Это не совсем то, что мужчина желает услышать в ответ на предложение руки

и сердца.

— О боже, Джордж! — Глаза Рэйчел расширились от ужаса. — Я не хотела вас обидеть. Я не имела в виду…

— Все в порядке. — Он усмехнулся. — Если вы примете мое предложение, вам больше не придется видеть своего отца. Рэйчел, я не тешу себя иллюзиями и отлично понимаю, почему вы соглашаетесь стать моей женой. Я рад и тому, что вы относитесь ко мне с симпатией. И я обещаю, что вы ни в чем не будете знать отказа. Остаток своей жизни я посвящу тому, чтобы сделать вас счастливой.

Его взгляд подтверждал искренность его слов. Этот человек никогда бы ее не предал. Не сделал бы ей больно. Не покинул бы ее.

Рэйчел покачала головой.

— Любая девушка может только мечтать об этом. Но это было бы нечестно.

— Я понимаю, что это не то, чего вы хотели, но…

— Я не это имею в виду. Это было бы нечестно по отношению к вам. Вы заслуживаете лучшей супруги, чем я.

— Я доволен своим выбором.

— Молюсь, чтобы так было всегда. — Рэйчел

вздохнула. — Могу я подумать до завтра?

— Конечно. Можете и дольше, если хотите. — Он кивнул. — Возможно, что Джейсон еще…

— Нет, — резко сказала Рэйчел. — Он не придет. Теперь я уверена в этом. Просто моя жизнь слишком резко переменилась за последние несколько дней, и мне нужно чуть больше времени, чтобы примириться с этим.

— Понимаю. В таком случае, до завтра. — Некоторое время герцог постоял на месте, словно не был уверен в том, что ему следует делать дальше, а затем кивнул, подошел к двери и распахнул ее.

— Джордж?

— Да? — Герцог обернулся.

— Я… благодарю вас.

— Нет, дорогая, — улыбнулся он. — Это мне стоит вас благодарить.

И он ушел, закрыв за собой дверь.

Долгое время Рэйчел стояла на месте, уставившись на дверь. Джордж предложил ей выход. Благодаря ему она сможет освободиться от давления отца. Брак с Джорджем — это не совсем то, о чем она мечтала, но с этим добросердечным человеком она сможет прожить достойную жизнь.

Пусть это и будет жизнь без любви, но, быть может, такова ее судьба. Она отдала свое сердце

Джейсону в порыве всепоглощающей страсти, и боль от того, что он разбил его, была чрезвычайно сильна. Никогда больше она не сможет любить так сильно. В этом Рэйчел была уверена.

Но все же они с Джорджем испытывали взаимную симпатию и вполне могли провести остаток дней вместе. Рэйчел уважала герцога, и он ей действительно нравился. Джордж был хорошим человеком, ее другом и спасителем. Она не могла допустить, чтобы он пожалел о своем решении. Она сделает все, что в ее силах, чтобы быть ему достойной женой, — если уж не может подарить ему свою любовь.

Джордж не заслуживал меньшего. Не было необходимости ждать, чтобы сообщить ему о своем решении. По правде говоря, у Рэйчел и выбора-то не было. Да, ей очень повезло — это был далеко не самый плохой вариант.

Рэйчел прошлась по комнате и села за письменный стол. Открыв ящик, она изучила его содержимое. Среди листов пергамента и письменных принадлежностей лежал маленький льняной сверток, перевязанный шелковой ленточкой. Она взяла его в руку и подбросила на ладони. Под льняной тканью скрывалась половинка золотой монеты.

Завтра она выбросит ее в реку и покончит с этим — с Джеймсом — навсегда. Пока же Рэйчел отложила половинку в сторону и принялась писать герцогу письмо. Она пошлет слугу, чтобы он доставил его, немедленно. Не было смысла ждать. Они смогут пожениться, как только Джордж получит специальное разрешение.

Той ночью, лежа в постели, Рэйчел плакала до тех пор, пока у нее не закончились слезы. Сотрясаясь от беззвучных рыданий, она была охвачена отчаянием, которое больше не сдерживала надежда!

В тот день Рэйчел поклялась, что никогда больше не будет плакать.

1815 год

«Лишь несколько месяцев спустя я получил письмо от Джейсона и узнал правду. Он действительно ехал на встречу с тобой, но его похитили бандиты, по всей видимости, нанятые твоим отцом. Они отпустили его за много миль от Лондона, и лишь через несколько дней он смог добраться до города.

Джейсон пришел к лорду Грешему, который сказал ему, что ты покончила с собой. Джейсон пытался отыскать в городе меня, но я к тому

времени был уже с тобой в усадьбе Грешем. Как бы я хотел, чтобы у него хватило терпения и благоразумия дождаться моего возвращения! Вместо этого он отплыл в Америку в одиночестве. Джейсон уехал только потому, что думал: ты мертва, и в этом его вина. Он не мог вынести ни мысли о жизни без тебя, ни груза этой вины.

Господь свидетель, Рэйчел, я хотел сказать тебе об этом сразу. Хотел облегчить твою боль, которую ты скрывала в душе годами. Но на самом деле я слабый человек и не мог смириться с мыслью о том, что потеряю тебя. Как ты знаешь, наши страхи по поводу того, что ты носишь ребенка, оказались напрасными, так что тебя ко мне ничто не привязывало. Поэтому я хранил молчание.

Я послал Джейсону денег, чтобы помочь ему встать на ноги, и собирался продолжать это делать, но он умный молодой человек и сколотил состояние без моей помощи. И я делал все, что было в моих силах, чтобы ты была счастлива».

Джордж сделал ее счастливой, и Рэйчел полагала, что тоже сделала его дни счастливыми. Даже теперь, даже зная о том, что он скрывал от нее, она его не винила. То, что он сделал, он сделал из любви к ней. Как можно винить его за это?

Ее отец руководствовался иными мотивами. Все же, когда он сказал Джейсону, что Рэйчел была мертва, это была не совсем ложь. В каком-то смысле она и вправду умерла. И именно Джордж, милый добрый Джордж, вернул ее к жизни, даже если и не смог излечить ее раненую душу.

Рэйчел окинула взглядом бальный зал. Смех и веселье, царившие в нем, контрастировали с ее мыслями.

Собравшаяся у леди Бредборн публика не отличалась от той, что собиралась тут в прошлом году, или за год до этого, или десять лет назад. Время словно застыло, навечно поймав всех в одном мгновении веселья. Это было похоже на картину в золоченой рамке.

Рэйчел и сама, конечно, изменилась. Прошедшие годы многому ее научили. Первый урок был дан ей в новогоднюю ночь десять лет назад. Урок о том, что страсть преходяща, а мужчины лживы. О природе влечения и о той любви, что постепенно расцветает между мужем и женой. И об утратах.

Теперь Рэйчел раздумывала о том, что именно из этого урока, сделавшего ее той, кем она есть сейчас, было основано на лжи.

— А вы, леди Линдхерст?

Погруженная в свои мысли, Рэйчел примкнула к небольшой группе гостей. Те не знали, что она понятия не имеет о теме разговора, — и это тоже было одним из уроков, выученных с годами.

— О, я не… — начала было она.

— Давайте же, миледи, мы все рассказали о наших сокровенных желаниях, — рассмеялся джентльмен с приятной улыбкой, который показался Рэйчел знакомым. — Теперь вы должны рассказать, чего ждете от нового года.

— Чего я жду? — Рэйчел выдохнула с облегчением — на этот вопрос она могла ответить. — Не думаю, что мои желания сильно отличаются от желаний собравшихся здесь. Я желаю мира и процветания, и, конечно, счастья…

Новой жизни. Свободы. И любви.

Слова, сказанные давным-давно, эхом зазвучали в ее голове. На мгновение Рэйчел запнулась, но затем выдавила из себя улыбку.

— Полагаю, как и все остальные.

Собравшиеся рассмеялись, и Рэйчел, извинившись, отошла.

У нее могло быть все это. Новая жизнь. Свобода. И любовь. Впрочем, эта мысль быстро сменилась другой — разве у нее всего этого не было? Разве Джордж не дал ей все это? Нет, она не могла

винить его за то, что потеряла, ведь он дал ей так много.

И из его письма следовало, что теперь он хочет соединить ее с Джейсоном.

Они с мужем никогда не упоминали о Джейсоне, но он всегда был рядом с ними. Из-за разницы в возрасте Джордж не замечал, как сильно похож на него кузен и цветом волос, и комплекцией, и ростом. Но больше всего их сходство проявлялось в незначительных особенностях. В том, как двигалась его челюсть в моменты обеспокоенности, в выражении глаз, когда он испытывал заинтересованность, в звуке его смеха.

С годами Рэйчел научилась не обращать на эти детали внимания, не сбиваться с мысли от каждого жеста, и ее сердце уже не трепетало от каждого знакомого выражения лица. Это был еще один урок, который ей пришлось выучить, — и с каждым днем у нее это получалось все лучше.

Но не ночью. Когда Джордж ложился с ней в постель, там всегда был Джейсон. В прикосновениях его рук, в тепле его тела. И как бы Рэйчел ни старалась изгнать этого призрака из своей постели, как она изгнала его из своего сердца, ей это не удалось.

Вернее, она думала, что изгнала его из своего

сердца.

До сегодняшнего дня.

Глава четвертая

«Я поступил неправильно, Джейсон. Я знаю это сейчас и знал тогда. Даже теперь мне сложно поверить в то, что я ждал семь лет, прежде чем сообщить тебе, что Рэйчел жива и с ней все в порядке. Когда ты написал мне из Америки о том, что ты считаешь Рэйчел мертвой, и я понял, что ты не сбежал от нее, оставив ее с разбитым сердцем, мне следовало признаться во всем. Мне следовало знать, что, несмотря на твою бунтарскую натуру, ты достойный человек. Прости меня, что подумал о тебе плохо.

Но даже теперь, после запоздалого прозрения, я знаю, что снова поступил бы так же. Что дала бы нам правда? К тому времени Рэйчел уже была моей женой, и, Господь свидетель, я не собирался отдавать ее никому. Даже тебе».

Джейсон угрюмо оглядел бальный зал. Ничего не изменилось — ни танцы, ни напитки, ни люди. Хотя нет, это было не совсем так. Изменился он

сам. Он больше не был бедным родственником, после того как заработал себе состояние своим умом и тяжелым трудом. И теперь он был герцогом Лидхерстом.

Джейсон криво усмехнулся. Всего неделю назад он прибыл в Англию, и к этому времени ему уже казалось, что каждая женщина, дочь которой была на выданье, была осведомлена о появлении в городе весьма подходящего неженатого аристократа с солидным доходом и громким титулом.

Количество приглашений, доставляемых в номер отеля «Кларендон», впечатляло, особенно если принимать во внимание время года, и это весьма забавляло Джейсона. Теперь, когда он вернулся в Англию, ему и правда следовало задуматься о выборе супруги. В конце концов, не обязательно предлагать сердце, предлагая руку. Тем более, если сердце давным-давно уже отдано.

Будет ли она здесь сегодня? Он полагал, что это не так уж и важно. Между ними было теперь столько преград, столько прожитых лет, столько боли. Но все же Джейсон не мог избавиться от надежды, которая появилась в его сердце после того, как он прочел последнее письмо Джорджа. Забавно, что их с Рэйчел воссоединение произой-

дет именно в эту ночь и именно на этом балу. Забавно, как замкнулась линия жизни.

Джейсон, конечно же, был готов к тому, чтобы снова увидеть Рэйчел. Как наследник ее мужа он не мог ее избегать. Он ожидал вежливую, но холодную встречу, большей частью при посредничестве адвоката. Теперь же письмо Джорджа и вскрывшиеся в нем факты делали это невозможным.

Господь свидетель, он пытался выбросить воспоминания о Рэйчел из головы. И думал, что ему это удалось. Он думал так дважды: в первый раз — когда смирился с ее смертью, и второй — когда понял, как сильно она его ненавидит.

1812 год

Джейсон смотрел на большой лондонский дом, теряясь в потоке воспоминаний. Этот дом был ему родным в той же мере, что и Линдхерст-Холл. А возможно, даже и в большей. Именно сюда Джордж привез его после смерти родителей. Джейсон не был здесь семь долгих лет, с той самой ночи, когда отправился в Америку.

Та ночь была все еще жива в его памяти, как будто это случилось вчера. Джейсон был сам не свой, его переполняли вина и скорбь от осо-

знания того, что Рэйчел покончила с собой. Не имело значения, что он не был виноват в происшедшем, что он не мог встретиться с ней. Ее больше не было. Все остальное было не важно. И он сбежал. Струсил, испугался жизни в Англии без нее. Каким же он был дураком, что поверил лжи ее отца!

Лорд Грешем… Джейсон скрипнул зубами, едва подумав об этом человеке. Он отправился в лондонский дом Грешемов сразу же после прибытия в город, но тут выяснилось, что старик мертв, а имение продано. Слуга, отвечавший на вопросы Джейсона, сказал, что ему ничего не известно о местонахождении предыдущих хозяев дома.

Но Джордж должен знать, где искать Рэйчел. Ведь он написал о кончине Грешема, хотя и не упомянул о том, почему так долго ждал, прежде чем открыть правду.

Джейсон сразу же вернулся в Англию, что было непросто, учитывая войну с Францией и сложные отношения с Америкой. Болезнь Джорджа сама по себе была достаточным поводом для того, чтобы Джейсон приехал домой, — он был благодарен кузену не в последнюю очередь за то, что тот отправил ему денег в Америку, на которые он смог начать новую жизнь и сколотить себе состояние.

Кроме того, Джордж был единственным живым родственником Джейсона, и тот волновался за него. Слова Джорджа о том, что Рэйчел жива, лишь усилили решимость Джейсона вернуться домой немедленно.

Он поднялся по ступенькам к парадному входу и постучал в дверь. Мгновение спустя она отворилась, заставив Джейсона улыбнуться: слуги Джорджа всегда были отлично вышколены.

— Могу я вам помочь? — послышался надменный голос Мейфилда, дворецкого Джорджа.

— Надеюсь на это, Мейфилд.

Дворецкий подозрительно нахмурился, а затем широко открыл глаза.

— Господин Джейсон?

— Не кто иной, — рассмеялся Джейсон.

— Входите, сэр. — Слуга изогнул губы в подобии улыбки — для Джейсона всегда было большой честью увидеть улыбку Мейфилда. — Мы вас не ждали… Даже не думали… — Мейфилд шагнул в сторону, давая Джейсону пройти. — Лорд будет очень рад.

Джейсон вошел в холл, вдыхая давно знакомые запахи масел и воска, напоминавшие о родном доме. Он протянул дворецкому шляпу и перчатки.

— Как здоровье лорда Линдхерста?

— Не очень хорошо, сэр, — погрустнел Мейфилд. — Мы все крайне обеспокоены. Леди Линдхерст…

— Леди Линдхерст? — Джейсон удивленно поднял брови. — Какая леди Линдхерст?

Мейфилд уставился на него с таким же удивлением.

— Леди Линдхерст, жена лорда.

— Его жена? — выдохнул Джейсон. — Боже мой, Джордж женат? Я знаю, что мы с ним писали друг другу не так часто, как следовало бы, но он мог бы и упомянуть о таком событии как брак. Когда это случилось?

— Вскоре после того, как вы покинули Англию, сэр.

— И он ни слова не написал мне об этом, — покачал головой Джейсон.

Возможно, ему не следовало так удивляться. Джордж не был любителем долгих посланий. Его письма приходили редко, и в них было больше вопросов о жизни Джейсона, чем рассказов о его собственной. Но все же женитьба заслуживала упоминания. Джейсон наклонился к Мейфилду.

— И что ты думаешь о ней, Мейфилд? Джордж сделал удачный выбор?

— О да, сэр. — Сдержанный энтузиазм дворецкого был признаком высочайшей похвалы. — С тех пор как лорд заболел, его супруга взяла на себя управление делами поместья, что могло бы показаться неподобающим для леди, если бы не ее воспитание. И она всегда прекрасно с нами обращается. Мы заботимся о ней не меньше, чем о лорде.

— Ясно, — пробормотал Джейсон, проходя мимо Мейфилда в гостиную.

Его беспокоило то, что Джордж не упомянул о своей женитьбе. Возможно, его двоюродный брат посчитал, что Джейсон будет расстроен возможным появлением у него ребенка, ведь в этом случае лишится наследства? Нет, Джордж явно знал его лучше. Кроме того, Джейсон не нуждался ни в деньгах кузена, ни в его титуле. Поэтому скрытность Джорджа не имела никакого смысла. Это было не похоже на него.

— Миледи, — сказал Мейфилд кому-то в холле, — к лорду пришел посетитель.

— Благодарю, Мейфилд, — отозвался женский голос, приятный и странным образом знакомый. — Добрый день, сэр. Насколько я понимаю, вы пришли к лорду Линдхерсту? Мой…

Джейсон повернулся с улыбкой на губах и

замер.

Рэйчел?

— …муж… — Ее глаза широко открылись, кровь отлила от лица. — Джейсон?

— Рэйчел!

Время замерло, пока он смотрел на нее, не веря своим глазам. Она была такой же красивой, какой он ее помнил, хотя его память хранила образ юной девушки. Перед ним же была взрослая женщина, умудренная опытом. Сердце Джейсона переполняли чувства. Ему хотелось притянуть ее к себе и заключить в объятия.

— Мейфилд! — Ее голос чуть заметно дрогнул. Взгляд Рэйчел был направлен на Джейсона, но слова были адресованы дворецкому, стоявшему позади нее. — Проверь, не нуждается ли лорд в чем-нибудь. И закрой за собой дверь, нам с мистером Норкроссом нужно поговорить наедине.

Взгляд Мейфилда перемещался с Рэйчел на Джейсона и обратно. Он не мог не заметить, как в комнате повисло напряжение, хотя и держал комментарии при себе. Дворецкий лишь молча кивнул и вышел. На долгое время воцарилась тишина, прерванная звуком закрывшейся двери.

— Рэйчел! — Джейсон пошел к ней, от радости забыв о приличиях.

— Нет! — Она отступила, выставляя перед собой руки. — Не подходи ко мне!

— Рэйчел, я…

«Насколько я понимаю, вы пришли к лорду Линдхерсту?»

Ее слова словно ударили его кулаком в грудь, заставив отшатнуться.

«Мой муж».

— Так это*ты* леди Линдхерст? *Ты* жена Джорджа?

Рэйчел вздернула подбородок, и ее глаза сверкнули.

— Тебя это удивляет?

— Удивляет? Это слишком мягко сказано. — Джейсон застыл, пытаясь осознать ее слова. — Как? Почему?

— А чего ты ожидал? — В словах Рэйчел слышался холодный гнев.

Выражение ее глаз заставило кровь застыть у него в жилах. Неужели было что-то еще, кроме замужества, о чем он не знал?

— Что ты имеешь в виду? — спросил Джейсон, осторожно подбирая слова.

— Что я имею в виду? — Рэйчел удивленно уставилась на него. — Как ты можешь об этом спрашивать? Разве у меня был выбор? Я осталась

одна. Я была раздавлена. Была обречена покориться воле отца. — Она повысила голос. — Ты так и не пришел за мной!

Господи, она до сих пор не знала, почему он не приехал в ту ночь! Почему Джордж не сказал ей об этом несколько лет назад? Какие еще секреты он утаил от нее? От них обоих? Джейсона объял неистовый гнев.

— Позволь мне объяснить…

— Ты потерял право на объяснения семь лет назад, когда бросил меня, не сказав ни слова. Ты заставил меня несколько часов ждать тебя холодной ночью в темном саду, будто я была жалкой уличной собачонкой! Мне нет нужды в твоих объяснениях. — Рэйчел обхватила себя руками за плечи и принялась ходить по комнате. — Я не хочу знать, почему ты бросил меня. — Она метнула в Джейсона испепеляющий взгляд. — Когда-то я этого хотела. Очень долго хотела…

— Пожалуйста, Рэйчел, выслушай меня! Я собирался приехать. Ты должна позволить мне…

— Я ничего тебе не должна! Твои слова не изменят того, что случилось!

Боль, столь сильная, что она, должно быть, рвала душу Рэйчел на части, отразилась в ее глазах. Женщина отвернулась, не в силах смотреть на

Джейсона.

— Кроме того, что ты не явился той ночью, я больше не слышала о тебе ни слова. Никогда! Не было ни письма, ни записки, ничего. Как будто меня больше не существовало! Как будто я мертва!

Джейсон перевел дух.

— Я думал, что ты…

— Мне плевать на то, что ты думал! — Она повернулась к нему лицом. — Как ты не понимаешь? Это больше не имеет значения! Все осталось в прошлом. Я живу дальше, и тебе больше нет места в моей жизни.

— Ты вышла замуж за Джорджа, — тихо сказал Джейсон.

— Да! — прошипела Рэйчел. — Я вышла за Джорджа, потому что Джордж хотел этого. Он хотел видеть меня своей женой, а не игрушкой для минутной утехи.

— Нет, Рэйчел! — Ее слова пронзили Джейсона, будто меч. — Я никогда…

— Неужели? Я не верю тебе. Мне не следовало верить тому, что ты говоришь. — Обвиняющие слова эхом разнеслись по комнате. — Теперь я научена горьким опытом. Джордж хотел от меня большего, хотя и знал о том, что мы с тобой сде-

лали. Знал, что я могла понести от тебя.

— А ты?.. — спросил Джейсон, боясь услышать ответ.

— Нет! — выплюнула Рэйчел.

Джейсон в напряжении смотрел на нее. *Она ничего не знает!* Ни о том, почему он не явился той ночью. Ни о том, почему он не пробовал с ней связаться. В бессильной ярости Джейсон сжал кулаки.

Неудивительно, что она его ненавидит. Да, это была ненависть — он видел ее в глазах Рэйчел, слышал в ее голосе. Ненависть, порожденная отчаянием и предательством. Все, что Рэйчел знала о событиях семилетней давности, — это лишь ее собственная боль.

Ей неизвестно, как он мучился, думая, что она мертва. Думая, что это его вина. Когда она об этом узнает…

Рэйчел закусила губу, пытаясь взять себя в руки, и опустила глаза, разглядывая ковер на полу. Ее голос стал мягче.

— Я не могла ждать тебя, понимаешь? Не могла ждать тебя вечно. Знаю, я это обещала, но… — Она покачала головой. — Как я могла? Ты уехал в Америку без меня… — Вздрогнув, она подняла глаза на Джейсона. — И я вышла за Джорджа.

У меня не было другого выхода, но я ни разу не пожалела о своем решении. Он стал мне гораздо ближе, чем я могла себе представить.

Сердце Джейсона сжалось, горло сдавило спазмом, и он с трудом сдержал дрожь в голосе.

— Ты любишь его?

— Он любит меня, — просто ответила Рэйчел, глядя ему в глаза.

Потекли секунды в молчании.

Джейсон мог сказать ей так много. Разоблачить ложь и полуправду. Развеять недоразумения. Но он не произнес ни слова.

— Зачем ты вернулся? — Голос Рэйчел звучал устало.

— Джордж написал мне, что болен.

«А ты жива».

— Джордж тебе пишет? — резко спросила Рэйчел.

Джейсон внимательно посмотрел на нее.

— Ты об этом не знала?

— Мы с Джорджем не говорим о тебе, — произнесла она отстраненно.

— Понятно. — Джейсон глубоко вздохнул. — Как он?

— Сейчас не очень хорошо. Но тебе не было нужды приезжать. — Рэйчел убрала с лица непо-

слушный темный локон. — Я уверена, что он поправится.

Джейсон понял, что это ложь, еще до того как слова были произнесены. Понял это по страху в ее глазах, по обреченно опущенным плечам. Знала ли об этом она сама?

— Полагаю, ты хочешь его увидеть. — Рэйчел подошла к звонку и резко потянула за шнурок. — Мейфилд тебя проводит.

— Рэйчел, я… — Джейсон снова подошел к ней.

— Разговор окончен. — Ее взгляд был так же неумолим, как и ее тон. — Больше нам нечего сказать друг другу.

Раздался осторожный стук в дверь.

— Иди. — Рэйчел отвернулась, давая понять, что не собирается больше разговаривать.

Джейсон помедлил — им следовало обсудить еще так много. Но не сейчас. Сначала ему нужно было поговорить с Джорджем.

— Хорошо.

Он подошел к двери, открыл ее и вышел в холл, где его ждал Мейфилд. Дворецкий посмотрел на гостя с любопытством и повел его к лестнице.

Джейсон оглянулся через плечо. Рэйчел неподвижно стояла там же, где он ее оставил, будто мраморная статуя. Ее плечи были опущены,

выражая… покорность? Затем женщина выпрямилась, снова готовая принимать удары судьбы.

В ней была сила, о которой Джейсон не подозревал. Сила, возникшая из потерь и боли разбитого сердца. Как же ему хотелось вернуться, обнять ее и никогда не отпускать!

Его собственное сердце отозвалось болью — Джейсон понимал, что больше никогда не сможет этого сделать.

Глава пятая

— Милорд, к вам посетитель. — Голос Мейфилда прозвучал из комнаты Джорджа.

Джейсон стоял в холле, нетерпеливо ожидая, когда кузен его примет.

Секунду спустя Мейфилд открыл дверь, давая понять молодому человеку, что тот может войти. Джейсон прошел мимо него, и дворецкий посторонился, а затем закрыл за ним дверь.

День был хмурый, и в комнате царил полумрак, хотя занавески и были раздвинуты. Джейсон подошел к массивной кровати с похожими на огромные винты столбиками, как всегда напомнившими ему гигантских змей, ползущих в небо. Джордж жил в этой комнате все то время, что Джейсон его знал.

— Джейсон? — раздался голос Джорджа со стороны кровати, и его кузен разглядел скрытый в тени силуэт. В этом голосе прозвучала радость. — Это ты?

— Да, это я, — произнес Джейсон как можно бодрее.

Он направился к кровати, изо всех сил стараясь сохранять непроницаемое выражение лица.

Чем ближе он подходил, тем сильнее рассеивались тени. И с каждым шагом Джейсон чувствовал, как тает его гнев. Что бы ни произошло здесь в его отсутствие, он любил Джорджа как брата или отца. Человек, лежавший перед ним на кровати, не был Джорджем, которого помнил Джейсон.

Джордж откинулся на кровати, окруженный подушками. Его лицо осунулось, и Джейсон не мог не заметить, каким болезненным, землистым был цвет его кожи. Некогда широкоплечий и грузный, его кузен исхудал и, судя по очертаниям его тела под одеялом, казалось, даже стал ниже ростом.

— Какой замечательный сюрприз! Мальчик мой, я не ожидал тебя так скоро. — Джордж протянул руку, и Джейсон сжал ее, заметив, что когда-то сильная ладонь была сейчас слабой, как у ребенка. — Почему ты не сообщил нам, что приедешь?

— У меня не было на это времени. И, учитывая сложную политическую ситуацию, я купил билет сразу же, как только получил твое письмо. — Джейсон поставил стул поближе к кровати и сел, уже забыв о своей злости. — Как ты?

— Уверяю, я чувствую себя лучше, чем вы-

гляжу. — Джордж приподнял бровь. — Не надо скрывать свои впечатления, я прекрасно знаю, на кого я похож.

— Да ладно тебе! Может, ты и выглядишь немного бледным, но в остальном…

Джордж фыркнул.

— Ты никогда не умел лгать. — Он задумчиво оглядел Джейсона и вздохнул. — Говорят, я умираю.

— Конечно нет, Джордж. Ты слишком упрям, чтобы умереть. — Джейсон выдавил из себя улыбку.

— Судьба бывает упрямее, чем я, — поморщился Джордж и, повернув голову к окну, погрузился в собственные мысли.

Грудь Джейсона сдавило тяжестью. Хоть Рэйчел и утверждала обратное, каждый, кто увидел бы Джорджа, мог почувствовать рядом с ним дыхание смерти.

Как же тяжело, наверное, ей приходилось! Джейсон провел с Джорджем всего несколько мгновений и уже чувствовал себя подавленным. Насколько тяжелее было видеть, как Джордж слабеет изо дня в день!

Джордж посмотрел на кузена, и в его взгляде отразилось волнение.

— Ты уже говорил с Рэйчел?

— Мы побеседовали внизу.

— И?..

— Она презирает меня.

— Мне жаль, — вздохнул Джордж. — Я давно должен был рассказать правду вам обоим.

Все те вопросы, которые Джейсон хотел ему задать, на которые собирался потребовать ответа, вылетели у него из головы, когда он увидел Джорджа в его нынешнем состоянии. По сравнению с вопросами жизни и смерти все остальное было не важно.

— Не будь глупцом, мальчик. Я знаю, о чем ты думаешь. — Глаза Джорджа сузились. — Ты хочешь знать, почему я не сказал Рэйчел правду о том, почему ты ее оставил. И почему я ждал так долго, прежде чем сообщить тебе, что она жива. И почему она вышла за меня.

— Да, — медленно произнес Джейсон. — Но не уверен, что теперь это имеет значение.

— Конечно, имеет. — Джордж повысил голос. — Тебе не кажется, что ты имеешь право знать?

— Имею ли я на это право? — твердо спросил Джейсон.

Он поднялся на ноги и зашагал вдоль кровати, облекая в слова те вопросы, что мучили его с того

момента, как он выяснил, что Рэйчел жива.

— Или я утратил его? Какая доля вины за все, что произошло, лежит на мне? Мне не следовало доверять ее отцу. И надо было доверять ей. Как я мог поверить в то, что Рэйчел покончила с собой? — Он запустил пальцы в волосы. — Как минимум, мне следовало потребовать доказательств.

— Бога ради, Джейсон, тебе сказал об этом Грешем. — Голос Джорджа стал еще громче. — Чертов злодей! Теперь он мертв. Сломал шею, когда его сбросила лошадь. Животное, из-за которого он погиб, наверное, заслужило себе место на небесах. Что за дьявол станет лгать о смерти своего единственного ребенка? И кто не поверит отцу, заявляющему такое?

— Как минимум мне следовало…

— Да, тебе следовало разыскать меня, но ты был молод, и горе и чувство вины не давали тебе мыслить ясно. — Джордж покачал головой. — Тебе не следует себя винить.

— Кого же мне тогда винить? — выпалил Джейсон, не раздумывая.

— Грешема. — Джордж помедлил. — И меня.

— Тебя? — хмыкнул Джейсон. — Даже если я и захочу это сделать, как я смогу винить тебя?

Ты спас Рэйчел. Позаботился о том, чтобы она не оказалась в центре скандала, не стала объектом насмешек. Ты дал ей крышу над головой. Сделал ее своей женой!

— Я забрал ее себе!

На мгновение в Джейсоне вспыхнула ненависть.

— Да, Джордж, черт подери! Как ты мог? Ты позволил женщине, которую я любил, поверить, будто я бросил ее. Как ты мог поступить так со мной? С ней?

— Потому что мне не хватало смелости! И сейчас не хватает! — Джордж отвернулся, вцепившись в покрывало. — Я должен был сказать ей об этом сразу, когда ты написал мне и я узнал правду. И я должен был написать тебе, но не смог. Мы с Рэйчел уже были женаты, и… — Он посмотрел Джейсону в глаза. — Я не мог вынести мысли о том, чтобы отдать ее. Даже тебе. — Джордж устало вздохнул. — Сядь, Джейсон, мне и так тяжело с тобой разговаривать.

Джейсон опустился на стул.

— Так-то лучше. — Джордж помолчал и продолжил усталым голосом: — Рэйчел должна знать, что вся ее жизнь, вся наша с ней жизнь строилась на обмане. Я был эгоистичен и нечестен. Я хочу,

чтобы ты сказал ей правду, Джейсон, — тихо попросил он. — Сам я не могу этого сделать.

— Ты любишь ее, да? — Джейсон затаил дыхание.

— Она смысл моей жизни. — Джордж покачал головой. — И заслуживает большего, чем немощный старик, ожидающий смерти.

— Какой же ты старик? Тебе нет и сорока шести.

Джордж проигнорировал его слова.

— Я хочу, чтобы Рэйчел была счастлива. С тобой. Но даже сейчас мне не хватает смелости признаться ей в случившемся. Все эти годы я мог утолить ее боль. Не могу смириться с мыслью о том, что она будет презирать меня и симпатия в ее глазах сменится отвращением.

— Не имеет значения, скажу ей об этом я или ты.

— Знаю. — Джордж замолчал, и в этот момент Джейсон понял, что его кузен ошибался — он был куда более храбрым, чем полагал. — Но дни мои сочтены, и осталось не так много возможностей все исправить. Настало время открыть правду. Скажи ей, Джейсон.

— Нет. — Еще до того, как Джейсон произнес это, он знал, что это единственно верное реше-

ние. — Кому из нас от этого станет лучше? Рэйчел — твоя жена. — Он постарался не обращать внимания на боль, которую причиняли ему эти слова. — И я не стану разрушать ваш брак.

— Тогда ты такой же дурак, как и я.

Джейсон невесело усмехнулся.

— Мы с тобой одной крови.

— Мое счастье будет куплено ценой твоего? — Слабая улыбка коснулась губ Джорджа. — Как я могу умереть с миром, зная об этом?

— Ты не…

— Да. — Джордж отмахнулся от Джейсона. — Врачи могут быть сколь угодно некомпетентными, но я знаю, что говорит мне мое тело.

Повисло долгое молчание. Джейсон всмотрелся в лицо кузена. Он испытывал скорбь — человек, лежавший перед ним, дал ему так много. Как это, должно быть, страшно — смотреть в лицо собственной смерти, пытаться осознать прожитую жизнь и сожалеть о совершенных ошибках.

— Теперь, — голос Джорджа ожил, — нам следует обсудить наследство.

— Я не думаю, что…

— Не будь идиотом, Джейсон. Забудь на минутку о своем сердце. Подумай головой, которая смогла превратить в неплохой капитал те деньги,

что я тебе прислал.

Казалось, Джордж напрягал все свои силы.

— Мы оба, к несчастью, не имеем детей. Об этом я сожалею больше всего. Я хотел бы видеть Рэйчел в окружении малышей. Но, так или иначе, тебе предстоит унаследовать мой титул, земли и Линдхерст-Холл.

— А Рэйчел?

— Она единственная наследница своего отца. — Джордж ухмыльнулся. — Чудесный поворот судьбы. После его смерти она стала довольно обеспеченной. Рэйчел продала дом в Лондоне. Я не позволил ей продать усадьбу, хотя она ни разу не возвращалась туда. Рэйчел сдает усадьбу Грешем в аренду. Она настояла на том, чтобы снесли неиспользуемую конюшню, утверждая, что это место опасно.

— Конечно, — пробормотал Джон и сглотнул.

— Деньги, которые Рэйчел унаследовала от отца, прибыль от продажи дома и всего остального отложены. После моей смерти моя вдова будет финансово независима. — Он внимательно посмотрел на Джейсона, взвешивая слова. — Кроме того, я хочу оставить ей этот дом. Это не часть наследства. Я знаю, что для тебя он много значит, но теперь он принадлежит Рэйчел.

— По-другому я и не согласился бы, — тихо ответил Джейсон.

— Я так и думал. — Джордж удовлетворенно улыбнулся. — Может, после моей смерти вы с Рэйчел…

— После твоей смерти я потеряю самого близкого человека на свете. — Джейсон придвинулся ближе, взяв Джорджа за руку. — Я потеряю человека, который относился ко мне как к сыну, а не как к двоюродному брату. Потеряю своего благодетеля, наставника и ближайшего друга.

Джордж ответил не сразу.

— Дашь мне слово, что расскажешь Рэйчел обо всем после того, как меня не станет?

— Нет, — без колебаний ответил Джейсон.

— Господи, почему?

— Я не позволю ей думать о тебе плохо после того, как тебя не станет.

— Проклятье! Ты такой же упрямый, как твой кузен. И такой же глупый. — Джордж шмыгнул носом, и Джейсон заметил, что в глазах двоюродного брата блестят слезы. — Ты вырос хорошим человеком, Джейсон. Я горжусь тобой.

Горло Джейсона сжалось от переполнявших его чувств, и вместо ответа он просто стиснул руку Джорджа.

— Ты возвращаешься в Америку, верно? — тихо спросил тот.

— Я слишком поспешно уехал. Кое-какие дела требуют моего присутствия. — Джейсон улыбнулся. — Думаю, это к лучшему.

— Ты вернешься, чтобы вступить в права наследования, — твердо сказал Джордж. В его глазах появился знакомый блеск. — Ты должен пообещать мне это. Англия всегда будет твоим домом, и я не собираюсь объяснять на небесах каждому предыдущему герцогу Линдхерсту, почему нынешний носитель этого титула не проживает там, где ему положено.

Джейсон рассмеялся.

— Хорошо. Даю слово.

— Я понимаю, почему ты не хочешь остаться. Все же… это сложно… — вздохнул Джордж, и Джейсон понял, что осталось уже не так много времени до того дня, когда ему придется исполнить данное обещание.

Но зачем ждать? Если он немедленно отправится в Америку, то сможет закончить свои дела и, если повезет, вернется еще до того, как станет слишком поздно. Если от его присутствия Джорджу станет лучше, это стоило того, чтобы терпеть ненависть Рэйчел.

— Мы скоро увидимся.

— Если и не в этой жизни… — улыбнулся Джордж.

Они поговорили еще несколько минут, но Джейсон видел, что Джордж уже устал. В конце концов глаза герцога закрылись и он уснул.

Джейсон сидел у его кровати до тех пор, пока в комнате не сгустились тени, а за окном не начало темнеть. Наконец он ушел, попрощавшись с Мейфилдом и вверив заботу о герцоге и герцогине ему.

Покидая имение, Джейсон не встретился с Рэйчел и решил, что это к лучшему. Его голова была заполнена мыслями о том, как завершить дела в Америке, и по привычке, ставшей для него столь же естественной, как и дыхание, он в задумчивости держал руку у жилетного кармана. Его оттягивал знакомый предмет, с которым Джейсон не расставался ни днем ни ночью последние семь лет.

Через ткань его пальцы ощупывали половину золотой монеты.

1815 год

«Я думал или все же надеялся, что ты был настроен вернуться домой до моей

смерти. Боюсь, мой мальчик, ты не успеешь. Из-за напряженных отношений между Англией и Америкой путешествовать очень сложно, если вообще возможно.

Мне следовало заставить тебя сказать ей правду, когда ты приезжал в Лондон. Но даже тогда я боялся потерять ее. Хуже того, я боялся, что она останется со мной из жалости. И я не смогу этого вынести.

То, на что я не отважился при жизни, я могу совершить после смерти. Я проинструктировал адвоката, чтобы он доставил это письмо тебе, а еще одно – Рэйчел, только после твоего возвращения в Англию. Я не хочу, чтобы, когда она узнает правду, вас разделял океан. Ты будешь нужен ей.

Не позволяйте тем, кто однажды вмешался в вашу жизнь, определять то, что будет дальше. Не позволяйте ошибкам прошлого убить ваше будущее. И не позволяй воспоминаниям Рэйчел влиять на то, что происходит здесь и сейчас».

Взгляд Джейсона скользил по толпе. Есть ли

среди гостей хоть одно знакомое лицо? Прошло более десяти лет с тех пор, как он последний раз появлялся на балу в Лондоне, и он не поддерживал знакомства с людьми из своего прошлого.

Джейсон с унылым видом отхлебнул шампанского. Кого он пытается обмануть? Ему было наплевать на знакомых. Его интересовало только одно лицо. Он откладывал визит к ней с того самого дня, когда прибыл в Лондон. Изменят ли ситуацию письма Джорджа?

Действительно ли он будет ей нужен? Или она уже совсем не та девушка, которая его любила, и возможность воссоединения нельзя рассматривать всерьез? Было вполне вероятно, что признание Джорджа поможет ей обрести мир в душе и она будет более приветлива с Джейсоном, но не более того.

А он сам? Что, если едва взглянув на Рэйчел, он поймет, что прошлое осталось позади и настало время двигаться дальше?

Джейсон усмехнулся. Несмотря на годы упорного труда, несколько интрижек тут и там с женщинами, чьих имен он не мог вспомнить, Рэйчел не покидала его мыслей. И его сердца.

Размышления привели Джейсона к мысли о том, что некоторые души предназначены друг

другу свыше. Как бы он ни старался, каждый день, каждую минуту он не мог избавиться от ощущения, что его душа навечно связана с ее душой. Им было предначертано быть вместе. Их свела судьба, и друг без друга они были несовершенны. Как половинки одного целого.

Как части одной монеты.

Глава шестая

«У меня нет сомнений в твоих добрых чувствах ко мне, но, дорогая Рэйчел, я также знаю, что наша любовь – это лишь бледное подобие того чувства, что вы с Джейсоном испытывали друг к другу. Я наблюдал за тобой, пока я слабел, а болезнь становилась сильнее. Ты заботилась о моей жизни, как в личных вопросах, так и в делах, с отвагой и сообразительностью, о которых я даже не подозревал. Я горжусь тобой, моя дорогая жена.

Ты уже не та девушка, которую я взял в жены много лет назад, и те чувства, которые вы с Джейсоном испытывали друг к другу, возможно, уже слишком поздно пытаться вернуть. Мне остается лишь надеяться, что у двух самых дорогих для меня людей еще есть шанс обрести счастье.

Мое самое сокровенное желание – чтобы ты хотя бы допускала мысль о том, что чувство, которое когда-то было между вами, возможно, не угасло навсе-

гда».

С каждой минутой, с каждым танцем, с каждым приятным разговором Рэйчел понемногу успокаивалась. Видимо, Джейсона здесь сегодня не было, и их неизбежную встречу можно было отложить еще на день. Это время требовалось ей для того, чтобы обдумать все, что изложено в письме Джорджа, и решить, что с этим делать.

Господи, прошло три года с того дня, как она видела Джейсона в последний раз, но с тех пор ежедневно каждое слово их последнего разговора все еще звучало у нее в ушах. Она была резка с Джейсоном и не пожалела об этом ни разу до сегодняшнего дня. Только теперь Рэйчел поняла, что он пытался все объяснить, а она не дала ему произнести ни слова. Если бы она позволила ему высказаться…

Что было бы тогда?

— Леди Линдхерст. — Голос, который она все еще слышала в своих снах, раздался за ее спиной, заставив сердце женщины замереть. — Давно не виделись.

Она медленно повернулась и взглянула в карие глаза, которые когда-то были для нее средоточием всего в этом мире. Рэйчел глубоко вздохнула и

произнесла вежливым тоном, не обращая внимания на то, что кровь стучит у нее в ушах:

— Милорд! Какой приятный сюрприз!

Женщина протянула ему руку, удивившись тому, что у нее не дрожат пальцы.

Джейсон поднес ее руку к губам и поцеловал. От этого прикосновения Рэйчел словно пронзило током.

— Сюрприз? — Он посмотрел ей в глаза. — Но вы, конечно, ожидали меня здесь увидеть?

— Нельзя знать наверняка, кто может появиться на новогоднем балу, милорд.

Он приподнял бровь, и Рэйчел тут же пожалела, что сказала это. Теперь она знала, что в том, что он не пришел тогда, не было его вины. Но она не могла забыть все те годы, полные горя, что началось с той ночи. Рэйчел попыталась отнять руку, но Джейсон продолжал удерживать ее.

— Прошу прощения.

— Вам не за что извиняться, — просто сказал он, всматриваясь в ее глаза, будто хотел прочесть ее мысли.

— Напротив, я должна извиниться за многое.

— Вы ничего мне не должны.

Его губы изогнулись в кривой улыбке, которую Рэйчел так хорошо помнила. Но это не была

улыбка очаровательного юноши. Теперь перед ней стоял мужчина. Прожитые годы отразились на его лице, делая его еще привлекательнее.

— Однако нам следует о многом поговорить.

— Правда?

Рэйчел вырвала руку, сдерживая растущую панику. Женщина вовсе не была уверена в том, что готова к этому разговору. Она не имела представления, с чего начать.

— Да. — Какое-то время Джейсон молча ее рассматривал. — Люди начинают на нас пялиться.

— Правда? — Рэйчел сглотнула. — Почему? Они не могут знать о том, что между нами было, и…

— Рэйчел, — нежно сказал он, — подозреваю, что первая встреча нового герцога и вдовствующей герцогини вызовет немалый интерес.

— Да, конечно, — ответила она, пытаясь сохранить самообладание. — Мне следовало об этом догадаться.

— Думаю, всем им интересно, вышвырну ли я вас на улицу.

— Абсурд. — В ее голосе прозвучало раздражение. — Мое финансовое положение не является тайной — я унаследовала состояние своего отца. Кроме того, Джордж завещал мне дом в Лондоне. Без крыши над головой я не останусь. Конечно,

имение принадлежит вам, и вы убедитесь, что состояние дел в полном порядке, но…

В глазах Джейсона зажегся огонек.

— Вы что, меня дразните? — с подозрением спросила Рэйчел.

— Да, именно так. — На лице Джейсона снова появилась улыбка.

— Прекратите сейчас же! — Рэйчел, к собственному удивлению, едва не топнула по-детски ногой. Неужто его присутствие заставляло ее чувствовать себя глупой девчонкой? Она выдохнула. — Добро пожаловать домой, милорд.

— Домой? — Он покачал головой, как будто эта мысль казалась ему странной. — Я уже долгое время так не думаю.

— Возможно, настала пора вновь начать думать о Линдхерсте как о доме.

— Возможно. — Джейсон посмотрел на нее.

Вышли ли они за рамки вежливого разговора? Что ей теперь сказать? Он был чужим для нее, хотя в то же время знакомым и, помоги Господь, дорогим для нее человеком. На мгновение прожитых лет как не бывало. Рэйчел снова была юной девушкой, глядящей ему в глаза снизу вверх. Страсть вспыхнула в ней, заставляя трепетать.

Чувствовал ли он себя так же?

Джейсон нагнулся к ее уху и произнес драматическим шепотом:

— Теперь люди точно на нас смотрят.

Рэйчел мгновенно вернулась в настоящее и ответила ему таким же тоном:

— И что же вы предлагаете делать?

— Я предлагаю танцевать. — Он протянул ей руку. — Раньше нам не доводилось этого делать.

— Пришло время, — ответила она, испытывая благодарность к нему: по крайней мере, танец даст ей время на то, чтобы собраться с мыслями.

Рэйчел вложила ладонь в руку Джейсона, игнорируя его оценивающий взгляд. Она знала, о чем он сейчас думает: пришло время не только для танцев.

Она позволила проводить себя в центр зала и сосредоточилась на котильоне, благодаря Бога за то, что это не вальс. Всякий раз, когда Рэйчел смотрела на Джейсона, его взгляд был направлен на нее. Ее это смущало. Она двигалась будто во сне. Почему бы и нет — она часто видела Джейсона во сне. По крайней мере, во время танца они не разговаривали, но музыка закончилась гораздо раньше, чем ей хотелось бы.

— Боюсь, наш танец не удовлетворил всеобщего любопытства. — Джейсон оглядел комнату. —

Если вы не хотите привлечь к себе еще больше любопытных взглядов, возможно, нам следует найти более укромное место.

— Хорошо. — Рэйчел взяла его под руку, чувствуя его крепкие мускулы под своими пальцами, и добавила как можно беззаботнее: — Впрочем, мы оказываем им плохую услугу. В это время года в Лондоне не хватает людей, которые могли бы стать объектом для обсуждения, и долг тех, кто остался, состоит в том, чтобы не позволить пламени сплетен угаснуть.

— Возможно, мы исполним свой долг, когда все увидят, как мы направляемся в сад…

— Нет, — быстро сказала Рэйчел, — не в сад. — Она отпустила руку Джейсона и отступила на шаг. — Так не пойдет. Не там. Я не…

— Нам нужно о многом поговорить.

— Да, конечно. Я… — Она вздохнула. — Вы должны меня понять. Пока я не прочла письмо Джорджа всего несколько часов назад, я не представляла…

— И с моей стороны нечестно требовать от вас говорить об этом сегодня. Теперь мне следует извиниться. — Джейсон взял ее ладонь и поднес ее к губам, глядя женщине в глаза. — Я свяжусь с вами завтра.

Он улыбнулся и, развернувшись, пошел прочь, не дав Рэйчел сказать ни слова. Джейсон пробирался сквозь толпу уверенной походкой человека, который знает свое место в жизни.

А где же ее место? В его жизни? Все, что Рэйчел знала о Джейсоне, Джордже и своей жизни, разбилось вдребезги после одного письма, содержащего шокирующие откровения.

Сейчас она не представляла, что эти столь долго хранимые секреты могут означать для ее будущего.

Холодный утренний воздух коснулся щек Рэйчел, когда она придержала лошадь, заставляя ее идти шагом. Возможно, леди и не подобает кататься в парке в одиночестве, но с годами Рэйчел поняла, что значение благопристойности переоценивают. Как замужняя женщина и тем более как вдова она пользовалась значительной свободой. Кроме того, только-только наступил рассвет, и в это время она видела в парке еще лишь пару всадников.

Рэйчел привыкла к конным прогулкам в первые годы болезни Джорджа и получала от них особое удовольствие зимой, когда дыхание лошади вырывалось паром, трава хрустела под копытами, а мороз укреплял дух. В такие момен-

ты женщина чувствовала себя живой.

И в такие моменты у нее было время подумать. Всю ночь она ворочалась: сотни вопросов о прошлом и будущем не давали ей покоя.

Пришлет ли Джейсон ей весточку утром? Или будет ждать до полудня? Насколько сильно ему хотелось увидеться с ней наедине, не на глазах у всего Лондона?

Рэйчел едва обратила внимание на топот копыт приближающейся сзади лошади и, не задумываясь, отъехала в сторону, освобождая дорогу. Что Джейсон ей скажет? Что она ему ответит?

Всадник притормозил, поравнявшись с ней.

— Не ожидал увидеть вас здесь в столь морозное утро.

Рэйчел обернулась, услышав знакомый голос. Джейсон подъехал ближе и ухмыльнулся — высокий и статный, истинный герцог Линдхерст. Это из-за покроя плаща или у него всегда были такие широкие плечи?

Она вежливо кивнула.

— Мне нравится кататься в это время дня. Я могу насладиться свободой и уединением.

— Вам нужно уединение? — Джейсон приподнял бровь.

— Всем нам время от времени нужно уедине-

ние, милорд, — спокойно ответила Рэйчел, хотя ее сердце в его присутствии стучало как сумасшедшее. — Вам разве нет?

— Да, и мне тоже, — кивнул он. — Особенно когда не дают покоя неприятные мысли.

— И сейчас у вас есть такие мысли?

— Они всегда есть. — Джейсон хмыкнул. — Я тоже наслаждаюсь возможностью побыть одному, что не всегда удается, когда проживаешь в отеле, несмотря на прекрасное обслуживание.

— О боже! — Рэйчел остановила лошадь и посмотрела на Джейсона. — Я не подумала об этом. Где вы остановились?

— В «Кларендоне».

— Так не пойдет, — вздохнула она. — Вы должны жить в доме. Это ваш дом, в конце концов.

— Это был мой дом, — твердо уточнил Джейсон.

— И все же я настаиваю.

«Что я делаю? — спросила себя Рэйчел. — Последнее, что мне нужно, это его присутствие в моем доме».

— Джордж хотел бы, чтобы было именно так.

— Джорджа уже нет с нами.

— Тем больше причин сделать так, как он хотел. — Рэйчел склонилась к Джейсону, игнорируя

предупреждение внутреннего голоса. — Не забывайте, этот дом огромен. Я могу поселить там дюжину гостей и целый день не встретить ни одного из них. Кроме того, учитывая постоянное присутствие Мейфилда и остальных слуг, мы с вами не будем наедине. К тому же нам нужно уладить многие вопросы, которые касаются вашего наследства, и будет проще, если вы будете жить со мной под одной крышей.

Джейсон вопросительно взглянул на нее.

— И вас не беспокоит, что скажут люди?

— Ни капли, — рассмеялась Рэйчел.

Она вполне сможет мириться с его присутствием. В конце концов, теперь она уверенная в себе женщина, а не глупая девчонка, не способная противостоять очарованию этого широкоплечего мужчины с колдовскими темным глазами.

— Я уже не беспокоюсь о слухах и скандалах — это одно из преимуществ положения богатой вдовы.

— Ну, вчера вы сказали, что, дав обществу повод для сплетен, мы окажем ему услугу… — Джейсон театрально вздохнул и пустил лошадь вперед. — Хотя, учитывая сплетни, которые мне уже довелось слышать…

Рэйчел открыла рот от удивления, пришпорив

лошадь.

— Какие сплетни?

— Ну, знаете, обычные. Леди Линдхерст видели в компании того или иного джентльмена. На вечере там, в театре здесь. Видимо, вы были очень заняты.

— Не так уж и занята, — рассердилась Рэйчел. — И, чтобы вы знали, все это из-за Джорджа. Он был очень обеспокоен тем, что я никуда не выходила, пока он болел. И заставил меня пообещать ему, что я не стану затворницей после его смерти. Он даже запретил мне скорбеть о нем.

— А вы скорбели?

— Да, — тихо сказала она.

— Не беспокойтесь о сплетнях. — Джейсон бросил на нее зловещий взгляд. — Ничто из того, что я слышал, не было таким уж скандальным.

— Вот как? — Рэйчел сдвинула брови в притворном разочаровании. — Какая жалость!

Джейсон рассмеялся.

— Почему? Вы хотели бы оказаться в центре скандала?

— Это, конечно, звучит заманчиво, но нет, я не хочу быть вовлеченной в скандал. — Она покачала головой. — Я просто хочу…

Новой жизни. Свободы. И любви.

— Чего? — Джейсон остановил лошадь и взглянул Рэйчел в глаза, прерывая легкомысленный разговор. — Чего вы хотите?

Несколько долгих мгновений она лишь смотрела в его глаза.

Именно это мне и нужно. Новая жизнь. Свобода. И любовь.

— Почему ты не сказал мне? — тихо спросила Рэйчел, не в силах не задать вопрос, который мучил ее всю ночь. — Когда ты вернулся в Лондон, когда ты узнал правду, почему ты не сказал мне об этом?

— Господь свидетель, я собирался это сделать. И даже попытался. — Джейсон покачал головой. — Джордж хотел, чтобы я все тебе открыл. Видишь ли, он не мог сделать это сам.

— Почему? — Каждая клеточка в ее теле замерла в ожидании ответа.

— Потому что боялся, — просто ответил Джейсон. — Он боялся, что, если ты узнаешь правду, которую он скрывал от тебя, ты возненавидишь его. И бросишь.

Рэйчел тяжело вздохнула.

— Понятно.

— А ты бы бросила его?

Рэйчел посмотрела Джейсону в глаза — ей

казалось, это длилось вечно. Оставила бы она Джорджа? Тогда, когда он был болен? Когда после того, как он заботился о ней, он сам нуждался в ее заботе? Она чувствовала облегчение оттого, что ей не пришлось принимать это решение. Мог быть только один ответ.

— Нет.

— Тогда все к лучшему.

Они в тишине поехали дальше. Их лошади шли рядом. Ни один из всадников не произносил ни слова.

— Я не уехал бы, если бы знал, что ты жива, — наконец нарушил молчание Джейсон. — Ты ведь знаешь об этом?

— Сейчас я не уверена в том, что знаю. И что чувствую, — ответила Рэйчел, не глядя на него, и вздохнула. — Если подумать, может, это и не такая уж удачная мысль, чтобы ты жил в моем доме.

— Хорошо, — кивнул Джейсон. — Но я свяжусь с тобой позже.

— Конечно.

Неужели он не станет спорить? Совсем? Рэйчел почувствовала раздражение.

— Желаю приятного дня.

Подстегнув лошадь, она помчалась по тропе к

воротам парка, не оглядываясь.

Почему она пригласила его жить у нее в доме? О чем она только думала? И думала ли вообще? Слава богу, что она вовремя пришла в себя.

Пока разговор касался незначительных вопросов, Рэйчел удавалось сохранять голову холодной. Но в тот момент, когда речь зашла об их прошлом, ее горло сжалось и по телу пробежала дрожь.

Нельзя пускать Джейсона в дом, пока она не разберется с тем, что происходит в ее голове.

И в сердце.

Джейсон смотрел ей вслед, пока его пальцы не замерзли, а Рэйчел не скрылась из виду.

Как он мог быть настолько глупым, чтобы думать, будто Рэйчел осталась для него в прошлом? Размышлять о том, чтобы найти себе подходящую жену? В то мгновение, когда он снова увидел Рэйчел, Джейсон понял, что чувства не изменились. По крайней мере, его чувства.

А что же Рэйчел?

В ней сочетались легкомысленная девушка, которую он любил, и зрелая, независимая женщина, которой она стала. В одно мгновение она была дружелюбной и раскованной, в другое он видел страх в ее глазах. Ей сделали очень больно. Ему тоже, но у него хотя бы была возможность

оплакать свою потерю, даже если это была ложь. И у него было три года на то, чтобы смириться с ситуацией.

Боялась ли Рэйчел, что он снова оставит ее? Джейсон сжал поводья. Нет, этого никогда больше не случится.

Рэйчел нельзя было винить. Даже зная о том, что Джейсон не бросил ее на произвол судьбы, она не могла так быстро смириться с истиной: все, что она считала правдой, оказалось ложью. Ей действительно нужно время.

Но Джейсон не мог ждать. Господь милосердный! Как он вынесет это, после того как ждал столько времени? Он с трудом смирился с мыслью о еще одном дне, еще одной минуте, проведенной без нее.

Чтобы воссоединиться, им необходимо проводить вместе больше времени. Это было сложно, пока Рэйчел пряталась в доме, в котором жила с Джорджем. В доме, о котором Джейсон до сих пор думал как о родном. У него появился шанс, когда Рэйчел пригласила его, поддавшись минутному порыву. Если бы они жили под одной крышей, вновь завоевать сердце Рэйчел ему было бы куда проще. Проклятье, если бы она не передумала…

Конечно, она позволила бы ему остаться, если

бы ему некуда было больше идти. Значит, нужно сделать так, чтобы это было правдой. Джейсон улыбнулся и поехал вперед.

Он никогда не считал себя нетерпеливым человеком. А следовало бы. По крайней мере в том, что касается любимой женщины.

Женщины, которую он любил всегда.

Глава седьмая

— Миледи, мистер… мм… лорд Линдхерст прибыл, — сообщил Мейфилд, возникнув в дверях библиотеки.

Рэйчел подняла взгляд от бухгалтерских счетов, разложенных на столе. Она не сомневалась, что все в порядке. Минимум раз в неделю она проверяла бумаги и за последние несколько лет узнала об управлении поместьем больше, чем когда-либо. Но все же Рэйчел хотела убедиться, что этот вопрос будет разрешен как можно более эффективно.

— Проводи его.

Джейсон вошел в комнату с уверенным взглядом и улыбкой, которую можно было описать только словом «самодовольная».

— Леди Линдхерст, надеюсь, я не заставил вас ждать.

— Нисколько, — осторожно ответила она, поднявшись на ноги.

Его взгляд заставлял ее нервничать.

Мейфилд прочистил горло.

— Миледи, где мне разместить лорда?

— Разместить? Он же уже здесь, — озадаченно

нахмурилась Рэйчел. — О чем ты говоришь?

— Я привез из отеля вещи, — сказал Джейсон.

— Ну, ты можешь немедленно отослать их обратно. — В ней вспыхнуло раздражение. — Возможно, ты забыл, но я отозвала свое приглашение.

— Я ничего не забыл. — Джейсон подошел к столу, бросив взгляд на разбросанные на нем бумаги. — Но с тех пор я поговорил с адвокатом Джорджа — теперь моим адвокатом, — и оказалось, что есть некоторые вопросы, касающиеся права владения этим домом.

— Какие вопросы? — возмущенно спросила Рэйчел.

— Выяснилось, что пожелания Джорджа по поводу этого дома не вполне ясны.

— Чушь. Они предельно ясны. Он позаботился об этом. Это четко обозначено в его завещании.

— О! — Джейсон приподнял бровь. — Оно у тебя здесь?

— Нет. — Рэйчел скрестила руки на груди, неодобрительно глядя на него. — Оно на хранении у его адвоката.

— У моего адвоката.

— У адвоката Джорджа. — Рэйчел направилась к двери. — Мы пойдем к нему немедленно и про-

ясним этот вопрос. Мейфилд, прикажи подать повозку.

— Я бы не делал этого, Мейфилд, — сказал Джейсон.

Рэйчел развернулась к нему.

— Почему?

— Боюсь, когда я виделся с ним, он собирался уезжать. Его не будет как минимум неделю.

— Очень хорошо. — Рэйчел стиснула зубы. — Мы подождем неделю. А до тех пор будет лучше, если ты вернешься в «Кларендон».

Джейсон покачал головой с сожалением, в которое Рэйчел не поверила ни на миг.

— Боюсь, это невозможно. Я выехал из номера, а отель переполнен.

— Тогда найди другой отель. — Рэйчел сжала кулаки, стараясь не сорваться на крик.

— Не хотелось бы, — вздохнул Джейсон. — Я уже давно путешествую и предпочел бы оставаться на одном месте. И до тех пор, пока вопрос с правом собственности на дом не разрешится…

— Нечему там разрешаться!

— …я останусь здесь. Ты сама говорила, что это…

– *Это был…*

— … мой родной дом.

— Хорошо. Оставайся. — Глаза Рэйчел сузились. — Я поеду в отель.

— Боюсь, тебе не удастся этого сделать, — покачал головой Джейсон. — Я уже проверил. Ни в одном респектабельном отеле города нет свободных мест.

Рэйчел усмехнулась.

— Мне в это как-то не верится.

— Веришь ты или нет, это правда. — Джейсон удовлетворенно ухмыльнулся. — Я об этом позаботился.

— Ты об этом позаботился? Как ты?..

Не мог же он выкупить номера в каждом отеле Лондона, только чтобы пробраться в ее дом!

Джейсон взял со стола лист бумаги и взглянул на него.

— Признаю, это потребовало большого количества денег. — Он отпустил лист, позволив ему упасть на стол. — Но у меня есть столько.

— Раз ты не оставил мне другого выбора, — Рэйчел разочарованно вздохнула, — можешь поселиться здесь.

— Ах, леди Линдхерст, вы такая гостеприимная хозяйка!

Она бросила на него испепеляющий взгляд и повернулась к дворецкому.

— Мейфилд, размести милорда в комнатах…

— В этом нет необходимости, — перебил ее Джейсон. — Можешь перенести вещи в мои старые комнаты.

В его старые комнаты? Его старые комнаты находились прямо напротив комнат Джорджа и всего в нескольких шагах от ее комнат. Рэйчел совсем не нравилась мысль о том, что Джейсон будет так близко к ней. Но все же дальнейшие протесты вызовут подозрения у Мейфилда. Несомненно, дворецкому уже стало интересно, что происходит между новым герцогом и вдовствующей герцогиней.

— Миледи? — Вопрос Мейфилда повис в воздухе.

— Хорошо, Мейфилд. — Рэйчел махнула рукой. — Сделай, как пожелает милорд.

Дворецкий кивнул и ушел. Едва закрылась дверь, как Рэйчел тут же напала на Джейсона:

— Что, по-твоему, ты делаешь?

— Именно то, чего желал Джордж. Ты сама говорила: он хотел, чтобы я остался здесь. — Подойдя к книжной полке, Джейсон просмотрел корешки книг и, вынув одну из них, пролистал страницы. — Я долго думал над тем, что ты сказала утром.

— Я сказала, что тебе не следует здесь находиться.

— Кроме этого, ты упомянула о том, насколько легче будет решать деловые вопросы, если я буду жить с тобой под одной крышей. — Он одарил ее приторной улыбкой. — И теперь я вижу, насколько это было мудро.

— Это было совсем не мудро! — взвилась Рэйчел. — Это было безумием.

— Для меня это имеет смысл.

— Тогда я сомневаюсь и в твоем рассудке. Кроме того… — Она подошла к столу, хватая бумаги. — Все, что касается твоего наследства и дел Джорджа, которые связаны с тобой, здесь. — Она потрясла бумагами перед его носом. — Можешь считать, что все решено.

— Ах, но это только часть. — Тон Джорджа был таким же будничным, как если бы они обсуждали погоду.

Он что, пытается ее разозлить? Или они не виделись так долго, что она забыла об этой черте его характера?

— Этот дом мой.

— Черт возьми, Рэйчел, я говорю не о доме, и ты отлично это знаешь. — Джейсон поставил книгу обратно на полку и повернулся к ней. В его

голосе звучала настойчивость. — Я хочу поговорить о нас.

— А я не хочу. — Рэйчел почувствовала, как ее охватывает паника. — Не сейчас. Не сегодня.

— А я хочу. Сегодня и сейчас. В этот самый момент. Я думал, что это может подождать, но это не так. Я уже три года — нет, десять лет, десять ужасно долгих лет — ждал этого разговора и не намерен больше ждать ни минуты.

— Хорошо. — Она обрушила стопку бумаг на стол. Ее растерянность обернулась яростью. — Хочешь говорить? Давай, говори.

— Я думал, что ты мертва. Иначе я никогда бы не уехал.

— Это ты уже говорил.

— Ты не веришь мне?

— Нет! Да! Я не знаю, во что мне верить. — Рэйчел раздраженно вздохнула. — Пойми, для меня это не так легко, как для тебя.

— Для меня это тоже не очень…

— Неужели? Ты знал правду еще три года назад. Три года назад, Джейсон! А я узнала всего позавчера. У меня все это не укладывается в голове, не говоря уже о том, чтобы смириться с этим. — Она развернулась и зашагала по комнате, соединяя кончики пальцев. — Сначала я получаю письмо

от своего мужа — *мертвого* мужа, — в котором открываются масштабы жестокости моего отца.

— Мне жаль, — беспомощно сказал Джейсон.

— И мне тоже, но тут удивляться нечему. — Рэйчел вымученно рассмеялась. — Хотя, о Господи, я удивилась. — Она выдохнула, пытаясь успокоиться. — И потом я узнаю́, что мой муж знал все почти с самого начала. — Она посмотрела на Джейсона. — Почему, Джейсон, почему он не сказал мне правду? Не потом, когда был болен, это я понимаю, но тогда, когда узнал, почему ты уехал? Почему он не сказал мне тогда?

— Он и тогда любил тебя.

— Любил ли?

Конечно, Джордж любил ее. Рэйчел никогда в этом не сомневалась. Но что он испытывал к ней в начале их отношений? Она никогда не думала об этом и полагала, что Джордж взял ее в жены скорее потому, что был добр и хотел сохранить ее честь, чем потому, что любил.

Джейсон внимательно посмотрел на нее.

— Ты злишься на него?

— Злюсь? Из-за того, что он меня любил? — Рэйчел покачала головой. — Я расстроена и обескуражена, но не злюсь. Как я могу на него злиться? Как я могу позволить одному обману

перевесить все остальное? В каком-то смысле мой отец был прав, когда сказал тебе, что я мертва. — Она печально улыбнулась. — Я и была мертва. По крайней мере внутри. Джордж вернул меня к жизни.

— Джордж был хорошим человеком.

— Ты можешь так говорить? Даже сейчас? Даже зная о том, какую роль он сыграл во всем, что между нами произошло?

— Я знаю, почему он так поступил. Он любил тебя, и я не могу винить его за это. И я признателен ему за то, что он сделал для меня. Я знаю, что его предсмертным желанием было, чтобы мы возродили былые чувства.

— Думаю, уже поздно. — Рэйчел отвернулась и невидящим взглядом уставилась на книги на полке. Слова застревали у нее в горле.

— Поздно ли?

— Ты изменился за эти годы, и я тоже. Я больше не наивная девочка, чьи мечты и надежды зависят от прихотей мужчины. Любого мужчины. Я независимая женщина. — Она посмотрела на Джейсона. — Я не могу быть той девочкой, которую ты любил, и не хочу ею быть.

— Мне не нужна наивная девочка. — Джейсон сделал шаг к ней навстречу, и Рэйчел инстинк-

тивно отступила. — Но ты лжешь, Рэйчел. Я вижу девочку в женщине, которой ты стала.

— Чушь. — Она пожала плечами. — Ее больше нет.

— Я вижу девушку, которую любил, в твоих глазах.

— А сможешь ли ты полюбить женщину? — тихо спросила она, боясь услышать ответ.

— Кажется, я уже ее люблю. — Джейсон снова сделал шаг в ее сторону, собираясь обнять ее.

— Нет! Не подходи ближе. — Рэйчел выставила перед собой руки, стараясь, чтобы они не дрожали. Он был едва ли на расстоянии фута от нее. — Ты не можешь… Я не могу… Мы не можем вернуть то, что было. Даже если я простила тебя…

— А ты меня простила?

— Как я могу винить тебя за то, что ты оставил мертвую женщину? Или за то, что сделали мой отец или Джордж? Но я… — Рэйчел отвернулась, пытаясь найти нужные слова, и вновь посмотрела на Джейсона. — Я боюсь того, что может произойти.

Его взгляд был так же решителен, как и голос.

— Я никогда больше не оставлю тебя.

— Не уверена. — Рэйчел обхватила себя руками

за плечи. — Я тебя не знаю.

— Неужели? — просто ответил он.

Возможно, из-за напряжения, возникшего между ними, вопроса в его глазах или ее нежелания снова сталкиваться с прошлым Рэйчел внезапно охватило раздражение. Что ж, с этим чувством она, по крайней мере, знала, что делать.

— Прекрати отвечать вопросом на вопрос! Ты меня с ума сведешь!

— Ты будешь очень красивой сумасшедшей.

Она уставилась на него, а затем рассмеялась.

Джейсон улыбнулся в ответ.

— Я всегда мог рассмешить тебя. По крайней мере, я тебя знаю. А это уже половина пути.

Рэйчел растерянно покачала головой.

— Джейсон…

Он подошел ближе к ней и взял ее руки в свои.

— Если мы не можем вернуть то, что было, может, мы сможем начать все заново?

— Это неосуществимо, — усмехнулась Рэйчел.

— Вовсе нет. — Джейсон подошел к двери и распахнул ее. — Мейфилд!

— Звали, милорд? — Дворецкий появился в мгновение ока.

Рэйчел сдержала раздраженный стон — скорее всего, слуга подслушивал у двери.

— Да, Мейфилд. — Джейсон указал на Рэйчел. — Не будешь ли ты так любезен представить нас?

Взгляд Мейфилда скользнул от Джейсона к Рэйчел и обратно.

— Представить кого, милорд? — осторожно спросил он.

— Представить меня этой прекрасной незнакомке, конечно, — твердо ответил Джейсон.

— Незнакомке, милорд? — переспросил Мейфилд.

Бедняга выглядел так, как будто оказался на сцене в разгар театрального фарса и не имел представления о своих репликах. Рэйчел подавила улыбку.

— Мейфилд, у тебя нет воображения, — вздохнул Джейсон. — А значит, ты мне не нужен. Можешь идти.

— Миледи? — Мейфилд вопросительно посмотрел на Рэйчел, не уверенный, стоит ли ему оставлять ее в компании человека, который был, по-видимому, не в себе.

— Все в порядке, Мейфилд. Лорд безумен, но не опасен, — сказала она с кривой улыбкой.

— Хорошо, — пробормотал Мейфилд со скептическим видом и ушел, не полностью закрыв за собой дверь, чтобы в случае чего услышать

крики о помощи.

— Похоже, мне придется самому позаботиться о приличиях. — Джейсон отступил и театрально поклонился. — Моя дорогая леди, я понимаю, что это несколько некстати, но прошу простить мне мое нахальство и позволить отрекомендоваться вам. Я Джейсон Норкросс, герцог Линдхерст.

— Джейсон, это глупо. — Рэйчел не смогла сдержать улыбку. — Прекрати сию минуту!

— Джейсон? — Он раскрыл рот в притворном удивлении. — Я не думаю, что мы достаточно хорошо знакомы, чтобы звать друг друга по имени. Однако же, — он откашлялся, — у вас есть преимущество, миледи. Я назвал вам свое имя, а вы не ответили мне тем же.

Рэйчел обреченно вздохнула.

— Хорошо. Я сыграю в твою глупую игру. — Она сделала реверанс. — Я леди Линдхерст, герцогиня Линдхерст.

— Приятно познакомиться.

Джейсон подошел к Рэйчел и, прежде чем она успела запротестовать, взял ее руку и поднес к своим губам. Их взгляды встретились. И внезапно происходящее перестало быть игрой.

Рэйчел смотрела Джейсону в глаза, и страсть, которую она уже не ожидала когда-либо почув-

ствовать снова, охватила ее. Горло женщины сжалось, сердце выпрыгивало из груди.

— Джейсон, — прошептала Рэйчел.

— Рэйчел. — Ее имя слетело с его губ, словно стон.

Он обнял ее, и его губы, теплые и требовательные, нашли ее уста. Рэйчел как будто ударило молнией. Она прижалась к Джейсону, отвечая на поцелуй со всей страстью, сдерживаемой на протяжении десятилетия, такой знакомой, такой неумолимой и, о боже, такой правильной.

Руки Рэйчел обвились вокруг шеи Джейсона. Его тело было теплым, и ей сейчас хотелось одного: касаться его, держаться за него, принадлежать ему. Она прижалась к нему всем телом. Они идеально подходили друг другу. Может, разум и забыл, но тело и душа знали, всегда знали истину, которую можно было обрести лишь в его объятиях.

Снова и снова Джейсон приникал к ее губам, словно утопающий, жаждущий воздуха, пока колени Рэйчел не начали подкашиваться, а дыхание не сбилось. И хотя ее внутренний голос кричал о том, что это слишком рано, слишком быстро, слишком опасно, она не слушала его. Она хотела этого. Всегда хотела. Хотела его, и

только его.

Джейсон отстранился и посмотрел на нее, и его изумленный взгляд был отражением ее взгляда.

Женщина судорожно втянула воздух.

— Рэйчел… — Голос Джейсона был хриплым и сдавленным от переполнявших его чувств.

— Каким поразительным способом вы представляетесь, милорд. — Она посмотрела на него.

— Как и вы, миледи. — Уголки губ Джейсона поползли вверх.

Рэйчел смогла восстановить дыхание и осторожно высвободилась из его объятий. Она сделала шаг назад, оказываясь вне его досягаемости и подозревая, что если снова очутится в его объятиях, то поцелуем он не ограничится. И вряд ли ей захочется его останавливать.

Ноги не слушались Рэйчел, и она удивилась тому, что вообще может сейчас стоять прямо.

— Не надо было этого делать.

— Почему?

Джейсон подался было вперед, но затем передумал. И Рэйчел была благодарна ему за это, хотя и немного разочарована.

— Ну, мы только что познакомились, я едва вас знаю. Подобное поведение с незнакомцем неприлично. Это уже слишком. Слишком быстро

и слишком стремительно…

— Слишком поздно на десять чертовых лет. — Его решительный голос эхом разнесся по комнате, заставив сердце Рэйчел трепетать.

— Тем не менее нельзя наверстать все за один день.

Джейсон поднял бровь.

— Я собираюсь попробовать.

— А я нет. — Рэйчел направилась к двери. — А теперь прошу меня простить, я направлюсь в свою комнату. Ужин подают в восемь.

— Прячешься, да? — Джейсон скрестил руки на груди.

Рэйчел остановилась, взглянув на него, такого сильного и красивого, и на мгновение захотела снова оказаться в его объятиях. Но она была настроена решительно.

— Да, милорд. — Она медленно улыбнулась. — Я намереваюсь именно прятаться.

Рэйчел распахнула дверь.

— Ты не сможешь избегать меня вечно, — услышала она вдогонку.

Нет, не сможет. Но сейчас она была не готова к тому, что может означать слово «вечность».

Глава восьмая

Тянулся ли когда-нибудь обед так долго?

Джейсон все время поддерживал разговор, но Рэйчел не могла запомнить ни слова из того, что он сказал. Она сидела прямо напротив него за длинным обеденным столом и старалась не смотреть на него. Ей это не удавалось.

Черт его подери! Ну почему он сейчас вызывает в ней голод совсем иного рода, нежели аппетитные блюда на столе? Не то чтобы Рэйчел проявила к обеду хоть какой-то интерес. Она лишь поковыряла еду на тарелке. Но повар вряд ли заметит это — Джейсон уплетал за двоих. Его голода хватило бы на них обоих — во всех значениях этого слова.

Этот человек не пил вино, а целовал стакан. Он не намазывал масло на хлеб, а ласкал его. Он не накалывал вилкой кусок говядины, а медленно проникал в него. Каждый поглощаемый им кусочек сопровождался чувственным движением губ. Джейсон не ел, он соблазнял еду.

Соблазнял ли он и ее?

Рэйчел схватила бокал с вином и залпом осушила его.

— Вы что-то сказали? — спросил Джейсон.

Невинный тон, которым был задан этот вопрос, контрастировал с блеском его глаз.

— Нет. — Рэйчел широко улыбнулась. — Нет, ничего.

Слуга опять наполнил бокал, и Рэйчел тут же отпила. Обычно она не пила так много вина за обедом. Наверное, сегодня ее просто мучает жажда. Да, вне зависимости от того, сколько она выпила, у нее во рту все время было сухо и ей постоянно хотелось смачивать губы.

— Похоже, я болтал бóльшую часть обеда. Теперь ваша очередь.

Тарелка была мгновенно унесена слугой. Джейсон оперся локтями на стол, переплел пальцы и подался вперед.

— О чем желаете поговорить? О политике? О текущем состоянии экономики? О последних сплетнях? Возможно, у вас есть вопросы…

— Почему ты не женился? — выпалила Рэйчел и тут же вздрогнула.

Из всех вопросов, которые она хотела ему задать, почему-то именно этот она выбрала в первую очередь.

— Это просто, миледи. — Джейсон откинулся на спинку стула и поднял бокал. — Я так и не

встретил женщину, которая могла бы заменить ту, что я потерял.

— Но наверняка в твоей жизни были женщины, — произнесла Рэйчел.

— Ну, я не проводил годы в воздержании, если вы об этом.

Рэйчел почувствовала, что краснеет, и сделала еще один глоток вина.

— Мне просто интересно.

— Правда? — усмехнулся Джейсон. — Я не отказывался от женского общества. Пару раз мне даже казалось, что я влюблен.

— Ого!.. — Рэйчел почувствовала укол ревности.

— Это ни к чему не привело, — пожал плечами Джейсон.

— Какая жалость, — пробормотала Рэйчел и сделала последний глоток, пряча улыбку.

— Упомянутые леди именно так и думали.

Она рассмеялась.

— Значит, у тебя было много женщин? Так ты распутник?

— Скорее, скиталец. Или бродяга. — Джейсон нахмурился, задумавшись. — Впрочем, если поразмыслить, слово «распутник» в данном случае тоже подходит.

— Значит, я обедаю наедине с распутником, которого сама впустила в свой дом? — усмехнулась Рэйчел. — Очаровательно.

Джейсон подал знак слуге наполнить ее бокал.

— Вы пытаетесь споить меня, милорд? — спросила Рэйчел, глядя на него с подозрением.

— Чего еще следует ожидать от распутника? — Джейсон взял из миски апельсин и принялся его чистить. Медленно. — А это мне поможет?

— Не думаю.

Рэйчел не могла оторвать глаз от его рук, больших и сильных. Она помнила их прикосновения к своим обнаженным плечам, спине и…

— Конечно, у вас есть и другие вопросы, не касающиеся моих амурных похождений?

Она на мгновение заглянула ему в глаза и снова почувствовала, что краснеет. Его глаза, его улыбка говорили о том, что он все знает. Но он не мог знать, о чем она думает. Или мог?

— Да, конечно. Сотни.

Почему она не может придумать ни одного? Почему она может только сидеть и думать, что хотела бы оказаться на месте апельсина? Рэйчел облизнула губы.

Взгляд Джейсона коснулся их, а затем сразу же вернулся к ее глазам.

— Вопросы, Рэйчел?

— Вопросы. — Она глубоко вдохнула, пытаясь сконцентрироваться на чем-то, кроме фрукта в его руках. — Ну, мне интересно, почему ты не приехал сразу же, как только Джордж умер. Он думал, что ты, быть может, успеешь приехать до его кончины.

На лице Джейсона отразилась грусть.

— Я собирался приехать. Я надеялся покончить с делами и сразу же вернуться в Англию, но одна задержка следовала за другой. Потом началась война и доплыть стало почти невозможно.

Он положил апельсин на стол перед собой и принялся задумчиво рассматривать его. Рэйчел показалось, что он смотрит вовсе не на фрукт, а глядит в прошлое.

— Весть о смерти Джорджа дошла до меня только через год.

— Он очень хотел увидеть тебя еще раз, — тихо сказала Рэйчел.

— Как и я. — Джейсон тяжело вздохнул. — Еще один повод для сожалений в наполненной сожалениями жизни.

— Будет тебе, Джейсон. — В ее голосе появились игривые нотки. — Не вся же жизнь.

— Нет, не вся. Лишь десять лет, не больше.

— Но кажется, что вся, — вздохнула Рэйчел.

Но ведь по сути так и было? Она принялась машинально гладить пальцем хрустальный бокал. С тех пор как они пообещали друг другу всегда быть вместе, прошло так много времени. Они жили каждый своей жизнью, и судьба вновь свела их вместе только сейчас. Конец ли это их совместного пути? Смогут ли они оставить прошлое позади и двигаться дальше? И сделают ли они это вместе?

— Ты ненавидел меня? — Рэйчел посмотрела на Джейсона.

— Нет, — просто ответил тот.

— Никогда? Да ладно. — Она внимательно изучала его. — Даже когда узнал, что я не ждала тебя? Что вышла за Джорджа?

— Нет.

— В прошлый твой приезд я наговорила тебе ужасных вещей.

— Да, наговорила. — Джейсон криво улыбнулся. — Но я понял, почему ты так себя вела.

— Значит, ты никогда не презирал меня, — медленно произнесла Рэйчел. — И ты не сказал мне правду, когда мог, потому что беспокоился о Джордже. — Она приподняла бровь. — Возможно, ты слишком хорош для меня, Джейсон Норкросс.

Он пожал плечами.

— Сомневаюсь. — Джейсон замолчал, как будто раздумывая, стоит ли продолжать, а затем вздохнул. — Прежде чем ты начнешь считать меня святым, ты должна знать, что, наплевав на последствия, я написал тебе дюжины, если не сотни, писем, в которых рассказал все.

— Я ни одного из них не получила.

— Я ни одного из них не отправил.

— Тогда ты действительно так благороден, как я думаю.

— В делах возможно, но не в мыслях. Не в желаниях. — Джейсон допил вино и поставил бокал на стол. — Нет нужды спрашивать, ненавидела ли ты меня, это было очевидно в нашу прошлую встречу. Возможно, более подходящим вопросом будет: «Когда ты перестала меня ненавидеть?»

Рэйчел молчала, сомневаясь, стоит ли отвечать честно. Но если между ними что-то и возникнет, то не благодаря обману.

— Когда получила письмо Джорджа.

— Понятно. — Джейсон задумчиво кивнул. — Значит, только вчера. Разреши спросить еще кое-что. — Он наклонился вперед, в его взгляде, как и в голосе, было заметно напряжение. — Когда ты перестала любить меня?

Вопрос повис в воздухе, отозвавшись эхом в ее жилах и сердце.

Никогда! У Рэйчел перехватило дыхание. Как она могла не понимать этого раньше? Или же она всегда знала это и просто боялась признать? Боялась, потому что страсть была слишком сильной, всепоглощающей, и боль, сопровождавшая ее, была чрезмерной. Она пережила его потерю однажды, но не сможет сделать этого второй раз.

— О, милорд! — Рэйчел заставила себя усмехнуться. — Вы задаете слишком дерзкие вопросы.

Лицо Джейсона помрачнело.

— Да, наверное, — сказал он, разочарованно вздохнув, и, встав из-за стола, посмотрел на Рэйчел сверху вниз. — Сегодня был очень длинный день, и я несколько устал. Прошу простить меня, я пойду спать.

— Прячешься, да? — Рэйчел сразу же пожалела о сказанном.

Джейсон оперся на стол и наклонился, нависая над ней. В его глазах отражались огоньки свечей.

— Вовсе нет. На самом деле я не отказался бы, если бы ты составила мне компанию в постели.

У Рэйчел перехватило дыхание — она была шокирована этим предложением. Или же она

была шокирована внезапным приливом желания? Женщина посмотрела на Джейсона, подняв голову.

— Мне не от чего прятаться, Рэйчел. Я отлично знаю, что чувствую. Что я всегда чувствовал. — Джейсон выпрямился и вежливо улыбнулся. — Разрешите же пожелать вам спокойной ночи, миледи.

Он развернулся и пошел к двери.

Рэйчел смотрела ему вслед, сдерживая желание последовать за ним.

Почему все так сложно? Почему она не может лечь к нему в постель и покончить со всем этим? Почему не может обнять его и признаться в своих чувствах и в своем смятении?

Почему она не может поверить ему?

Нет, слишком рано. Десять долгих лет она ненавидела его всеми фибрами души. Что бы она ни чувствовала сейчас — или думала, что чувствует, — она не могла так скоро, так легко открыть ему свое сердце. Она подавляла свои чувства к Джейсону слишком долго, чтобы сейчас без раздумий принять их.

Рэйчел знала: в том, что между ними произошло, нет вины Джейсона, но это знание было у нее в голове, а не в сердце. Она была права, когда

сказала, что ей нужно время.

Давным-давно Рэйчел поклялась никогда больше не плакать. Да, она пролила слезы, когда умер Джордж, скорбя о человеке, который спас ее и любил. О своем муже и друге. Но только Джейсону удалось когда-то заставить ее рыдать от разбитого сердца.

Больше она не будет рыдать из-за него.

* * *

Книга с громким стуком ударилась о дверь, но никакого удовлетворения это Джейсону не принесло. Конечно, почитать эту чертову книгу ему тоже не удалось. Буквы прыгали у него перед глазами. Сегодня все его внимание было сосредоточено только на одном.

Если бы эта проклятая женщина еще раз облизнула губы, он бы ринулся через стол и схватил ее, разбрасывая китайский фарфор, хрусталь и серебро. Он бы занялся с ней любовью прямо на обеденном столе, на глазах у слуги и кого угодно. Более того, Джейсон подозревал, что Рэйчел не стала бы сопротивляться. Судя по поцелую, она хотела его так же сильно, как и он ее, даже если сама еще не понимала этого.

Джейсон в нетерпении поднялся на ноги. Он

был слишком взволнован, чтобы заснуть. Он оглядел комнату в надежде, что Мейфилд позаботился о том, чтобы оставить здесь графин бренди. Но нет. Можно было бы позвать дворецкого. Или спуститься вниз. Но тогда он, возможно, встретит Рэйчел, а его полностью устраивало то, как они расстались. Его последние слова должны заставить ее задуматься.

Джейсон запустил пальцы в волосы. Рэйчел все еще любит его, он был в этом уверен, прочел это в ее глазах. В ее взгляде вспыхнуло осознание того, что он не сказал ей ничего нового — все это где-то в глубине души она знала уже давно.

Он и раньше видел этот взгляд, когда три года назад понял, что все еще любит ее. И снова увидел его вчера вечером…

В дверь постучали.

— Войдите! — крикнул Джейсон.

Дверь открылась, и на пороге возник Мейфилд.

— Милорд, меня прислала леди Линдхерст. Она слышала шум и просила узнать, все ли в порядке.

Значит, Рэйчел была уже в своей комнате и отлично слышала, что происходит у него.

— Определенно не все в порядке. — Джейсон вздохнул. — Но с шумом это никак не связано.

Просто книга выпала у меня из рук.

Взгляд Мейфилда переместился с Джейсона на книгу, лежащую на полу в другом конце комнаты. Дворецкий подобрал книгу и положил ее на прикроватный столик.

— Что-нибудь еще?

— Нет.

Джейсон взмахом руки отослал его прочь.

Мейфилд колебался, видимо, желая сказать что-то еще. Джейсон устало вздохнул.

— Что такое, Мейфилд?

— Могу я говорить откровенно, милорд?

Глаза Джейсона сузились. Видимо, на уме у дворецкого было не только найти источник шума.

— Прошу.

Мейфилд выглядел так, словно собирался с мыслями и, возможно, с духом.

— Милорд, я… то есть слуги и я… ну, мы… — Он расправил плечи и выпятил подбородок. — Если вы причините вред леди Линдхерст, я буду вынужден напасть на вас.

Джейсон уставился на дворецкого. Мейфилду было уже далеко за пятьдесят, и он был не в лучшей физической форме. Джейсон сдержал усмешку, взвешивая каждое слово.

— И ты думаешь, тебе это удастся?

— Вовсе нет, милорд. — В голосе дворецкого слышалась решимость. — Но моему примеру последуют оба лакея, конюший…

— И, без сомнений, повар и экономка.

— Если это будет необходимо, милорд.

— Твоя верность достойна восхищения. Но я не собираюсь причинять какой-либо вред леди Линдхерст. — Джейсон внимательно посмотрел на дворецкого. — Почему тебе пришло это в голову?

На лице Мейфилда промелькнула нерешительность, затем он глубоко вздохнул.

— После вашего визита состояние здоровья лорда Линдхерста все ухудшалось. В последние дни он не мог даже держать перо, но ему нужно было многое записать.

— Продолжай, — осторожно произнес Джейсон.

— Письма, которые он оставил вам и леди Линдхерст…

— Он диктовал тебе, верно? — внезапно понял Джейсон. — Поэтому ты знаешь, что в них написано.

— Да, милорд.

— И готов спорить, это знают все чертовы слуги.

— Милорд, я никогда не разглашаю конфи-

денциальной информации. — Оскорбленный Мейфилд повысил голос.

Джейсон скептически поднял бровь.

— Но, возможно, они об этом подозревают, — пробормотал дворецкий.

Итак, слуги знали все об их с Рэйчел прошлом, и знали это с тех самых пор, как умер Джордж. Удивляться тут было нечему — разве что тому, что они так долго пребывали в неведении. Но все же они были верны, по крайней мере, верны Рэйчел.

— Скажи, Мейфилд, леди Линдхерст получила то же письмо, что и я?

— Это было давно, милорд. — Мейфилд задумчиво нахмурил брови. — Если мне не изменяет память, то, что написано в письме леди Линдхерст, вам уже было известно. Хотя письма и похожи, они не идентичны.

— Понятно.

Конечно, письмо Джорджа, адресованное Рэйчел, было признанием. В то время как то письмо, что получил он, содержало извинения и сожаления.

— Что ж, Мейфилд, раз уж ты все знаешь, возможно, ты подскажешь мне, что делать.

— Делать, милорд?

— Ну, ну, Мейфилд. — Джейсон скрестил руки на груди и прислонился к каминной полке. — Я знаю тебя с тех пор, как был мальчиком. Ты всегда давал мне хорошие советы, когда я тебя об этом просил.

— Я не…

Джейсон фыркнул.

— Хорошо, сэр. — Мейфилд задумчиво посмотрел на Джейсона. — Я бы посоветовал вам принять во внимание слова лорда Линдхерста.

— Какие слова?

— Совет, содержащийся в его письме.

— Мейфилд, я читал это письмо по крайней мере дюжину раз.

— Прочтите еще раз, милорд.

Джейсон посмотрел на дворецкого, не в силах сдержать улыбку.

— Тебе всегда нравилось заставлять меня трудиться, чтобы я получил то, что хочу, не так ли, Мейфилд?

Лицо дворецкого было непроницаемо, но в глазах блеснули искорки.

— Да, милорд.

Джейсон рассмеялся и пожелал ему спокойной ночи. Мейфилд кивнул и ушел, закрыв за собой дверь.

Джейсон оглядел комнату. Куда слуги, занимавшиеся его багажом, положили письма Джорджа и прочие документы, которые были у него в чемодане? Джейсон подошел к секретеру, отодвинул ящик и нашел там все бумаги аккуратно сложенными. Он пролистал их, пока не нашел нужное письмо, и погрузился в чтение, усевшись в кресло.

Не было необходимости читать его снова, Джейсон помнил его почти наизусть. Но все же, если Мейфилд говорит, что там содержится совет, то, Господь свидетель, он ему пригодится. Джейсон просмотрел лист. Ничего…

Его взгляд упал на строки, которым он до этого не придавал значения.

«Не позволяйте тем, кто однажды вмешался в вашу жизнь, определять то, что будет дальше. Не позволяйте ошибкам прошлого убить ваше будущее. И не позволяй воспоминаниям Рэйчел влиять на то, что происходит здесь и сейчас».

Джейсон долго смотрел на этот абзац. Мейфилд был прав: Джордж действительно поделился с ним своей мудростью. Единственным вопросом оставалось, как же сделать так, чтобы прошлое не встало на пути будущего, не убило его?

Он откинулся на спинку стула и невидящим взглядом уставился на тени на потолке, отбрасываемые мерцающим светом свечей и языками пламени в камине.

То, что сделано, нельзя отменить. Он не мог стереть воспоминания Рэйчел. Ни воспоминание о той ночи, ни о том, что было дальше. Джейсон не мог мановением руки успокоить боль, как будто она никогда не существовала. И пока этот давно ушедший день затмевал день сегодняшний, Рэйчел никогда не оставит его позади. Никогда не сможет признать и тем более смириться с тем, что любит его.

Джейсон обреченно вздохнул. Нет, он не в силах изменить прошлое.

Но… Его глаза сузились — в голове начала формироваться пока неясная идея. Она была не менее абсурдна, чем мысль выкупить все отельные номера в городе. Сейчас ему нечего было терять.

Если он не может стереть воспоминания, то может создать новые.

Глава девятая

Джейсон и правда дал Рэйчел время. Возможно, его было даже слишком много. И это было одновременно и благословением, и проклятием.

Рэйчел бродила по спальне, не в силах уснуть — это была бы столь же бесплодная попытка, как и в любую другую ночь с тех пор, как в ее жизнь вернулся Джейсон, хотя она почти не видела его в течение последних четырех дней. Вернее, видела, но ей не удавалось поговорить с ним наедине.

После его прибытия дом стал настоящим магнитом для гостей. Рэйчел не помнила, когда пользовалась такой популярностью. Каждый день ее гостиная была полна любопытными посетителями, в основном дамами с дочерьми на выданье, каждая из которых желала разузнать о новом герцоге. Каков его доход? Планирует ли он остаться в Англии? Успел ли он влюбиться в кого-нибудь?

Успел ли он влюбиться? Ха! Кто знает, что на уме у этого проклятого человека? Рэйчел не могла бы сказать об этом с уверенностью. Когда Джейсон присутствовал на этих импровизированных собраниях, он был просто очарователен. Рэйчел с

растущим раздражением наблюдала за ним. Она готова была поспорить, что каждая из амбициозных матушек покинула ее дом, считая, что герцог Линдхерст был бы вовсе не прочь вступить в брачный союз с ее кокетливой дочкой. Это было отвратительно и раздражало.

Когда Джейсон не был занят очаровыванием юных прелестниц, порхающих по гостиной, он все время уходил и возвращался. Его почти не было дома. Даже когда у Рэйчел выдавалась возможность поговорить с ним, он бормотал что-то о делах, довольствуясь весьма туманными объяснениями. Как она могла что-то решить?

Чем бы Джейсон ни был занят, видимо, это было важнее, чем выяснение их отношений. Рэйчел пришлось признаться, пусть и лишь самой себе, что она скучает по нему и все время думает о нем. Ей нужно было время, чтобы подумать, и она думала, не в состоянии прийти к какому-либо выводу.

Нет, это не совсем правда. В последние несколько дней, наблюдая за его безукоризненными манерами, слушая его заразительный смех и видя, как уверенно он движется по жизни, она поняла, как сильно хочет его.

Плотнее закутавшись в халат, Рэйчел расхажи-

вала по комнате. Сейчас Джейсон был дома, хоть и пропустил ужин. Они не ужинали вместе с того самого вечера. Наверное, это было к лучшему. То, как они ели… Рэйчел выбросила это воспоминание из головы. Нужно было принимать во внимание нечто большее, чем страсть.

Смогут ли они с Джейсоном снова быть вместе? Чем дольше она пыталась найти ответ на этот вопрос в своем сердце, тем сильнее запутывалась. Иногда она была уверена, что не переставала любить его и просто скрывала это чувство под слоем боли и, да, ненависти. Теперь же Рэйчел не чувствовала ни того, ни другого. Ее ненависть не была направлена на Джейсона. На отца — да. Что же до Джорджа…

Нет, она не могла ненавидеть Джорджа. Джейсон был прав: Джорджа толкнула на обман любовь и его сложно было винить. Даже сейчас, с помощью своих писем, он делал что мог, чтобы исправить ту единственную ошибку, которую допустил за всю свою честную жизнь.

Но что, если слишком поздно? Она уже не та девушка, какой была десять лет назад. Прожитая жизнь обернулась так, как Рэйчел не могла и предположить.

Смерть отца заставила ее осознать свои чувства

к нему. Брак с добрым и любящим человеком сделал ее хорошей и порядочной женой. Болезнь Джорджа заставила ее вникать в дела и открыла ее проницательность в вопросах бизнеса, о которой Рэйчел даже не подозревала. Долгие годы, проведенные у постели смертельно больного человека, сделали ее сильной. Теперь же, овдовев, она наслаждалась свободой и независимостью. Это была награда за выживание.

Но что, если ее чувства к Джейсону — это не любовь, а лишь воспоминания о любви? Что, если женщина, которой она стала, так сильно изменилась по сравнению с девушкой, которой была, что возможности вернуть юношескую любовь уже нет?

Будь оно все проклято! Что же делать? Ее мысли и чувства, страхи и желания сталкивались с такой силой, что сводили Рэйчел с ума. Она не могла сидеть спокойно, не могла отдыхать, не могла спать. Возможно, она уже была безумна.

Неосознанно Рэйчел взяла книгу с прикроватного столика и швырнула ее в дверь. Та с глухим стуком ударилась о дерево и упала на пол. Тут же женщина пожалела о своем поступке. Вот до чего дошло! Она бросается вещами, как избалованный ребенок. Подняв книгу, Рэйчел взглянула на

заголовок. *«Гордость и предубеждение»*. Весьма кстати.

Предубеждение ли сдерживало ее? Предвзятость из-за того, что ее жизнь стала такой из-за лживости мужчин, и нежелание доверять ни одному из них? Мотивы лжи сейчас уже были не важны: ее отец лгал ради власти, Джордж из-за любви, а Джейсон (он лишь молчал, но это все равно была ложь) из любви к ним обоим.

И определенно именно гордость удерживала Рэйчел от того, чтобы пройти через коридор в комнату Джейсона, требуя, чтобы он обнял ее и… И что? Развеял ее неуверенность? Страх? Вернул ее в те дни, когда она не задавалась такими вопросами, а мир был наполнен радостью?

Возможно, этого было бы достаточно, чтобы разрешить ее сомнения. Сможет ли она найти правду, ответы на вопросы в его объятиях? В его постели?

Наверное, нет. Но разве случится что-то плохое, если она попробует? Джейсон был единственным мужчиной, которого она когда-либо желала, и это уж точно не изменилось с годами.

Рэйчел не была с мужчиной уже очень давно. Джордж болел несколько лет, а, кроме мужа, она была близка только с Джейсоном. В этом она

была уникальна — если хотя бы половина слухов правдива, то Рэйчел была единственной во всем Лондоне благочестивой вдовой.

Она переложила книгу из одной руки в другую. Проклятая гордость не позволяет ей пойти к Джейсону, но она не может помешать ему прийти к ней.

Рэйчел занесла руку и, мысленно извинившись перед мисс Остин, изо всех сил снова запустила книгой в дверь. К ее удовлетворению, раздался грохот. Рэйчел принялась ждать, надеясь услышать шаги в коридоре.

Ничего.

Она раздраженно нахмурилась. Сама она услышала шум в его комнате, когда несколько дней назад Джейсон бросил книгу в дверь. Теперь она бросила ее дважды. Слуги, которые в это время либо спали, либо заканчивали выполнять свои обязанности внизу, услышать ее не могли, но Джейсон должен был. Тогда почему он все еще не у ее двери, не желает узнать, все ли в порядке?

Он мог уже спать, хотя для этого было слишком рано. Или же намеренно игнорировал ее. Этого нельзя было исключать — он уже несколько дней игнорировал ее. Возможно, если она откроет дверь и бросит книгу в стену, разделявшую их,

это привлечет его внимание.

Рэйчел подняла книгу и распахнула дверь.

Перед ней стоял Джейсон. Он занес кулак — видимо, как раз собирался постучать.

Рэйчел уставилась на него, и мгновение спустя вся ее храбрость улетучилась.

— Добрый вечер, — с ухмылкой сказал он. — Какие-то проблемы?

— Проблемы?

Он выглядел таким соблазнительным. Моментально весь ее план показался Рэйчел глупым.

— Почему?

— Я услышал шум и подумал, что, возможно, в дом кто-то забрался. — Джейсон заглянул в комнату через ее плечо. — Ты одна?

— Конечно, одна. Я… — Рэйчел потрясла перед ним книгой. — Я читала.

— В самом деле? Я и сам вчера читал. — Он снова заглянул в комнату. — Ты уверена, что одна?

— Вполне.

— Наверное, все же стоит проверить. — Джейсон прошел в комнату мимо нее. — В наши дни обстановка довольно тревожная. Кажется, я слышал что-то о ворах, которые проникают в дома в этой части Лондона.

— Без сомнений, об этом упоминал кто-то из

твоих многочисленных гостей, — сухо сказала Рэйчел.

Джейсон поднял бровь.

— Ревнуете, миледи?

— Не смеши меня! — фыркнула она.

Джейсон взглянул на дверь.

— Если слуги увидят меня в твоей комнате…

— Переживаешь за мою репутацию? — хмыкнула Рэйчел. — Не стоит. Ты сам говорил, что ничего такого обо мне не слышал. Кроме того, в такое время слуги редко поднимаются на этот этаж.

— Тем не менее…

— Тем не менее, если я закрою дверь, нас точно никто не увидит.

Рэйчел захлопнула дверь со столь невозмутимым видом, как будто постоянно запирала джентльменов в своей спальне. Это было именно то, чего она хотела. Но в таком случае отчего ее нервы звенят как туго натянутые струны?

Джейсон хмыкнул, как будто мог прочитать ее мысли, и обошел комнату по кругу, остановившись у окна, чтобы заглянуть за занавески.

— Тут никого.

— Так я и думала.

— Возможно, стоит проверить под кроватью.

— Если хочешь. Но я думаю, что заметила бы,

если бы кто-то прятался под моей кроватью.

— Этот кто-то был бы счастливчиком, — пробормотал Джейсон. Он наклонился, заглянув под кровать. — Тут тоже никого, — сказал он, выпрямившись. — Что ж, теперь, когда мы убедились, что ты в безопасности, я пойду. — И с этими словами Джейсон направился к двери.

— Стой! — Рэйчел преградила ему путь. — Не уходи.

— Почему?

Его лицо хранило невинное выражение, но глаза коварно сверкали. Проклятье! Он хотел ее так же сильно, как и она его. Даже, может, сильнее. Но Джейсон не собирался облегчать ей задачу.

— Ну, я подумала… Мы оба теперь взрослые… И это могло бы прояснить кое… — Рэйчел разочарованно вздохнула. — Хочешь поцеловать меня?

Джейсон сложил руки на груди и отступил на шаг, прислонившись к столбику кровати. Его взгляд был направлен на нее, и Рэйчел едва сдержалась, чтобы не запахнуть халат поплотнее.

— Я поцеловал тебя несколько дней назад. Неужели ты забыла?

— Нет. — Она раздраженно нахмурилась. — Просто я спрашиваю, не хочешь ли ты сделать это снова?

— Зачем?

— Зачем? Что это за вопрос?

— Короткий и конкретный.

— Я подумала… Не важно. — Она резко развернулась, подходя к двери. — Ты прав: тебе нужно уйти.

Она взялась за ручку, и внезапно Джейсон оказался позади нее, положив руки ей на плечи и удерживая ее.

— Я очень хочу поцеловать тебя снова. Я не забыл, каково это.

— Это было лишь несколько дней…

— Нет. Задолго до этого.

Джейсон притянул ее к себе. Рэйчел затаила дыхание.

— Я помню, какие теплые у тебя губы. И помню остальное. Все, что было, — прошептал он ей на ухо. — Как твои волосы сияли в лунном свете. Как твой запах напомнил мне о летних днях.

Рэйчел закрыла глаза, положив голову Джейсону на плечо и позволяя его словам вернуть ее в прошлое.

— Я помню, какая шелковая у тебя кожа. — Его руки гладили ее по плечам. — И как ты вздрагивала от моих прикосновений. А я от твоих. Помнишь?

— Да, — шепнула она. — Я помню тепло твоих рук, обнимающих меня.

— И как твое тело льнуло ко мне…

Пульс Рэйчел бился в такт движениям рук Джейсона.

— Как будто мы созданы друг для друга. Как я могу забыть…

Безумие, сметающее здравый смысл? Неутолимую страсть? Неописуемую радость?

— Я помню все. — Рэйчел развернулась в его объятьях, чтобы оказаться к Джейсону лицом, и положила руки ему на грудь, чувствуя тепло его тела под пальцами. Она посмотрела ему в глаза. — Наш первый поцелуй. Наш первый раз. И когда ты впервые сказал, что любишь меня.

— А я помню последний. — Джейсон сжал ее в объятиях, глядя ей в глаза, как будто и не было всех этих лет.

— Это было так давно, — прошептала Рэйчел, потянувшись навстречу Джейсону.

— А может, вчера?

Его губы коснулись ее губ, осторожно, словно он был так же напуган, как и она. В ней поднялась горячая волна давно забытого вожделения. Губы Рэйчел раскрылись, и их дыхание слилось воедино. Джейсон притянул ее ближе, крепко целуя.

Этим поцелуем он познавал ее, приоткрывал, воссоединялся с ней. Рэйчел обвила руками его шею, прижимаясь к нему.

Джейсон прервал поцелуй, а затем коснулся губами ее скулы, шеи, ключицы. Его руки медленно скользнули вниз, накрыв ее ягодицы и прижимая ее к себе. Рэйчел почувствовала его нарастающее возбуждение. Потрясенная, она задрожала от страсти и предвкушения.

Коротко вздохнув, Рэйчел высвободилась из его объятий и отступила. Джейсон молча следил за ней потемневшим от страсти взглядом. Она смотрела ему в глаза, но ничего не говорила: в словах не было нужды.

Рэйчел медленно развязала трясущимися руками халат и уронила его на пол. Затем расстегнула ночную рубашку и спустила ее с плеч. Рубашка упала к ее ногам. Все это время Рэйчел не сводила глаз с Джейсона.

Он резко выдохнул.

Рэйчел переступила через одежду и подошла к нему. Кровь стучала у нее в висках, дыхание участилось.

Долгие мгновения он смотрел на нее, а она ждала, напряженная от предвкушения. Затем Джейсон поднял Рэйчел на руки и отнес ее к

кровати. Никто из них не произнес при этом ни слова.

Джейсон уложил ее на кровать, и Рэйчел стала смотреть, как он раздевается, медленно и тщательно, как и она сама. Она никогда не видела его полностью раздетым, и сейчас от этого зрелища у нее кружилась голова. Мускулы на его руках перекатывались под кожей, плечи были широкими, а грудь мощной и рельефной, слегка покрытой волосами… Боже милосердный, как же он возбужден! Сердце Рэйчел забилось еще быстрее.

Подойдя к кровати, Джейсон лег рядом с Рэйчел, притянув ее к себе. Какое-то время они лежали неподвижно и Рэйчел наслаждалась прикосновением к его коже. Затем она потянулась к Джейсону, и их губы соприкоснулись. Страсть моментально вспыхнула в ней с неукротимой силой, и нежность была вынуждена отступить.

Ее руки, ее губы жадно скользили по нему, познавая, вспоминая. Он ласкал ее пальцами, языком и зубами, везде и сразу, с нетерпеливостью, сравнимой лишь с ее собственной. Их руки и ноги сплетались, как сплеталось в тугую спираль их вожделение. Страсть наполняла их души.

И вновь Рэйчел вздрагивала от его прикосновений, а он от ее.

Вчера слилось с сегодня. Не было больше прошлого и будущего, только экстаз от его объятий. Она была девушкой, лежащей на конюшне с юношей, которого любила. Она была женщиной, жаждущей мужчину, которого не надеялась когда-либо увидеть.

Годы разлуки поблекли и исчезли, и не было в мире ничего, кроме него, нее и этого момента.

Джейсон вошел в нее, и она вскрикнула — ее охватило неописуемое чувство близости, потрясающее ощущение правильности происходящего. Они двигались вместе в полной гармонии друг с другом, и движения их тел пробуждали в Рэйчел давно забытую уверенность. Уверенность в том, что они идеально подходят друг другу — как ключ и замок, как рука и перчатка, как звезда и небеса.

Это продолжалось до тех пор, пока бушующее внутри нее чувство не выплеснулось наружу ослепительным взрывом, который до этого существовал лишь в ее памяти, в ее снах. Джейсон выгнулся, выдохнув. И Рэйчел приникла к нему. Ее жажда была больше, чем страсть, сильнее, чем плотское желание. Джейсон прижал ее к себе,

дрожа в ее руках.

Рэйчел хотелось смеяться, и плакать, и вечно оставаться в его объятиях. Не вспоминать о прошлом, не думать о будущем.

Не говоря ни слова, Джейсон обнял ее сильнее, словно прочел ее мысли. И в тот момент это было все, чего она хотела, все, что ей было нужно. Они лежали так несколько минут или часов, и это было все, в чем они нуждались.

В последнее мгновение перед тем, как провалиться в сон, Рэйчел подумала о том, получила ли она все — или ничего.

Несколько долгих часов Джейсон лежал рядом со спящей Рэйчел. Он смотрел, как она прижимается щекой к подушке, на ее приоткрытые губы, на линию бровей. Он никогда раньше не видел, как она спит. И даже в юности не видел ее такой умиротворенной. Женщина, лежавшая рядом с ним, выглядела не старше, чем девушка, которую он давно оставил.

Джейсон сдержался, чтобы не коснуться ее лица пальцем. Он хотел касаться ее, держать ее в объятиях, хотел, чтобы она лежала рядом с ним каждый день его жизни. Это желание пылало в нем с момента их первой встречи и никогда не угасало.

А что же Рэйчел? Джейсон был уверен, что она любит его, но не знал, готова ли она признать и принять свои чувства. Она совокуплялась с ним со страстью не меньшей, чем его собственная, но все же он понимал, что она сдерживается. Чувства между ними были слишком сильны, и им не нужны были слова до того, как они занялись любовью, а после Джейсон понял, что она не хочет говорить. Он надеялся, что эта ночь не была ошибкой, но даже если и была, он просто не мог сожалеть о ней.

Ресницы Рэйчел затрепетали, и Джейсон подумал, видит ли она сон. Видела ли она его во сне? Господь свидетель, ему она снилась всегда, сколько он себя помнил.

Сработает ли его план? И если нет, то что тогда сработает? Может, ей просто нужно больше времени? Он слишком торопит события?

Джейсон поцеловал Рэйчел в лоб и осторожно встал с кровати. Рассвет мог наступить в любую минуту, и независимо от того, что она говорила о своей репутации, будет лучше, если слуги его здесь не застанут.

Встав, Джейсон снова посмотрел на спящую женщину.

Он ждал ее десять лет и теперь не собирался

сдаваться. Он добьется ее любви, даже если это займет еще десять лет.

Даже если это займет целую вечность.

Глава десятая

— Лорд Линдхерст ушел, миледи.

— Ушел?

У Рэйчел упало сердце. Она тяжело опустилась на стул у обеденного стола.

Опять. Но разве она не ожидала этого в глубине души?

— Миледи? — Мейфилд обеспокоенно нахмурился. — С вами все в порядке?

— Да, — ответила она, сама удивившись тому, что эти слова были правдой.

С ней действительно было все в порядке. Она не чувствовала себя разбитой или опустошенной. Наоборот, была спокойной и собранной. Да, в области сердца она ощущала ноющую боль, но это было не более чем слабое подобие той боли, которую она испытывала раньше. Наверняка это из-за того, что Рэйчел была готова именно к этому. Возможно, по отношению к Джейсону это было несправедливо, но когда жизнь была справедливой?

Рэйчел была огорошена пониманием: если она не верила Джейсону, то как она может любить его?

Видимо, она его и не любила. Она была права, пытаясь найти ответы в его объятиях. И как нынешняя боль была лишь подобием боли прошлой, так и удовольствие прошедшей ночи было лишь тенью.

— Миледи. — Мейфилд прокашлялся. — Милорд просил меня передать вам вот это. — Он протянул Рэйчел записку и карточку.

По крайней мере, на этот раз Джейсон не исчез без объяснений. Она спокойно извлекла записку из конверта и просмотрела текст.

«Моя дорогая Рэйчел!

Настало время расставить все точки над i. Прошу вас уделить мне несколько минут на сегодняшнем балу.

Навеки ваш,

Джейсон».

Рэйчел проигнорировала чувство облегчения, охватившее ее, когда она поняла, что он вовсе не оставил ее. Как проигнорировала и глупость собственных выводов. Как бы то ни было, это было как нельзя кстати — теперь она знала, что у нее на сердце.

Женщина взглянула на карточку, прилагавшуюся к записке. Это было приглашение на еще

один бал у леди Бредборн.

— Как странно, — пробормотала Рэйчел, взглянув на Мейфилда. — Бал у леди Бредборн был всего несколько дней назад. А это приглашение на сегодня. Наверное, тут какая-то ошибка.

Мейфилд пожал плечами.

— Леди Бредборн известна своей эксцентричностью.

— Полагаю, так.

Рэйчел перевернула карточку. Она не сомневалась в ее подлинности. Но даже если и так, это было чересчур даже для леди Бредборн.

Невидящим взглядом Рэйчел смотрела на приглашение. Не было ли в этом некой иронии? То, что началось десять лет назад на балу, закончится там же.

Конечно, она встретится с Джейсоном. Дом леди Бредборн был идеальным местом для того, чтобы сказать, что между ними ничего не может быть. Разумеется, они будут видеться и дальше. Учитывая семейные связи и положение, которое они оба занимали в обществе, избегать друг друга они не смогут. Но сегодня она попрощается с ним — это шанс, которого у нее раньше не было. И если Джейсон и правда отдал ей свое сердце, она вернет его ему.

Сегодня круг замкнется.
Наконец-то.

Рэйчел рассеянно отдала лакею свою накидку. Ее сердце часто билось в груди, а горло сжималось. Наверняка Джейсон уже здесь. Ждет ее. Что ж, она была готова. Невольно в ее памяти всплыли строки из письма Джорджа:

> *«Когда я пишу это письмо, я вспоминаю, сколько раз размышлял о том, как же мне следовало поступить. В конце жизни ты жалеешь о каждом поступке, который должен был совершить, но так и не совершил. И о том, что тебе есть о чем жалеть».*

Жалеть? Будет ли она жалеть о том, что сегодня сделает? Будет ли до конца своих дней размышлять о том, как следовало поступить?

Рэйчел вошла в бальный зал леди Бредборн и замерла.

Комната была обильно украшена. Свежие цветы, перевязанные шелковыми лентами, стояли в горшках и вазах на столах. В хрустальных люстрах горели свечи. Музыканты, игравшие на новогоднем балу, вновь заняли свои места на

балкончике. Но никого из гостей в зале не было.

Рэйчел была слишком поглощена своими мыслями, чтобы обратить внимание на то, с какой легкостью возница подъехал к зданию — рядом не было других повозок. Но сейчас она не могла не обратить внимание на то, что, не считая слуг, она находилась в зале одна. Балы леди Бредборн всегда собирали толпу, а сейчас не было видно даже хозяйки дома.

— Миледи, прошу вас следовать за мной, — сказал внезапно возникший у ее плеча Мейфилд.

— Мейфилд? — Рэйчел уставилась на него, не веря своим глазам. — Что ты здесь делаешь? Что происходит?

— Все прояснится в свое время, миледи. А теперь соблаговолите последовать за мной.

Обернувшись, дворецкий пошел вглубь зала.

— Мейфилд! — резко сказала Рэйчел.

Он не отреагировал, и у нее не осталось выбора, кроме как пойти за ним.

— Мейфилд, где остальные гости? Где леди Бредборн? И что ты здесь делаешь?

Рэйчел это не нравилось — безропотно следовать за Мейфилдом, не зная, что будет дальше. Все это походило на сон, направляемый незримыми силами. Рэйчел нервно сжала руки, надавив

большим пальцем на ладонь. Наверное, здесь какая-то ошибка? Возможно, бал отменили, а слуг не успели уведомить об этом.

«Но это мои слуги!»

Все это не имело смысла. Ощущение сна все усиливалось, и Рэйчел охватили мрачные предчувствия.

— По крайней мере, Мейфилд, скажи мне…

— Миледи.

Дворецкий остановился так резко, что Рэйчел едва не наткнулась на него. Он повернулся к застекленной двери, ведущей наружу, и отступил в сторону.

— Вас ждут в саду.

— В саду? Это абсурд. В это время года никто не выходит в сад. Мейфилд, я требую, чтобы ты прекратил…

Никто, кроме семнадцатилетней девушки, ждущей свою любовь.

У Рэйчел перехватило дыхание.

Джейсон?

К ней подошел лакей — один из ее слуг — и передал дворецкому ее накидку. Рэйчел подумала, что в любой момент здесь может появиться и ее повар.

— Вам это понадобится, миледи. — Мейфилд

накрыл накидкой ее плечи. — Полагаю, вам следует…

Он легонько подтолкнул ее, и Рэйчел подумала, что дворецкому следовало бы сделать выговор за подобную дерзость, но прямо сейчас она могла лишь подчиниться ему.

Казалось, ноги сами несли ее через террасу вниз по ступенькам в сад, к тому самому месту, где она ждала начала новой жизни.

Рэйчел услышала позади шаги и, не оборачиваясь, поняла, кто это.

— Вы опаздываете, милорд, — сказала она, стараясь, чтобы ее голос звучал спокойно.

— Меня задержали, — мягко ответил Джейсон. — Больше это не повторится.

— Ждет ли нас повозка, чтобы отвезти на корабль, следующий в Америку?

Он усмехнулся.

— Не сегодня. Но это всегда можно организовать. Можно организовать все, что ты захочешь.

Рэйчел тяжело вздохнула и обернулась.

— Все?

— До тех пор, пока я могу заручиться помощью твоих слуг и леди Бредборн. Она очень романтичная натура, знаешь ли. — Джейсон улыбнулся своей кривоватой улыбкой, и у Рэйчел кольнуло

сердце. — Тебе нравится?

— Впечатляет. — Она кивнула и улыбнулась. — Даже не верится. Это… ну… идеально.

— Так и должно быть, — серьезно ответил Джейсон, подходя ближе к ней. — Рэйчел, я не могу изменить прошлое. Господи, как бы я хотел быть способным на это! Но мы можем начать все заново. Нам выпал второй шанс прожить жизнь так, как мы хотели. Мы можем им воспользоваться.

— Нет. — Внезапно запаниковав, Рэйчел отстранилась. — Я…

— Я люблю тебя, Рэйчел. Я никогда не переставал любить тебя.

— Но я не люблю тебя. Теперь я это понимаю. — Рэйчел старалась не кричать, сражаясь с болью, которой наполняли ее эти слова. — Когда-то я любила тебя, но той девушки давно уже нет, а женщина, стоящая перед тобой, не умеет любить.

— Я тебе не верю. — Джейсон подошел ближе. — А даже если бы и верил, мне нет до этого дела. Того, что я люблю тебя, достаточно.

— Мне нет, — сказала Рэйчел, чувствуя, как ее охватывает злость. — И тебе тоже. Ты заслуживаешь большего. *Джордж* заслуживал большего. Я

любила его, но не так, совсем не так, как тебя. — Она покачала головой, ища слова, чтобы он ее понял. Чтобы она сама себя поняла. — Во мне не осталось страсти. Теперь я это знаю. То, что было между нами, ушло давным-давно. И этого уже не вернуть.

— Не вернуть? — переспросил Джейсон после долгой паузы. — Ты уверена?

— Да! — Рэйчел кивнула. *Уверена ли она?* — Хотела бы я, чтобы это было не так.

— Я не сдамся, — тихо сказал Джейсон. — Один раз… вернее, два раза я уже отступил. И этой ошибки я не повторю. Моя душа принадлежит тебе, Рэйчел. И всегда будет принадлежать.

— Ты меня не слушаешь. Я не могу дать тебе того, что ты хочешь. Чего ты заслуживаешь. — Она отвернулась, обхватив себя руками за плечи. Почему это так сложно? Почему он не может просто смириться с правдой? — Ты не можешь организовать всю жизнь так же, как организовал этот вечер. — Рэйчел снова повернулась к нему. — Все кончено, Джейсон.

— Это тебе всего лишь кажется.

— Мне всегда будет так казаться.

— Я не смирюсь с этим. — Он покачал головой.

— У тебя нет выбора.

Джейсон посмотрел на нее.

— По крайней мере, позволь мне преподнести тебе небольшой подарок в знак моей привязанности. И серьезности моих намерений.

— Это очень мило с твоей стороны, но я не думаю…

— Он предназначен для тебя. Я не приму отказа.

Джейсон вынул из жилетного кармана небольшой предмет и протянул его Рэйчел. Предмет сверкал в свете свечей, горевших в бальном зале.

Дрожащей рукой она взяла его и поднесла ближе к глазам, чтобы рассмотреть. Предмет был странной формы. Это была половина золотой монеты, свернутая в кольцо.

— Ты хранил ее? — Рэйчел едва смогла это произнести. — Все эти годы?

— Я же сказал, что буду хранить ее. Всегда.

Рэйчел смотрела на монету, и из ее глаз текли слезы, мешавшие ей говорить. Барьеры, которые она возвела, чтобы сохранить жизнь и рассудок, пошатнулись. Чувства захлестнули ее. В голове зазвучали слова Джорджа:

«Мое самое сокровенное желание – что-

бы ты хотя бы допускала мысль о том, что чувство, которое когда-то было между вами, возможно, не угасло навсегда».

Что же она сейчас делает? Она заперла свое сердце, чтобы защитить его от боли расставания с Джейсоном, но тем самым закрыла его и для любви? Закрыла его для того единственного человека, который по-настоящему понимал ее? Для человека, который сохранил эту монету в память о ней, несмотря на время и расстояние, их разделявшие.

Для человека, которого она любила.

— Наденешь его мне на палец? — Рэйчел отдала Джейсону кольцо дрожащей рукой, и ее голос тоже дрожал.

— Если хочешь.

Джейсон взял кольцо, и Рэйчел протянула руку. Он медленно стянул с ее руки перчатку.

Под ней, в ее ладони, была вторая половина монеты.

Джейсон удивленно вздохнул, уставившись на нее.

— Я даже не надеялся… Ты ненавидела меня. Почему…

— Я хотела вернуть ее тебе сегодня, — сказала Рэйчел, посмотрев ему в глаза.

— А теперь?

— Теперь я все еще думаю, что она должна быть у тебя.

— Хорошо. — Голос Джейсона был печальным — это был голос человека, смирившегося с неизбежным. Человека, который наконец сдался.

Рэйчел сразу поняла, что возвращение монеты — это единственное, что могло заставить его признать свое поражение. Жест, который убедит его в тщетности любых попыток. Джейсон не понял, что за последние несколько секунд все изменилось. Он победил.

Нет, они победили.

— Так будет честно. — Слеза скатилась по ее щеке, а за ней еще одна, но Рэйчел не заметила этого. — У меня ведь твоя половина. И если мы возьмем по половинке монеты, то будем вместе духовно, если не физически. Хотя это и не обязательно.

— О чем ты говоришь? — Джейсон всмотрелся в ее лицо.

— Я говорю, что запрещаю тебе снова меня оставлять. — Слезы лились у нее из глаз, и весь мир вокруг помутнел, кроме его лица и пони-

мания, светившегося в его глазах. — Когда-либо до конца моих дней. И если ты попытаешься это сделать, даже если будешь думать, что я мертва, до тех пор пока у меня будет хоть капелька сил, я буду преследовать тебя до края света, прежде чем отпущу.

— Когда-либо? — медленно повторил Джейсон.

— Никогда, — всхлипнула Рэйчел. — Я люблю тебя. Всегда любила.

— Ты сказала, что не можешь меня любить. — Он поднял бровь.

— А ты сказал, что не веришь мне. — Она протерла глаза тыльной стороной ладони. — И ты был прав.

Он притянул ее к себе и с коварной улыбкой посмотрел на нее светящимися от радости глазами.

— Я знаю, что был прав.

— Только не надо излучать такое самодовольство. — Рэйчел шмыгнула носом. — Ты выводишь меня из себя, и я не знаю, как буду с тобой уживаться.

— Тебе придется этому научиться.

— Да уж, придется.

Джейсон ухмыльнулся, поцелуями убирая слезы с ее щек.

— А мне придется до конца дней уживаться с

хнычущей женщиной?

— Да. — Рэйчел рассмеялась сквозь слезы и подумала, что ее сердце снова разбито — как в последний раз, когда она так плакала. Потому что никакое сердце не может вместить столько счастья. Она высвободилась из его объятий и протянула ему руку. — Теперь возьми свою монету и дай мне мое кольцо.

Джейсон взял кусочек золота и положил его в карман. Затем надел кольцо на палец Рэйчел, поднес ее руку к губам и поцеловал.

— Наконец-то, Рэйчел, две половины монеты вновь соединились. Как и должно было быть.

— Все исправлено, — прошептала она.

«Я надеюсь, дорогая Рэйчел, что вы с Джейсоном сможете найти в своих сердцах прощение для меня. Не судите меня слишком строго. Я поступил так, потому что считал: так будет лучше для всех. Я молюсь о том, чтобы эти письма послужили своей цели и все было исправлено.

Я любил вас обоих.

Твой Джордж».

В конце концов все свелось к любви. Как гово-

рится, в болезни и здравии. И именно любовь Джорджа, выраженная в его последних письмах, любовных письмах, снова соединила их. И Рэйчел была ему за это благодарна. В ее сердце всегда будет место для него. В сердце, которое наконец открылось.

«Спасибо, Джордж», — подумала Рэйчел.

— Ты что-то сказала? — Джейсон улыбнулся ей.

— Я произнесла благодарственную молитву. — Она подняла на него глаза. — Разве не настало время снова поцеловать меня?

— Безусловно, настало. — Он улыбнулся и приник к ее губам.

Радость переполняла Рэйчел. Она наконец поняла, что круг ее жизни замкнулся. Она была с Джейсоном, как ей и было предначертано. И, как и кольцо на ее пальце, этот круг их любви был бесконечен.

Навсегда.

Рэйчел Гибсон. Отныне и навсегда

Глава первая

Брина Макконнелл обула пару туфель на бесстыдных десятисантиметровых каблуках и застегнула узкие ремешки на щиколотках. Туфли из красной замши выглядели так, будто только что были извлечены из шкафа хорошо одевающейся шлюхи. Брина любила носить туфли, которые увеличивали ее рост до восхитительных ста семидесяти сантиметров. Ее ноги в них казались длинными и стройными — об этом мечтала каждая невысокая девушка, а каждой высокой это было дано от природы.

Она встала и прошла к зеркалу походкой женщины, которая привыкла носить обувь на высоких каблуках и на платформе. Волнуясь, Брина опустила ладонь на живот и критически оглядела себя от носков туфель до кончиков темных волос. На вечеринку следовало идти в платье для коктейля, и красное платье без рукавов подходило идеально. Оно было незамысловатого фасона и облегало ее формы, округлившиеся только после окончания школы. Каштановые волосы Брины мягко опускались до середины спины. Губы она накрасила темно-красной помадой, а глаза под-

вела карандашом. Девушка привлекала к себе внимание благодаря экзотической внешности, и бóльшую часть времени ей нравился ее облик. Но не сегодня. Сейчас, глядя на себя в зеркало, она видела худую девочку-подростка с плоской грудью, которую одноклассники дразнили «жевуном»[2]. Это когда они вообще помнили о ее существовании. В основном же ее просто игнорировали, будто ее не существовало.

Брина подошла к прикроватному столику и взяла приглашение, присланное на адрес ее офиса в Портленде. Вверху было напечатано: «Встреча выпускников 1990 года школы Геллитона». Ниже были перечислены мероприятия. Список открывали вечеринка с коктейлями и танцы. Завтра утром организационный комитет предполагал катание на лыжах и поездку в старую школу, а ночью — празднование Нового года. Встреча заканчивалась воскресным завтраком.

Брину не удивляло то, что комитет решил провести эту встречу в канун Нового года вместо обычного летнего времени. Геллитон Пасс был небольшим городком, оживавшим в период лыжного сезона. Он мог похвастаться лишь бе-

[2] Примечания: 2

Жевуны — персонажи книги Ф. Баума «Удивительный волшебник из страны Оз». (*Примеч. ред.*)

лоснежными склонами, и, поскольку никаких особых достопримечательностей там не было, летом город практически пустовал. Новый год в Геллитон Пасс всегда был масштабным событием — местные жители старались вытрясти из туристов побольше денег.

Внизу в бальном зале одноклассники Брины начали собираться еще полчаса назад. Вместе с ней школу окончили семьдесят восемь человек, и ей было интересно, кто из них приедет.

Брина знала, что ее лучшая подруга, Стефани, приехать не смогла. Она жила в Восточном Техасе и лишь недавно родила вторую дочь. Оставить новорожденную Стефани не решилась, а о том, чтобы везти младенца в Геллитон, не могло быть и речи. Не стоило рисковать ради того, чтобы повидать людей, которые, будучи детьми, ее игнорировали.

В Геллитон Пасс никогда не было среднего класса. Здесь жили люди, которые имели все, и люди, у которых не было ничего. Были те, у кого был бизнес в курортном городке, и те, кто на них работал. Брина и ее друзья относились ко второй категории.

Листок бумаги выскользнул из ее руки и упал на кровать. Брина нарочно медлила, и отдавала себе

в этом отчет. Она работала частным детективом в фирме «Кейн, Фостер и Морган», разыскивала людей, которые не желали, чтобы их нашли, и раскрывала факты, которые предпочитали замалчивать. В начале карьеры Брина занималась супружескими изменами, но теперь ей в основном поручали розыск пропавших людей и вещей и расследование случаев мошенничества со страховкой. Не однажды она доказывала, что так же хорошо справляется с этим, как и любой мужчина. Брина могла быть очень напористой, разговаривая с родителями, не желающими поддерживать материально своего ребенка, или с супругами, которые предпочитали, чтобы их считали пропавшими без вести.

Взяв красную шелковую шаль, Брина накинула ее на плечи. Вернувшись домой, она снова почувствовала неуверенность. Но она должна была приехать. Должна была показать им, что смогла чего-то добиться. Что она больше не была той неприметной девочкой, которая отчаянно пыталась привлечь к себе внимание. Девочкой, которая во время этих попыток потеряла кое-что важное.

Брина взяла сумочку и вышла из номера триста шестнадцать в «Тимбер Крик Лодж», не оста-

новившись для того, чтобы бросить последний взгляд на свое отражение. Спустившись в лифте на первый этаж, она услышала звуки вечеринки, доносящиеся слева по коридору. В гостиной справа у камина отдыхали лыжники.

Брина подошла к регистрационной стойке. Перед ней стояли лишь мужчина и женщина, похоже, его жена, которая была на сносях. Вскоре Брина уже смотрела в глаза Минди Франклин, главе группы поддержки и секретарю класса. Минди была по-прежнему симпатичной. Казалось, что она вот-вот начнет размахивать помпонами, требуя от окружающих продемонстрировать боевой дух школы. Только теперь на ее табличке значилось: «Минди Бертон». Наверняка она вышла замуж за своего парня, капитана лыжной команды и наследника «Тимбер Крик Лодж», Бретта Бертона.

— Ваше имя?

Она и не надеялась, что Минди ее узнает. После выпуска Брина подросла на пять сантиметров, а ее грудь и бедра заметно округлились.

— Брина Макконнелл.

— Брина Макконнелл? — Минди открыла рот от удивления. — Я тебя не узнала.

— Я поздно расцвела.

— Не ты одна. Подожди, увидишь Томаса Мака. — Минди выдала Брине бейдж. — Но ты и так, наверное, его все время видишь. Он ведь был твоим парнем?

Да, недолгое время Томас Мак был парнем Брины, но до этого они с первого класса были друзьями. Брина вспомнила мальчика с большими синими глазами и длинными черными ресницами. Он всегда был высоким не по возрасту, таким худым, что были видны его кости, и таким умным, что ведущие университеты страны предлагали ему стипендию.

Она приколола бейдж к платью и ответила:

— Нет, я не видела Томаса с двенадцатого класса.

«С тех пор как бросила его в год выпуска ради Марка Харриса, здорового, мускулистого быка, который был квотербэком футбольной команды».

Одиннадцать лет они с Томасом были близкими друзьями. Шесть месяцев, летом и осенью 1989 года, они были больше, чем друзьями. Но последние одиннадцать лет они не разговаривали. С той самой ночи, как Брина пришла к нему домой, чтобы сказать, что Марк Харрис пригласил ее на рождественский бал и она согласилась. Она разрушила свои отношения с Томасом ради такого

парня, как Марк. Слава богу, что она выросла и поняла свою ошибку.

Тогда же Брина думала, что очарована им, — в таком маленьком городе, как Геллитон, квотербэк футбольной команды был местной знаменитостью, ярче которой сияла разве что звезда капитана лыжников. Марк был *кем-то*, и он заметил *ее*.

Брина не хотела ранить Томаса, не хотела терять его дружбу и шла тем вечером к нему домой, надеясь, что они останутся друзьями. Как же она ошибалась! В тот день, когда она порвала с Томасом, он посмотрел на нее холодным взглядом и сказал: «Ты всегда хотела добиться чего-то большего. Это твой шанс. Но не ожидай, что я буду помогать тебе, когда твое сердце разобьется. Меня рядом не будет». И его действительно не было рядом с ней.

Ровно месяц спустя Марк бросил ее, а Томас продолжал жить своей жизнью. С тех пор, если они с Бриной оказывались в одном помещении, он делал вид, будто не знаком с ней.

— Он добился успеха.

— Кто?

— Томас Мак. Он организовал компанию про производству программного обеспечения.

Слышала, недавно он продал ее за несколько миллионов.

«Вот и хорошо», — подумала Брина. Томас всегда хвастался, что к тридцати годам станет миллионером. И похоже, ему это удалось. Он был одним из изгоев. Родителей Томаса убили, когда он был еще ребенком. Мальчика воспитали бабушка и дедушка, которые любили его, но не могли обеспечить всем необходимым. Но он добился успеха. Здорово будет снова его увидеть.

— Уверена, мы еще встретимся, — сказала Брина Минди и вошла в бальный зал.

Комната была украшена белыми лентами серпантина, а по полу были разбросаны белые воздушные шарики. В дальнем конце зала виднелась сцена, украшенная серебристыми блестками. Музыканты раскладывали инструменты, но, кроме них, на сцене никого не было. На дюжине подставок были размещены фотографии выпуска 1990 года. У каждой подставки собралась небольшая толпа, вспоминающая славные школьные деньки. Брина на фотографии не смотрела. Скорее всего, ее не было ни на одной из них.

Огромные окна во всю стену и двери с левой стороны зала выходили на террасу, откуда открывался вид на полную неровностей лыжную

трассу под названием «Снежная лодка». В стекле отражались люди, находившиеся внутри, но если присмотреться, можно было увидеть, что снаружи идет снег.

Брина прошла мимо расставленных по периметру зала круглых столов и заметила несколько знакомых лиц. В баре она заказала джин с тоником и оглядела зал в поисках высокого нескладного мужчины с непослушными волосами. Ее взгляд скользил от столика к столику, затем остановился на группе, стоявшей у фонтана с шампанским. Брина знала их всех по школьному оркестру. Кроме одного.

Мужчина, которого она не узнала, обернулся, будто почувствовав ее взгляд, и внезапно Брина ощутила не только волнение, но и легкое возбуждение.

Его темные волосы были коротко подстрижены, но все равно выглядели так, будто им нужна расческа. Она не могла разглядеть цвет его глаз, но они были глубоко посажены, и в его ответном взгляде можно было прочесть напряжение. У мужчины были широкие скулы и квадратная челюсть, а темно-синий костюм сидел на его широких плечах идеально — он явно был сшит на заказ. Одна пола пиджака была отброшена в

сторону. Левую руку мужчина держал в кармане брюк. Белая рубашка прилегала к груди, синий галстук удерживала на месте тонкая золотая булавка.

Брина поднесла к губам стакан. «Какой-то девушке очень повезло с мужем», — подумала она, когда его взгляд скользнул по ней, с губ и шеи на грудь. Обычно ее оскорбляло подобное бесцеремонное разглядывание, но сейчас было не похоже, что этот мужчина смотрел на нее с сексуальным интересом. Скорее с любопытством, изучая ее. Но когда его взгляд переместился на ее ноги, а затем снова пополз вверх, на губах мужчины появилась одобрительная улыбка, увидев которую Брина едва не подавилась кусочком лимона, плававшим в ее стакане.

Возможно, он не женат, подумала она. Наверное, какая-нибудь девушка упросила этого красавчика сопровождать ее сегодня. Или наняла манекенщика. Брина и сама подумывала над этим, но решила этого не делать — это заставило бы ее чувствовать себя неуютно.

— Брина Макконнелл?

Брина отвлеклась от созерцания мужчины в другом конце комнаты и перевела взгляд на женщину, стоявшую перед ней. Она мгновенно

узнала эти зеленые глаза и темно-рыжие волосы.

— Карен Джонсон? Как дела?

Они с Карен были президентом и вице-президентом клуба «Будущие домохозяйки Америки» и не раз напивались домашним вином отца Карен.

Карен развела руки в стороны, затем положила ладонь на круглый живот.

— Беременна в третий раз, — ответила она.

В третий? С тех пор как Брина окончила школу, она вступала в серьезные отношения всего дважды, и ни разу они не были продолжительными.

— Кто твой муж?

— Который по счету? — рассмеялась Карен.

Брина не знала, что на это ответить. «Срань господня» было явно неподходящим выражением. Вместо этого она спросила:

— Ты видела Томаса Мака? Я слышала, что он здесь.

Карен огляделась, а потом указала на манекенщика:

— Да вот же он.

* * *

Томас Мак мог определить с точностью до секунды, когда Брина Макконнелл его узнала.

Ее глаза округлились, рот удивленно открылся, прежде чем она сказала: «Боже, ты шутишь!» До этого момента она даже не догадывалась, кто перед ней. Он изменился со школьных лет. Как и она. По сравнению с той девочкой, которую он знал, Брина похорошела, да и формы у нее округлились.

Томас вспомнил, как увидел ее впервые — в первый день занятий в первом классе, ее карие глаза и огромную косу. У Брины всегда были пышные волосы, отчего ее голова казалась слишком большой.

Он также вспомнил, как впервые купил ей подарок. Это было в третьем классе, после того как Брине удалили миндалины. Томас приобрел для нее голубое мороженое на палочке, которое стоило четвертак и растаяло по пути к ее дому.

Он вспомнил день, когда умерла его собака, Скутер, похороны, которые они устроили старому черному лабрадору. Томас обнимал Брину, когда она плакала навзрыд. Томасу было тринадцать, и он не плакал, но ему тоже хотелось разрыдаться. В этот день он впервые заметил изменения, происходящие с ее телом. Он держал ее в объятиях, пытаясь вести себя как мужчина и сдерживая слезы, а руки Брины, обнимавшие его в ответ, и

маленькие груди, прижимавшиеся к его груди, сводили его с ума. Томас старался не представлять ее обнаженной. Он вспомнил, как оттолкнул ее и велел идти домой, потому что от ее нытья ему только хуже. Брина ушла, разозлившись, и так и не узнала, что он прогнал ее вовсе не из-за слез. Он поступил так из-за странного ощущения в груди и в паху. С того самого дня Брина Макконнелл мучила его, сама не зная об этом.

Лишь летом перед выпускным классом Томас решил, что с его чувствами к Брине нужно что-то делать. Они с друзьями были в кинотеатре «Рил ту Рил», смотрели фильм «Человек дождя», когда он наклонился к ней и впервые поцеловал. Брина не была его первой девушкой, но, когда порвала с ним, оказалась первой, кто причинил ему боль. Понадобилась пара лет и несколько подружек, чтобы Томас наконец забыл Брину Макконнелл.

Он многого добился с тех пор, как десять лет назад уехал из Геллитон Пасс. Томас поступил в Беркли и стал получать стипендию. Во время школьных выпускных экзаменов он набрал достаточно высокий балл, чтобы пойти сразу на второй курс. Три года спустя Томас защитил диплом по экономике и информатике. После колледжа он устроился на работу в «Майкро-

софт», но быстро понял, что не хочет работать на кого-то другого. Спустя недолгое время он и двое его друзей уволились и основали собственную компанию по производству программного обеспечения, «БизТех». Они разрабатывали программы для анализа тенденций рынка, и поначалу работа Томасу нравилась. Но вместе с компанией росло его разочарование.

День, когда они выпустили «Форчун 500» и о «БизТех» заговорили, был днем, когда Томас вспомнил, почему ушел из «Майкрософт». Компания больше не принадлежала ему, а до конца жизни думать о долях рынка и об акционерах ему не хотелось. Пять месяцев назад он продал свою долю и ушел.

Томасу было двадцать восемь лет, у него было достаточно денег, которых хватило бы на несколько жизней, и впервые у него не было цели. Теперь он понимал, чем руководствовались врачи и адвокаты, которые сворачивали успешную практику, чтобы стать ковбоями или автогонщиками. Впрочем, разведение скота и вождение машины не привлекало Томаса. Он подумывал о работе консультантом. Он не был уверен в том, что ему это придется по вкусу, но времени на то, чтобы поразмыслить, у него было

вдоволь.

Джордж Аллен, поставщик медицинского оборудования, бывший тромбонист школьного оркестра и главный шутник класса, закончил рассказывать анекдот, и все вокруг засмеялись.

Всю жизнь Томас прилагал максимум усилий, чтобы добиться успеха, и никогда не оглядывался назад. До тех пор, пока не получил приглашение на встречу выпускников. Когда он увидел в списке имя Брины, ему стало интересно, как она поживает. Растолстела ли она или, может, у нее пятеро детей? Чем больше он об этом думал, тем интереснее ему становилось.

Честно говоря, отчасти он приехал сюда лишь затем, чтобы выяснить, заставит ли она его сердце сжиматься.

Нет, не заставила.

Томас поднял свой стакан и посмотрел на Брину через стекло. Она наклонилась влево, рассматривая прическу Карен Джонсон. Затем на лице Брины появилась улыбка, которая не давала ему покоя с восьмого класса по двенадцатый. Тайна чуть приоткрытых женских губ заставляла Томаса дышать чаще. Его рукам не терпелось прикоснуться к Брине. Он вспомнил, как в ее комнате, у него дома или в старом дедушкином

автомобиле он испытывал возбуждение. Тогда Томас задумывался о том, что бы сделала Брина, если бы об этом узнала. Если бы он взял ее за руку и позволил почувствовать, что она с ним делает. У Томаса перед глазами все плыло от желания, но он так и не решился на что-то большее, чем просто поцеловать ее.

Он допил свой стакан к тому моменту, когда Джордж рассказал очередную шутку, на этот раз о женщинах и рыбах, и снова не засмеялся лишь Томас. Ему не нужно было колотить себя в грудь или унижать кого-нибудь, чтобы чувствовать себя мужчиной. Может, он и не расстался с девственностью в первый же год обучения в колледже, но наверстал упущенное время и мог с уверенностью сказать, что ни от одной женщины, которую он знал, не пахло рыбой. Рассмеяться значило признать, что такое было. В конце концов это заставило Томаса задуматься о том, с какими же женщинами путается Джордж.

— Поговорим позже, — сказал Томас и направился к бару.

Кто-то мог бы подумать, что у него нет чувства юмора. Нет, оно у него было, но в свое время Томас сам был объектом для слишком многих унизительных шуток, чтобы теперь над ними

смеяться.

Он заказал скотч с водой, повернулся и снова посмотрел на Брину, которая сейчас стояла прямо напротив него. Томас опустил взгляд и заглянул в ее карие глаза, которые так хорошо помнил.

— Привет, Томас, — сказала она.

Ее голос звучал не так, как прежде. Он стал более низким, более мелодичным. Это был голос женщины, а не девочки.

— Привет, Брина.

— Ты сегодня один?

— Сегодня и весь уик-энд.

Томас думал о том, чтобы прийти со спутницей. Его последняя девушка рекламировала белье для «Виктория сикрет». Они все еще были друзьями, и, если бы он попросил, она бы поехала с ним.

— Слава богу. — Брина тихонько усмехнулась. — А то я уж было подумала, что я единственный здесь одинокий человек.

— Джордж Аллен тоже один.

— Неудивительно, если он совсем не изменился, — покачала головой Брина. — Ты отлично выглядишь, Томас. Я тебя даже не сразу узнала.

Он узнал ее в ту же секунду, как только она вошла в зал.

— Я сильно изменился после школы.

— И я. Подросла на пять сантиметров.

В ее фигуре изменилось не только это, но Томас держал себя под контролем, глядя девушке в лицо, а не бегая глазами по ее телу. Хотя ему и хотелось это сделать. Не то чтобы он все еще продолжал желать ее, но ему было любопытно. У Брины теперь была неплохая грудь, и, из чистого любопытства, Томас был бы вовсе не против снять с нее платье и осмотреть повнимательнее. Нахмурившись, он попытался думать о чем-то другом. О погоде. О мировой политике. О том, кто выиграет Кубок Стенли в этом сезоне. О чем угодно, только не о том, как раздеть единственную женщину, которая разбила ему сердце.

Глава вторая

Брина посмотрела в синие глаза Томаса, сохранявшие серьезное выражение, и склонила голову. Стоявший перед ней человек напоминал худого мальчика из ее прошлого разве что цветом глаз и волос.

— Не знаю, известно ли тебе об этом, — предприняла она попытку завязать разговор, — но все сегодня говорят о тебе.

Томас приподнял бровь.

— Правда? И что же?

— А ты не знаешь?

Он сделал глоток и покачал головой.

— Ну… — протянула Брина. — Говорят, что ты богаче Дональда Трампа и встречаешься с Эль Макферсон и Кэти Айрленд одновременно.

— Выходит, я лучше, чем сам о себе думал.

В первый раз с тех пор, как Брина увидела его сегодня, морщинки в уголках его глаз подсказали ей, что ему весело.

— Жаль всех разочаровывать, — сказал Томас, — но это неправда.

— Хм. — Брина отхлебнула из стакана. — Значит, вторая сплетня тоже ложь.

— Какая?

— Это худшее, что можно представить себе в этом городе.

— Кто-то сказал, что я гей? — Томас улыбнулся краешком губ.

— Нет, хуже. Говорят, что ты стал демократом.

Он усмехнулся, сначала чуть изогнув губы, и лишь потом его лицо расплылось в широкой улыбке.

— Боже упаси! — Томас хмыкнул, а затем расхохотался грудным смехом, от которого по коже Брины побежали мурашки. — Не хотелось бы, чтобы местная НСА устроила на меня охоту.

Когда он улыбался, его глаза немного щурились и лицо преображалось, превращаясь из просто симпатичного в умереть-не-встать красивое.

— Нет, — сказала Брина, скользнув взглядом от его прямого носа к впадинке над верхней губой. — Этого тебе точно не хотелось бы.

— Как твоя семья? — спросил он.

— Хорошо, — ответила Брина, снова посмотрев Томасу в глаза. И она бросила этого парня ради Марка Харриса? И о чем она, черт возьми, только думала? — Никто из нас тут больше не живет. А как твои бабушка с дедушкой?

— Стареют. Я перевез их в Палм-Спрингс, там

они чувствуют себя лучше. Сначала им там не нравилось, но сейчас они обожают это место. — Он поднял стакан и сделал глоток. — А где ты теперь живешь?

— В Портленде, — ответила Брина и, пока рассказывала Томасу о своей работе, всматривалась в его лицо, пытаясь найти в нем черты мальчика, которого она знала.

Его глаза по-прежнему были темно-синими, а ресницы густыми. Щеки больше не были впалыми, а темные волосы были коротко подстрижены и уже не торчали непокорными прядями.

Когда их взгляды снова встретились, Томас спросил:

— Что ты ищешь, Брина?

— Тебя, — ответила она. — Думаю, знаю ли я тебя.

— Сомневаюсь.

— Помнишь то лето, когда мы охотились в лесу на ведьм и вампиров?

— Нет.

— Мы мастерили копья и деревянные кресты.

— Да, точно. Вспомнил, — сказал Томас.

В этот момент свет стал более тусклым, и они оба обратили взгляды на сцену. Там, где прожектор освещал серебряные блестки, казалось, лежал

первый снег.

— Всем привет, я Минди Франклин Бертон, — огласила Минди со сцены. — Добро пожаловать на собрание выпускников 1990 года школы Гелл-литон Пасс!

Все захлопали, кроме Брины. Она не могла — ее руки были заняты стаканом. Покосившись налево, девушка заметила, что Томас тоже не аплодирует. Внезапно она подумала о том, а что он вообще здесь делает. Насколько она помнила, он всегда говорил, что, когда уедет из Геллитона, больше никогда сюда не вернется. В тот единственный раз, когда она спросила, приедет ли он повидать ее, он ответил, что ей стоит поехать с ним.

— В 1990-м мы слушали Роберта Палмера, «Нью Кидс он зе Блок» и «Ю-Ту», — продолжила Минди.

«К Томасу это не относится, — припомнила Брина. — Он слушал Боба Дилана и Эрика Клэптона».

— Джордж Буш, сорок первый президент, принял присягу, а Люсиль Болл умерла в возрасте семидесяти семи лет. По телевизору мы смотрели «Веселую компанию» и «Закон Лос-Анджелеса», а в кинотеатрах — «Арахнофобию» и «Призрака».

А в нашем…

Мысли Брины вернулись к высокому человеку в идеально подогнанном костюме, стоявшему рядом с ней, и она снова задумалась о том, почему после многочисленных обещаний не возвращаться он здесь. Возможно, как и она, Томас приехал, чтобы показать: он больше не изгой, его жизнь состоялась. Но ему никогда не было дела до того, что думают окружающие. В сущности, Брина не знала другого человека, который придавал бы мнению окружающих так мало значения. Но это было десять лет назад. Люди меняются. Она уж точно изменилась, и Томас наверняка тоже.

— В 1990-м году наша футбольная команда прошла на чемпионат штата, а лыжники заняли первое место на местных соревнованиях.

Во внутреннем кармане пиджака у Томаса запищал телефон. Он вынул его и поднес к уху, заговорив приглушенным голосом.

— Как ты себя чувствуешь?.. И что он сказал?.. Оу… — Он помолчал, сдвинув брови. — Ты подключил его к порту, как я говорил?.. Да, к этому… Бабушка пролила свой постум[3] на клавиатуру? Конечно, это проблема… Что? Подожди минут-

---

[3] Примечания: 3

Один из заменителей натурального кофе. (*Примеч. ред.*)

ку… — Томас посмотрел на Брину. — Уверен, мы еще увидимся до конца уик-энда, — сказал он и вышел из зала, держа в одной руке телефон, а в другой стакан.

Брина снова обратила взор на сцену. В последний раз она была в зале «Тимбер Крик Лодж» во время рождественского школьного бала. Той ночью она тоже была в красном — на ней было красное сатиновое платье, которое мама сшила ей из ткани, купленной в местном магазинчике. В волосах у Брины были розы. Ее парень, Марк Харрис, был в черном смокинге.

Брина долгие годы была влюблена в Марка, но он заметил ее и пригласил на бал лишь после того, как его девушка, королева бала и капитан черлидеров Холли Баханан бросила его — за две недели до Рождества. Они встречались еще пару недель, пока Холли не щелкнула пальцами и Марк не помчался к ней. Брина была раздавлена.

И, будто бы призванный этими мыслями, перед ней возник Марк Харрис. Он посмотрел на бейдж с ее именем и улыбнулся:

— Жевун?

Брина нахмурилась, а он запрокинул голову и рассмеялся. Сколько она помнила Марка, у него всегда были самые белые зубы, какие ей только

доводилось видеть. За прошедшие десять лет он почти не изменился. Правда, его светлые волосы сильно потемнели, а в уголках глаз залегли едва заметные морщинки. Но с годами Марк лишь похорошел. Его зеленый галстук гармонировал с рубашкой, заправленной в брюки цвета хаки. Марк был не таким уж мускулистым, каким его помнила Брина, но все же выглядел довольно крепким.

Минди продолжала говорить, и ее слова периодически заглушались аплодисментами. Марк положил руки на плечи Брине и заглянул ей в глаза.

— Боже, ты потрясающе выглядишь! — сказал он, сверкнув своей идеальной улыбкой. — Не могу поверить, что бросил тебя ради Холли. Каким идиотом я был!

То же самое она думала по поводу Томаса, и эти слова вызвали у Брины улыбку.

— Да, был. Но не стоит себя корить. Холли была ходячей куклой Барби. — Она покачала головой. — Я всегда думала, что вы поженитесь.

— Мы и поженились. А потом развелись. — Марк произнес это так, будто не придавал этому факту большого значения.

«Интересно, сколько еще человек из нашего

класса успели пожениться и развестись?» — подумала Брина.

— Ты тут одна? — спросил он.

— Да.

— Вот повезло. Я тоже. — Рот Марка растянулся до ушей. — Идем, поболтаем с парнями. Все пытаются угадать, кто ты такая, но никому это не удалось. — Он приобнял девушку за талию и объяснил: — Никто тебя не узнал, когда ты вошла. Потом мы видели, как ты разговаривала с Томасом Маком, и подумали, что ты с ним. Но ты не с ним, да?

— Нет, не с ним.

Брина оглядела комнату и заметила Томаса у входа — он разговаривал с высокой блондинкой в облегающем черном платье. Несомненно, это была Холли Баханан, королева школьного бала. Сколько Брина ее помнила, Холли всегда была прекрасной блондинкой. Ей было неведомо, что такое подростковое уродство, и если в мире существовало неписаное правило, что все богатые и красивые девушки должны быть милыми и добрыми, то Холли никогда о нем не слышала. Или же ей просто было на него наплевать.

Томас и Холли стояли вполоборота к залу, она положила руку на его локоть и улыбалась. «Что

такого смешного он ей сказал?» — подумала Брина. Томас не сделал ничего такого, чтобы заставить улыбаться *ее*. Да и вообще, с ней он держался скованно, совсем не как тот мальчик, которого она помнила.

— Думаю, нам стоит послушать Минди, — сказала Брина, когда Марк указал ей на небольшую группу людей справа.

Было время, когда его прикосновение заставляло ее сердце трепетать. Теперь же это был просто мужчина, которого она знала. Один из тех, с кем она когда-то переспала и теперь жалела об этом.

— Никто не слушает Минди. Даже Бретт, — сказал Марк, подведя ее к своим друзьям.

В школе это всегда были люди с деньгами, гордо носящие свои абонементы на лыжных куртках как символ статуса просто потому, что могли себе это позволить. Брина узнала некоторых из них, а остальных не вспомнила, пока они не представились. Живя в таком маленьком городе, она росла вместе с ними, но они никогда не были ее друзьями.

Слушая их теперь, Брина поняла, что большинство из них по-прежнему обитали в Геллитоне. Многие женились сразу после школы или в колледже, но быстро развелись, и сейчас у них были

новые отношения. Пока они вспоминали девяностые так, как будто это была лучшая пора их жизни, Брина смотрела на Томаса.

Школьные годы точно не были лучшей порой ее жизни, да и его тоже. Будто прочтя ее мысли, Томас посмотрел поверх головы Холли, встретившись с Бриной взглядом. Он смотрел на нее несколько долгих секунд с непроницаемым выражением лица, затем нахмурился и отвернулся.

Стало еще темнее, когда Минди закончила свою речь, и Брина уже не могла видеть лицо Томаса. Он стал лишь силуэтом в темной комнате.

На сцену вышли музыканты и, настроив инструменты, начали вечер с вполне приличного исполнения «Turn You Inside Out». Марк взял Брину за руку и вывел ее в круг танцующих. Обняв девушку и прижав ее к себе, он спросил:

— Что ты будешь делать позже?

Брина поздно прилетела, и ей больше всего хотелось принять душ и улечься спать.

— Направлюсь в свою комнату.

— Мы потом планируем пойти ко мне. Присоединяйся.

Брина отстранилась и посмотрела Марку в лицо. Поразмыслив, она решила, что лучше лечь спать, чем снова слушать о том, как он и его

друзья катались на лыжах голышом или как они разыграли членов шахматного клуба, спрятав всех королей.

— Думаю, сегодня мне нужно как следует выспаться, — ответила она.

— Ладно, тогда давай встретимся завтра. Мы будем на заднем склоне.

Проведя столько времени в Геллитоне, Брина знала, что Марк имел в виду задний склон горы Сильвер Доллар, где они будут кататься на лыжах. Но жить в горнолыжном курортном городе — это одно, а уметь кататься на лыжах — другое. Брина не умела.

— Постараюсь прийти.

Марк привлек ее ближе к себе. Брина посмотрела через его плечо и заметила Томаса среди танцующих.

— Твои волосы приятно пахнут, — сделал ей комплимент Марк.

— Спасибо.

Томас держал в объятьях Холли, двигаясь с такой грацией, какой Брина никогда в нем не замечала. Холли обнимала его за шею, а он прижимал ее к себе слишком близко. Видеть, как его руки лежат на ее талии, как соприкасаются их тела, было невыносимо.

Марк говорил о своем бизнесе и периодически делал Брине комплименты. Он был очарователен, но внимание девушки было сосредоточено на другом конце комнаты. Брина не могла не смотреть на Томаса и Холли, и ей не давали покоя мысли о том, почему же ее так гложет то, что они вместе.

Ответ пришел с последним гитарным аккордом. Брина считала, что Томас принадлежит ей. Он так долго был для нее добрым другом, и, несмотря на то, что она повела себя с ним ужасно, Брина все равно испытывала привязанность к нему. Честно говоря, она не могла видеть его вместе с Холли. Возможно, потому, что знала: будь Томас водителем автобуса или механиком, Холли не потрудилась бы даже пересечь комнату, чтобы поговорить с ним. Но было кое-что еще, что-то похожее на ревность. Чувства Брины были бессмысленны и нелогичны, и девушка запутывалась все больше.

Она оставила Марка и направилась к бару. Чувствуя себя немного уставшей, Брина раздумывала о том, выпить ли ей еще или сразу идти спать. Но ни того, ни другого она не сделала. Брина наткнулась на свою бывшую партнершу по лабораторным работам в десятом классе Джен

Ларкин. Джен набрала около сорока килограммов и по-прежнему была обладательницей самого большого количества веснушек в мире. Они немного поболтали, но громкая музыка делала разговор практически невозможным, и в итоге они просто выкрикивали друг другу вопросы. Через несколько песен Брина потеряла Томаса из виду и не могла не думать о том, не ускользнул ли он, чтобы завалить королеву бала.

Но нет, Томас и Холли прошли мимо нее и встали в очередь в бар. Брина не могла не признать, что они отлично смотрятся вместе.

На сцене музыканты начали исполнять мелодию, которую Брина сразу узнала — она годами слушала ее на дешевом магнитофоне Томаса. Не успев одернуть себя, она подошла к нему и сказала:

— Они играют нашу песню.

В тусклом свете люстры Томас долго смотрел ей в глаза, будто раздумывал над чем-то. И когда Брина уже решила, что он так ничего и не ответит, он наконец сказал: «Прости нас, Холли» и взял Брину под локоть.

Он взял ее за руку и отвел на переполненный танцпол.

— С каких это пор «Lay Lady Lay» — наша пес-

ня? — спросил Томас, кладя другую руку ей на талию.

Брина положила ладонь ему на плечо. Ткань его пиджака была холодной на ощупь.

— С тех пор, как ты часами крутил мне Боба Дилана.

— Ты ненавидела его, — ответил Томас, глядя поверх ее головы.

— Нет, просто мне нравилось тебя дразнить.

Он держал ее на расстоянии нескольких сантиметров, будто не хотел, чтобы она вторгалась в его личное пространство. Будто был бесстрастным учителем танцев. А вот когда в его пространство вторгалась Холли, он был совсем не против. Брина сама не ожидала, что ей будет так горько от этого. Эти чувства сводили ее с ума.

— Томас?

— Ммм?

Брина посмотрела в его скрытое в тени лицо, в плохо различимые в полумраке глаза, на его нос и четко очерченный рот.

— Ты все еще злишься на меня?

— Нет. — Он наконец опустил глаза на Брину.

— Как думаешь, мы сможем снова быть друзьями?

Опять, как будто ему нужно было подумать

над этим, Томас помолчал и ответил лишь через несколько тактов:

— Что ты имеешь в виду?

На самом деле Брина и сама не знала ответа на этот вопрос.

— Ну, что ты планируешь делать завтра?

— Кататься на лыжах.

— Когда ты успел этому научиться? — спросила Брина, удивленная таким ответом.

— Около шести лет назад.

— И как, тебе нравится? — поинтересовалась она, не придумав ничего умнее.

Томас притянул девушку чуть ближе к себе и крепче обнял ее за талию.

— У меня есть дом в Аспене, — ответил он так, как будто это все объясняло.

В каком-то смысле так оно и было.

Его палец погладил ее ладонь, и Томас прижал ее руку к груди. По коже Брины пробежали мурашки, как будто она почувствовала дуновение ветерка.

— Ты катаешься с Холли? — спросила Брина обыденным тоном, словно не умирала от желания выяснить это.

— С кем угодно. А ты собираешься встретиться с Марком Харрисом и его сворой?

— Нет. — Брина не хотела тратить время на разговоры о Марке. — Помнишь, как я копила деньги, работая няней, чтобы купить лыжный инвентарь и вступить в клуб?

— И в первый же день сломала ногу.

— Ага. Больше я не пыталась научиться кататься на лыжах. — Брина провела рукой по плечу Томаса, коснувшись воротника его белой рубашки. Тепло его тела нагрело полотно. — Завтра я думаю пройтись по магазинам и посидеть в отеле.

Рука Томаса скользнула по ее талии, и он прижал девушку к груди. У Брины перехватило дыхание.

— Довольно скучное занятие.

Губы Томаса были у ее правого виска. Он так и не предложил составить ей компанию.

— Ты видел, сколько в этом зале беременных? Я найду, с кем поболтать.

Брина слегка повернула голову и глубоко вдохнула аромат его одеколона и теплой кожи. От него так приятно пахло, что она с трудом подавила искушение прижаться к его шее носом. Брина подняла большой палец, коснувшись его кожи над воротником, и почувствовала ее тепло.

«Интересно, что бы он сделал, если бы я сказала

ему, как сильно по нему скучала? — подумала Брина. — Сказала, что даже сама не понимала этого, пока не увидела его здесь сегодня. Я была счастлива снова увидеть его».

Она подумала, чувствует ли он то же самое, но боялась спросить. Брина хотела послушать его, ведь она даже не знала, где он сейчас живет.

— А что ты будешь делать остаток вечера? — спросила Брина, подумав, что, возможно, они могли бы сесть где-нибудь и наверстать упущенные десять лет.

— Есть несколько вариантов, но я еще не знаю, какому из них отдать предпочтение.

Брина не хотела выглядеть в глазах Томаса жалкой и потому ответила:

— Да, и со мной то же самое. Марк пригласил меня на вечеринку к себе домой.

Из динамиков прозвучали последние аккорды «Lay Lady Lay», и Томас отпустил Брину, отступив на шаг.

— Может, пойдем вместе? — предложила девушка.

— Спасибо, но нет, не думаю. — Томас смотрел поверх ее головы на высокую блондинку, ждавшую его у бара. — Холли Баханан пытается меня соблазнить, — сказал он. — Она тренер по йоге и

изучает «Камасутру».

— Шутишь?

— Нет. Она говорила что-то насчет того, что может научить меня позе козла.

— Это пугает.

Конечно, Томас понимал, что Холли даже не взглянула бы на него, если бы он все еще был беден, и уж тем более не стала бы предлагать ему козлиные позы. Томас не мог быть настолько глупым, чтобы клюнуть на это. Он ведь всегда был очень умным.

— Она хочет тебя использовать.

— Ага.

— И что ты будешь делать?

— Думаю, я позволю ей это.

Глава третья

Проснувшись на следующее утро, Брина чувствовала себя такой же усталой, как и когда ложилась спать. После танца с Томасом ее снова пригласил Марк, и в конце концов она оказалась у него дома с его друзьями. Выяснилось, что все они не так уж изменились. Брина ушла с вечеринки, чувствуя, что довольна своей жизнью в Портленде. Хоть у нее и не было парня, она явно сделала правильный выбор.

Когда Брина добралась до своего номера в отеле и забралась в кровать, у нее из головы не выходили Томас и Холли, изображающие козлов. Чем дольше Брина думала об этом, тем сильнее злилась. Ей хотелось, чтобы Томас сейчас оказался рядом с ней и она могла его ударить. Девушка так и не заснула до трех часов утра. Сейчас было восемь тридцать, и Брина все еще чувствовала себя обессиленной.

Она села на краю кровати, отбросив одеяла, позвонила в обслуживание и заказала кофе и бейгл[4]. На кухне сказали, что завтрак будет готов

---

[4] Примечания: 4
Изделие из дрожжевого теста, как правило, с начинкой. (*Примеч. ред.*)

через двадцать минут. Девушка направилась в душ. Стоя под струями теплой воды, льющимися ей на голову, Брина думала о том, почему же ее так беспокоит ведущий себя как козел Томас? Возможно, потому, что она была о нем лучшего мнения, по крайней мере, в том, что касается его вкуса. Конечно, Холли все еще была красива, и после окончания школы прошло десять лет. Может, Холли изменилась и стала лучше? Брина в этом сомневалась.

Девушка взяла шампунь и принялась втирать его в волосы. Может, она просто придумала себе Томаса, а на самом деле он был вовсе не такой? В ее памяти сохранился образ мальчика, которого она знала, который ходил с ней в кино, просто чтобы составить ей компанию. Брина думала, что он остался прежним. Но люди меняются. И Томас изменился. Он стал… мужчиной.

После душа Брина замотала волосы полотенцем и почистила зубы. Раздался громкий стук в дверь, и девушка быстро натянула бежевые трусики.

— Минутку! — крикнула она, хватая халат и просовывая руки в рукава.

Вынув из кошелька десять долларов, она торопливо завязала пояс. «В девять утра, — подумала Брина, — обслуживающий персонал привык

видеть людей в банных халатах».

Но открыв дверь, она увидела вовсе не официанта. На пороге стоял Томас. Он выглядел чистым, свежим и довольно хорошо отдохнувшим для человека, который вместе с королевой школьного бала всю ночь пробовал позы различных животных. Его белая водолазка была заправлена в черные лыжные штаны, а на рукавах было написано «DYNASTAR»[5].

— Я думал, ты уже готова, — сказал Томас.

Брина плотнее запахнула халат.

— Лучше бы ты позвонил.

— Почему?

Она посмотрела в его синие глаза и констатировала очевидное:

— Я не одета, Томас.

— Я уже видел тебя голой.

— Когда?

— Когда ты потеряла плавки.

— Тогда мне было восемь лет. С тех пор мы немного подросли.

— Не так уж ты и подросла.

Принесли завтрак, и, прежде чем Брина успела запротестовать, Томас заплатил официанту и

---

[5] Примечания: 5
Компания-производитель лыжного инвентаря.

внес поднос внутрь. Брина закрыла за ним дверь, пока он мерил комнату шагами. Томас поставил поднос на стол напротив окна и отодвинул драпировку, чтобы найти шнур, открывающий шторы. Занавески разъехались в стороны, и яркий солнечный свет заполнил комнату, освещая все углы, кроме входа, где стояла Брина.

Она прислонилась к закрытой двери, разглядывая короткие черные волосы Томаса и его загорелую шею. Она оценила его широкие плечи, узкую талию и упругие ягодицы. У него всегда были длинные ноги и большие ступни, и, когда он вошел внутрь, комната стала казаться меньше. Свежий запах его кожи смешивался с ароматом кофе, и в животе у Брины заурчало от голода — она не знала, что именно стало тому причиной: вид бейгла или Томаса.

Потом Томас обернулся, посмотрев на нее, и Брина смогла ответить на этот вопрос. В дневном свете его лицо было еще более красивым и идеально симметричным. Его кожа казалась более гладкой и загорелой. Он казался более… на ум приходило слово «смуглым». Смешение кровей отца-англосакса и матери-испанки создало идеальное сочетание страстности и контроля.

Под взглядом Томаса Брина чувствовала себя

обнаженной. Она сняла с головы полотенце, и ее влажные темные волосы рассыпались по плечам, прикрывая грудь и спину.

— Почему ты не катаешься с Холли на лыжах?

Вместо ответа Томас налил кофе в чашку.

— Ты ушла прошлой ночью от Марка? — спросил Томас, подув на кофе и отпив.

— Я отправилась на его вечеринку, но мне стало скучно, и я ушла.

Томас приподнял бровь, опустив чашку.

— Очень жаль, — совершенно неискренне сказал он, быстро сокращая своими широкими шагами дистанцию между ними.

Нынче утром он выглядел куда более раскованным, более похожим на того беззаботного мальчика, с которым Брина вместе выросла, а не на мужчину, с которым она повстречалась вчера ночью.

В отличие от Томаса, нервы у Брины были напряжены, как будто она получила заряд электрошокера, которым иногда пользовалась на работе. Она взяла у него чашку и протянула ему десять долларов.

— Возьми.

— Оставь деньги, Брина.

Вместо того чтобы спорить, она наклонилась и

засунула купюру в карман его лыжных штанов. В ту же секунду, как ее рука скользнула между слоями нейлона и синтетики, Брина поняла, что это было ошибкой. Томас замер, и она отдернула руку, но было уже поздно. Воздух между ними зазвенел от напряжения. Брина убрала руку за голову, все еще чувствуя тепло его тела на кончиках пальцев. Она была уверена, что коснулась его члена, и теперь не знала, извиниться ей или сделать вид, будто ничего не произошло. Она выбрала последний вариант, но не могла заставить себя поднять глаза и встретиться с Томасом взглядом. Уставившись на его грудь, она спрашивала себя, сгорает ли и он со стыда.

— Ты пришел сюда, чтобы налить мне кофе?

— Я пришел, чтобы позвать тебя покататься на лыжах.

Она подняла глаза и с облегчением увидела, что Томас смотрит на нее так, будто ничего не произошло.

— Я же говорила — я не умею кататься.

— Я знаю. Я научу тебя.

— У меня и лыжной куртки нет.

— Можешь взять все, что нужно, напрокат, — ответил Томас и добавил, когда Брина уже собиралась сказать, что ей ничего не нужно, поскольку

она не хочет кататься: — Я за все заплачу.

— Нет, не заплатишь.

— Хорошо, не заплачу. — Томас посмотрел на свои серебряные часы. — Прокат открылся пять минут назад.

— Ты уже позвонил туда?

— Конечно. Как долго тебе одеваться?

Брина задумалась о том, что же ей делать: позволить Томасу научить ее кататься на лыжах или сидеть в гостинице и надеяться, что в следующие пять часов ей найдется с кем поговорить.

— Полчаса.

Томас окинул Брину взглядом, быстро скользнув глазами сверху вниз. Он успел рассмотреть ее халат, идеальную кожу, влажные волосы, розовый лак на ногах.

— Сможешь управиться за двадцать минут? В прокате маленькие размеры быстро заканчиваются. — Он обошел ее и положил руку на ручку двери. — Буду ждать тебя в холле, — сказал Томас и вышел из комнаты в коридор, окруженный запахом ее шампуня — ароматом ананаса и киви.

Он прошел в конец коридора и вошел в свой номер. Во всю дальнюю стену тянулось окно, из которого открывался вид на лыжные трассы внизу. Шторы были раздвинуты, впуская в комнату

солнечный свет. Свет отражался от хрустальных бокалов в баре, отбрасывал разноцветные блики на толстый бежевый ковер.

Лыжи Томаса были прислонены к камину. Костюм от «Хьюго Босс», который он носил вчера вечером, лежал на подлокотнике дивана, а салфетка с телефонным номером Холли, выпавшая из кармана брюк, валялась на кофейном столике.

Несмотря на то что Томас сказал Брине, он даже не думал о приглашении Холли. Ну ладно, может, и *думал*, но не более пары минут. Холли Баханан была как всегда красива, но он вовсе не хотел обманывать себя, убеждая, что ее влекла к нему его личность. И, откровенно говоря, ему нравился процесс исследования.

Томас вошел в спальню, вынул из шкафа черные лыжные ботинки и обул их. Женщина, которую он хотел исследовать сейчас, жила дальше по коридору. Прошлой ночью, когда она подошла к нему и пригласила на танец, он еще не был уверен, что хочет вспоминать Брину Макконнелл.

Но затем Томас обнял ее, и чем дольше держал ее в объятиях, тем больше понимал, что относится ко всей ситуации неправильно. Он решил понять, почему же Брина так занимала его мысли

в юношеские годы. Тогда она не была настолько симпатичной. Ну, по крайней мере, до тех пор, пока не перешла в старшую школу.

Томас закончил застегивать ботинки и поднялся на ноги. До следующего полудня у него не было никаких планов, так что он решил, прежде чем уехать, разобраться в своих чувствах. Часть его была уверена, что Брина у него в долгу за все то время, когда он не давал воли своим рукам, хотя и мечтал прикоснуться к ней. Когда он хотел ласкать не только ее губы, а и прикоснуться губами к ее груди, погладить руками ее мягкие бедра.

Но если бы Томас был честен с собой до конца, то он бы признал, что его план не имеет никакого отношения к девочке из прошлого, а связан с женщиной, которая открыла ему дверь с полотенцем на голове, порозовевшая после душа, с сосками, проступившими сквозь ткань халата. Его куда больше влекло к женщине, покрасневшей, когда она наткнулась в его кармане на то, на что не рассчитывала, когда клала туда деньги, чем к Холли, которая, засовывая в его карман салфетку с телефонным номером, ясно дала понять, на что рассчитывает.

Вспоминая лицо Брины в тот момент, когда она засунула ему в карман руку, Томас улыбнулся.

Хихикнув, он взял в углу лыжные палки, которые поставил туда накануне. Если Брина не будет осторожна, то в следующий раз, когда она его коснется, это уже не будет случайностью.

Последний день двухтысячного года был великолепен. Светило солнце, голубело почти безоблачное небо, а температура колебалась в районе нуля. Идеальная погода для катания на лыжах.

— Ты уверен, что я не упаду?

— Уверен. А если упадешь, я тебя поймаю.

Хоть Томас и знал, что делает, Брина чувствовала себя неуверенно. Несмотря на то что он помог ей выбрать одежду и инвентарь, подобрать нужной длины палки и лыжи, она по-прежнему боялась подъемника.

Очередь подвинулась вперед, и Брина, оттолкнувшись палками, направилась следом за Томасом. Перед тем как отправиться на подъемник, она успела получить лишь несколько базовых уроков.

— Может, сначала покатаемся на Бани Хилл?

— Бани Хилл для сосунков. Ты ведь не хочешь быть сосунком?

Вообще-то Брина ничего не имела против.

— В этом наряде я буду там на своем месте, —

ответила она, имея в виду свой нелепый комбинезон со змейкой спереди и поясом. Он был зеленовато-голубого цвета, а на левой груди красовалось название бренда — «Патагония».

— Ты очень мило выглядишь, — сказал Томас, стараясь, чтобы это прозвучало искренне, но его улыбка выдала его с головой.

В отличие от Брины, он не выглядел нелепо. Одетый в черное, он был похож на одного из профессиональных лыжников из рекламы «Рэй-Бэн»[6].

— Ну, я не могу не думать о своей последней лыжной прогулке. О том, что снова упаду и сломаю ногу, только на этот раз, когда меня бросятся спасать симпатичные парни из лыжного патруля, я буду наряжена в костюм Пасхального Зайца. — Брина почесала нос рукой в перчатке. — Представляю, какой это будет отстой.

Томас посмотрел на нее сквозь солнцезащитные очки, через которые не было видно его глаз.

— Тогда выбрось это из головы.

Брина нахмурилась.

— Пф-ф, и как это я сама до этого не додумалась?

---

[6] Примечания: 6
Бренд солнцезащитных очков.

Очередь немного продвинулась, и Брина вспомнила инструкции о том, как забираться на подъемник. Нужно посмотреть назад, взяться за внешнюю перекладину и сесть, когда кресло подъедет к бедрам. Легко.

К ее удивлению и облегчению, с помощью Томаса это и правда оказалось легче, чем она думала. А вот оставаться на подъемнике было куда труднее. Ее ботинки и лыжи были такими тяжелыми и, казалось, тянули ее вниз, да и неудобный комбинезон не улучшал ситуацию.

Запаниковав, Брина схватилась за спинку кресла.

— Я соскальзываю.

Томас потянулся рукой вверх и опустил предохранительную планку. Брина устроила лыжи на нижней перекладине и расслабилась, пока подъемник ехал все выше и выше, над засыпанными снегом верхушками деревьев. Люди внизу были похожи на разноцветных муравьев, и только кабель между металлическими колесами нарушал тишину, наполняя скрежетом морозный воздух, пощипывавший щеки.

— А каким именно частным сыском ты занимаешься? — спросил Томас, прерывая молчание.

Брина посмотрела на него, на его темные воло-

сы и черную куртку, контрастирующие с ясным голубым небом. Его щеки слегка порозовели. Солнце поблескивало, отражаясь в линзах очков и заставляя ее отвести взгляд и посмотреть на нижнюю губу Томаса.

— В основном розыском пропавших, — ответила она. — И иногда мошенничеством со страховкой.

— Как это?

— Как я расследую мошенничество? Ну, скажем, у страховой компании с Востока есть какие-то дела в Портленде. Они звонят мне в офис и нанимают меня, чтобы я расследовала случай. К примеру, в прошлом году женщина упала на рабочем месте и предположительно повредила спину, из-за чего оказалась прикована к инвалидной коляске. Она потребовала компенсацию, но никто не видел, как она падала, и там не было камер наблюдения. Страховая компания наняла меня, и я следила за ней три недели.

— Это не опасно?

— Обычно это скучно. Но в итоге я сфотографировала, как она катается на автодроме с детьми в Сисайде.

— Ты всегда была упрямой, — улыбнулся Томас, сверкнув белыми зубами. — Я думал, ты собира-

ешься стать медсестрой.

Брина чувствовала себя странно, глядя на его губы. Она подумала о том, каким будет его поцелуй. Потянуться к Томасу, прижать свои холодные губы к его губам, целовать его до тех пор, пока их тела не наполнятся теплом… Брина отвернулась и посмотрела вниз, на верхушки деревьев.

— Ты собирался стать врачом.

Его тихий смех снова привлек ее взгляд к его губам.

— Ты давала мне «лекарственный порошок» из перемолотых «Смартиз»[7].

— А ты колол мне в попу уколы.

— Но ты никогда не снимала штаны до конца, так что я видел лишь краешек ягодицы.

— Ты поэтому все время хотел делать мне уколы? Чтобы поглядеть на мою задницу?

— О да!

— Но мы же тогда учились в начальной школе!

Томас пожал плечами.

— Сестер у меня не было, а с тех пор как с тебя свалились плавки, меня мучило любопытство.

— Да ты был маленьким извращенцем!

---

[7] Примечания: 7

Фирменное название разноцветного горошка с шоколадной начинкой.

Солнце спряталось за облаком, и Брина почувствовала взгляд Томаса, который будто проникал сквозь ее комбинезон.

— Ты даже не представляешь себе каким, — сказал он, и от этих слов у нее потеплело внизу живота.

Томасу Маку хотелось пялиться на ее задницу. Он вовсе не был безобидным маленьким мальчиком, как она всегда думала, помогая ему строить домик на дереве рядом с дорогой через старый лес недалеко от его дома.

Подъемник приближался к вершине. Томас поднял предохранительную планку.

— Ты помнишь, как я учил тебя слазить с подъемника?

Брина взяла палки в руку.

— Главное — развернуться, как я показывал тебе у подножия холма.

Брина кивнула. Ее лыжи коснулись земли, и она встала. Край кресла подтолкнул девушку, и она поначалу подумала, что у нее все получится. А затем спуск ушел куда-то влево, а Брина так и продолжала движение вперед со все возрастающей скоростью.

— Направь лыжи туда, куда ты хочешь ехать! — крикнул Томас откуда-то сзади.

— Что?! — Брина воткнула палки в снег, пытаясь затормозить, но это было бесполезно.

Она соскользнула со спуска, угодив в оранжевую пластиковую сетку, которая как забор окружала трассу, чтобы уберечь лыжников от столкновения с деревьями. Кончики лыж попали в отверстия сетки, а сама Брина не упала только потому, что крепко уцепилась за ее верх.

— Брина!

Она оглянулась через плечо.

— Ты в порядке?

Маленькая девочка, которая была Брине по пояс, промчалась мимо на крохотных лыжах, покачав головой, будто говоря: «Ну что за неумеха!»

— Как мне отсюда выбраться?

Томас подъехал сзади, схватил Брину за пояс и освободил ее из сетки. Приблизившись к спуску, он сообщил ей новый план:

— Держись за мою палку. Я поеду впереди. Поставь лыжи клином, а я поведу.

Брина сомневалась, но этот план неплохо сработал. На поворотах трассы он контролировал скорость, держа лыжи параллельно, легко маневрируя, оставляя на снегу извилистый след, похожий на змеиный. Брина держала свои палки

одной рукой, а другой вцепилась в кончик его палки, и вместо того чтобы смотреть на дорогу, пытаясь не наехать на выступы и не сбить проезжающих лыжников, она смотрела на бедра Томаса. У него все так легко выходило.

Они остановились возле указателя на трассе и приготовились к спуску. Брина взглянула на склон.

— Я думала, мы будем кататься на трассе для новичков.

— Это она и есть.

Брина схватила Томаса за руку, чтобы не скользить. Через ткань куртки она чувствовала его твердые мышцы.

— На мой взгляд, это Эверест какой-то.

— Боишься? — Томас поглядел на нее.

— Не хочу снова сломать ногу.

— Давай попробуем так. — Отпустив ее, Томас переместился Брине за спину, взяв палки в одну руку. — Я видел, как в лыжной школе учили детей.

Поставив свои лыжи по обе стороны от нее, он прижал Брину к себе, положив руку ей на живот. Внутренняя поверхность его бедер касалась ее тела, а ее макушка была под его подбородком.

Брина посмотрела на Томаса. Ее губы были

всего в нескольких сантиметрах от его губ. От него пахло кремом для бритья и морозным воздухом. Облачко пара сорвалось с губ Томаса, и Брина вдохнула его. Если он хотя бы чуть-чуть опустит голову, их губы соприкоснутся, и Брина хотела, чтобы это произошло. Она хотела сорвать перчатку и коснуться своей теплой ладонью его холодной щеки. Брина чувствовала его тепло через нейлоновые лыжные штаны. Это было невозможно, но сквозь ткань он согревал ее спину, и ягодицы, и бедра, и низ живота.

— Что мне теперь делать? — спросила она у своего отражения в его очках.

— Сложи свои палки вместе и держи их перед собой.

— Зачем?

— Не знаю. — Томас покачал головой, задев подбородком ее висок. — Я видел, как инструктор учил детей. Думаю, это как-то связано с равновесием. Но я хочу, чтобы ты так сделала. И чтобы ты не проткнула мне палками ногу.

Брина рассмеялась и сделала так, как говорил Томас.

— Что еще?

— Я буду вести, а ты расслабься, — сказал он ей на ухо.

Затем он повернул и они понеслись вниз по горному склону, сворачивая то влево, то вправо.

Расслабься. Брина попыталась это сделать, и если бы таз Томаса не вжимался в нее, когда он тормозил, а его бедра не стискивали ее, когда он ускорялся, это было бы осуществимо. Может, она бы даже расслабилась настолько, что наслаждалась бы ветром в волосах и холодным воздухом, дующим ей в лицо, и осознанием того, что катается на лыжах. Но она чувствовала, как его пах прижимается к ее талии. Брина опустила руки, прижав к бедрам лыжные палки.

— Ты в порядке? — спросил Томас, перекрикивая скрип лыж по снегу.

— Да, — ответила Брина, хотя она и не была в этом уверена.

Пока Томас готовился к повороту, он рассказывал, как разворачивать носки лыж. Но вместо того, чтобы слушать, Брина думала о сегодняшнем утре, вспоминала, как засунула руку ему в карман и что именно нащупала кончиками пальцев. Томас продолжал говорить, а она в это время представляла его обнаженным. Брина чувствовала себя извращенкой, ей было стыдно, и внезапно страх упасть сменился страхом из-за того, что она, похоже, влюбляется в Томаса Мака.

Он растопырил пальцы на ее животе и прошептал ей в ухо:

— Твои волосы пахнут как «пина колада». В школе они пахли детским шампунем.

Брина почувствовала его дыхание на своей щеке, и ее лыжи скрестились. Каблуки ботинок оторвались от земли, и Брина качнулась вперед.

Томас подхватил ее за пояс.

— Черт! — выругалась она, и оба упали в снег — лыжи и палки, руки и ноги, все вперемешку.

Томас свалился сверху, выбив из легких Брины воздух. Они скользили вниз по склону еще метра три, прежде чем наконец остановились где-то на полпути к подножию холма.

— Брина?

Она подняла голову.

— Да?

— Ты ушиблась? — спросил Томас, приподнявшись.

Во время падения Брина потеряла лыжи и палки и перевернулась на спину. Томас лежал сверху, и ее локоть упирался в его грудь. Он оперся одной рукой на снег у ее плеча, а его бедро касалось ее промежности. Одну лыжу он потерял, а другая прижимала к земле ее ботинки. Солнцезащитные очки Томас сдвинул на лоб.

— Все в порядке, — ответила Брина. — Просто ветер сбил меня с ног.

Томас улыбнулся. В уголках его синих глаз залегли морщинки.

— Неплохой был прыжок.

— Спасибо. Ты не ушибся?

— А если ушибся, ты поцелуешь меня, чтобы все прошло?

— Это зависит…

— От чего?

— От того, куда придется целовать.

Томас тихо рассмеялся, обдав ее своим дыханием.

— В лобик, — ответил он.

Брина положила руки в перчатках ему на щеки и поцеловала между бровей.

— Теперь тебе лучше?

Он посмотрел ей в глаза и кивнул, едва не касаясь губами ее губ.

— Гораздо.

У Брины перехватило дыхание. Ее губы разомкнулись. Она ждала поцелуя, однако вместо этого Томас привстал на коленях и поглядел на трех девочек-подростков, промчавшихся мимо.

— Тебе повезло, — сказал он, уперся ботинком в снег и встал.

Морозный воздух и разочарование несколько охладили жар предвкушения. Томас ведь собирался поцеловать ее. Не так ли?

— Я знаю, — ответила Брина, надеясь, что он не услышит смятения в ее голосе. — Я могла опять сломать ногу. — Она села и принялась искать свои лыжи.

— Я не это имел в виду. — Томас опустил солнцезащитные очки обратно на переносицу. — Я возьму твои лыжи.

Пока Томас собирал инвентарь, Брина вытряхивала снег из рукавов и размышляла над тем, что же он в таком случае имел в виду. Чем дольше она находилась рядом с ним, тем бóльшую растерянность ощущала. Томас помог ей разобраться с лыжами и палками и на этот раз поехал рядом с ней. Он говорил Брине, когда нужно начинать поворот, и к концу трассы она упала всего два раза.

Пока они ждали очереди на подъемник, Томас проинструктировал ее, как все-таки правильно выставлять носки лыж, и развлекал историей о том, как он наехал на ледышку и прокатился «задницей вперед» по склону. Они завели приятный разговор, как люди, которые давно знают друг друга, но изменились с годами. Они двигались по жизни в разных направлениях, но все еще

были связаны на уровне скрытых воспоминаний, ждущих, пока их развернут, словно подарки. Брина слушала звук его голоса и грудной смех и думала, что могла бы делать это вечно. С того момента, когда Томас утром вошел в ее комнату, она чувствовала себя абсолютно расслабленной.

До тех пор, пока Холли Баханан не подкатила к ним с грацией олимпийской спортсменки и, взметнув снег, не остановилась. Облегающий комбинезон выставлял напоказ ее формы куклы Барби. Ее лыжный костюм был того же цвета, что и у Брины, и они обе напоминали кроликов. Только Холли походила на ту породу кроликов, которые тусуются с Хью Хефнером[8], а Брина напоминала разновидность, что приносит крашеные яйца.

— Я думала, ты встретишься с нами на заднем склоне, — сказала Холли Томасу, не удостоив Брину взглядом.

Прошло десять лет, но кое-что осталось неизменным. Брина была довольна своей жизнью и работой, она была счастлива и успешна, но рядом с Холли все еще чувствовала себя бесцветной.

— Я учу Брину кататься на лыжах.

---

[8] Примечания: 8
Основатель журнала «Плейбой».

Наконец-то взгляд Холли из-под синих лыжных очков переместился на Брину, и та будто снова оказалась в седьмом классе. Идеальная Холли Баханан смотрела на нее и не находила ровно ничего интересного для себя. И, как и в седьмом классе, Брина ждала, что Холли смерит ее презрительным взглядом и спросит, купила ли она свою одежду в «Сирс»[9].

— Марк сказал мне, что ты изменилась, — сказала Холли, а затем снова обратила все свое внимание на Томаса. — Приходи, все уже там. Кто-то поставил ворота. Мы устроили слалом.

— Может, позже, — ответил Томас, пока они с Бриной двигались в очереди на подъемник.

Холли последовала за ними.

— А, ну ладно. — Когда Холли снова посмотрела на Брину, ее взгляд был таким, будто она увидела что-то, чего никак не ожидала: угрозу. — Там весело. Ты тоже приходи.

— Не думаю. — Брина покачала головой.

Они с Томасом встали так, чтобы забраться на следующее кресло. Брина взяла палки в одну руку и оглянулась. Кресло подхватило их с Томасом, оставляя Холли позади.

---

[9] Примечания: 9

Компания, управляющая несколькими международными сетями розничной торговли.

— Ух ты, какой костюмчик! — сказала Брина, когда Томас опустил предохранительную планку.

Ей хотелось, чтобы он опроверг ее утверждение. Чтобы сказал, что Холли ужасный человек. Хотела, чтобы он солгал и заявил, что она толстая и уродливая.

— Да, и йога идет ей на пользу.

Иррациональный гнев заставил Брину нахмуриться. Она крепче сжала лыжные палки.

— Можешь больше не кататься со мной. Если хочешь, можешь идти к Холли.

— Я знаю, что могу.

Брина отвернулась, изучая сосны. Она хотела, чтобы Томас сказал ей, что Холли шлюха.

— И что, она и правда вела себя как коза?

Когда он не ответил, Брина взглянула на него. Томас смотрел вперед, как будто у него ничего не спрашивали.

— Что такое? Тебе стыдно?

— Почему мне должно быть стыдно?

— Потому что у тебя был грязный секс с Холли Баханан! Мне на твоем месте было бы стыдно!

— Почему? Ты что, ханжа?

— Нет.

— А у тебя бывал грязный секс?

Брина не была в этом уверена. Один раз она делала это в общественном туалете со своим парнем.

— Конечно.

Наконец Томас посмотрел на нее, но из-за очков она не видела выражения его глаз.

— Насколько грязный?

Говорить об этом ей не хотелось.

— Так и думал. Ты ханжа.

— А вот и нет!

Томас приподнял бровь.

— Нет! — настаивала Брина. — Я могу быть грязной. Очень грязной, — добавила она для пущего эффекта.

— Расскажи. — Он поднял другую бровь.

— Нет.

— Если расскажешь, я расскажу тебе про Холли.

— Общественный туалет в Роуз Гарден. — Брина не упомянула, что ее парень там работал, «Трэйл Блэйзерс»[10] играли на чужом поле и стадион был пуст. — Два раза. Теперь твоя очередь.

Томас выдержал паузу, прежде чем спросить:

— Хочешь услышать гнусные подробности обо

---

[10] Примечания: 10
Портлендская баскетбольная команда.

мне и о Холли?

Брина не была уверена, действительно ли хочет этого, но она уже слишком далеко зашла, чтобы давать задний ход.

— Нет. Я просто хочу выяснить, что такое поза козла.

— Я не знаю. Я не занимался с ней сексом.

— Что?

— Именно это ты *на самом деле*хотела услышать, правда? Что я не занимался сексом с девушкой, которая издевалась над тобой.

Да, именно это Брина и хотела услышать.

— Серьезно? Ты не провел с ней ночь?

— Нет.

— Зачем же ты тогда утверждал обратное?

— Я не утверждал, это ты так решила.

Но он явно умышленно позволил ей предположить худшее. Брина не знала почему. Она слишком многого не знала об этом взрослом Томасе.

— Где ты живешь? — спросила Брина.

Томас поправил перчатки.

— В данный момент нигде. Несколько месяцев назад я продал дом в Сиэтле и пока перебрался в Аспен. К сожалению, приходится проводить много времени с дедушкой и бабушкой в Палм-

Спрингс.

— Почему к сожалению?

Томас посмотрел на нее и отвернулся.

— У моего деда проблемы со здоровьем, — сказал он. — Я хочу жить в Болдере.

— Ты можешь просто приезжать когда захочешь?

Томас пожал плечами.

— Я временно не работаю.

— И чем ты занимался?

— Путешествовал. Катался на лыжах. Смотрел «Шоу Салли Джесси».

Она подумала, сколько же у Томаса должно быть денег, раз он может позволить себе кататься на лыжах и целыми днями смотреть ток-шоу. Минди упоминала о его миллионах, но это могло быть преувеличением, как слух о Кэти Айрленд.

— А чем ты занимался до того, как стать бездомным лыжником?

— Слышала о «БизТех»?

— Нет, прости. — Брина помотала головой.

— Тебе не за что извиняться. Это компания по производству программного обеспечения, которую мы с друзьями основали около пяти лет назад.

Глава четвертая

Брина слушала рассказ Томаса о том, как он основал компанию, продав акции «Майкрософт». Он рассказал, как создал программы для анализа бизнес-трендов, но она понятия не имела о том, что это значит. Да для нее это было и не важно. Пока они проезжали над верхушками сосен, Брина была рада просто сидеть рядом с Томасом и слушать его голос.

До полудня они успели спуститься еще несколько раз, и хотя с каждым разом у нее выходило все лучше, нельзя сказать, чтобы у Пикабо Стрит[11] был повод для беспокойства. Они сделали перерыв на ленч. Рестораны в отеле были переполнены, так что они переобули ботинки и направились в закусочную, расположенную в нескольких кварталах.

После ленча Брина не захотела больше кататься, пожаловавшись на натертые лодыжки. Она убедила Томаса проехаться по окрестностям. Они сели в его «джип чероки» с номерными знаками штата Колорадо и направились на окраину

---

[11] Примечания: 11
Многократная чемпионка мира по горным лыжам.

города. Проехали мимо двухэтажного дома, где выросла Брина, затем еще полмили до небольшого домика, где вырос Томас. Во дворе двое маленьких детей играли с золотистым ретривером и околачивались возле припаркованного старенького «вагонира»[12]. Это навевало воспоминания о том, как они с Томасом входили или вбегали в этот дом, а его бабушка заставляла их снимать обувь.

— Как думаешь, стены там все еще покрыты этой зеленой дрянью?

Томас посмотрел на Брину, затем на дом.

— Наверное. Она способна выдержать атомный взрыв.

— Интересно, выжило ли наше дерево.

— Не думаю.

— Спорим, что выжило?

Томас поднял солнцезащитные очки и сдвинул их на макушку.

— И на что спорим?

— На десять баксов.

— Это несерьезно. — Он посмотрел на Брину. — Приз выбираю я.

— Я не стану показывать тебе задницу.

---

[12] Примечания: 12
Модель джипа.

— Я не думал о твоей заднице, — рассмеялся он.

— Тогда о чем?

— Узнаешь, когда я выиграю.

Брина немного беспокоилась о том, что именно он собирается загадать, но решила, что Томас не будет требовать от нее чего-то такого, что ей бы не понравилось.

— Если я выиграю, купишь мне бутылку шампанского, — сказала она. И, поскольку он не выглядел обеспокоенным, добавила: — И выпьешь ее из моего ботинка.

— Не думаю, — усмехнулся Томас.

— Ладно. Но купишь мне хорошее шампанское, а не какую-нибудь дешевку.

Через полмили от дома Томас свернул на лесную просеку. Дорога была перегорожена воротами, но обильно растущие сосны не дали снегу ее засыпать.

Томас первым перелез через ворота, Брина последовала за ним. Она свесила ноги с верхней перекладины, посмотрев на Томаса, и тот подхватил ее за талию. Брина положила руки в перчатках ему на плечи, и он медленно опустил ее на землю.

— Ты не намного тяжелее, чем раньше, — заме-

тил Томас, поставив Брину на ноги.

Но она знала, что это не так. В год выпуска она весила сорок семь килограммов, а за последние десять лет набрала килограммов семь.

Они тонули в снегу по щиколотки, пока шли по узкой дороге вдоль горного склона. Брина была уверена, что узна́ет место, где провела столько времени в детстве. Но не узнала его.

— Ты догадываешься, куда мы идем?

— Ага. — Их плечи столкнулись, и Томас спросил: — Тебе холодно?

На самом деле Брине стало даже немного жарко.

— Нет. А тебе?

— Не-а. — Томас поглядел поверх ее головы, осматривая местность. — У тебя есть парень? — спросил он таким тоном, как будто ему не было дела до ее ответа. — Встречаешься с кем-нибудь?

— Нет. А ты?

— В данный момент нет.

Брина споткнулась о спрятавшийся в снегу камень и схватила Томаса за руку, чтобы не упасть. Тот посмотрел на нее через плечо.

— Вижу, ты грациозна, как всегда.

Брина заглянула ему в лицо. Это была правда — в детстве у нее были проблемы с координацией

движений, но и Томас родился не идеальным. Чего нельзя было сказать, глядя на то, как он выглядит сейчас. Брина отпустила его руку. Пожалуй, следовало напомнить ему о его недостатках.

— А что случилось с твоей монобровью?

— То же, что и с твоей. — Томас остановился и указал направо. — Кажется, это там.

Совершенно растерянная, Брина последовала за ним через небольшой луг. Томас снова остановился, огляделся и повел ее мимо возвышавшихся сосен.

Корни цеплялись за их ботинки, пока метров через пятнадцать деревья не расступились и Томас и Брина не вышли на поляну, утопая по щиколотку в снегу.

— Вот оно. — Томас указал на сосну, стоявшую прямо перед ними.

Брина подошла ближе и посмотрела вверх на то, что осталось от их домика. Ступеньки отвалились, а некоторые доски сгнили и упали на землю.

— Часть его еще там. Думаю, это ничья.

Томас подошел к Брине сзади.

— Или же мы оба выиграли. — Его руки легли ей на плечи и скользнули ниже, по рукавам ее лыжного комбинезона. — Я заплачу за половину

бутылки шампанского и получу половину того, что хочу.

Брина повернулась и посмотрела ему в лицо. Тень от дерева падала на его переносицу.

— А именно?

Томас притянул ее ближе и громко прошептал:

— Я получу половину тебя.

Конечно же, это была шутка.

— Какую половину? — спросила Брина.

— Верхнюю. — Томас положил руку ей на затылок и склонился к ней. — Или, может, нижнюю. — Его теплое дыхание коснулось ее губ. — Всегда хотел как следует рассмотреть твою нижнюю половину.

У Брины перехватило дыхание, и она издала нервный смешок. А может, он вовсе не шутил?

— Держи руки подальше от моей задницы!

Томас тихо рассмеялся.

— Спорим, я смогу заставить тебя передумать?

Не дождавшись ответа, он поцеловал ее. Его раскрытые губы прижались к ее губам, и по спине Брины пробежали мурашки.

Ее руки легли ему на плечи, а затем переместились на затылок. Она поднялась на цыпочки и прильнула к его груди.

— Я так рада, что я здесь с тобой, — прошептала

Брина, коснувшись его верхней губы кончиком языка.

Его руки в перчатках зарылись в ее волосы. Томас запрокинул ее голову, но вместо того, чтобы поцеловать, принялся посасывать ее нижнюю губу. С каждым его движением Брина чувствовала ответную пульсацию в груди и между ног. Ее глаза закрылись, и она позволила этим сильным сладким чувствам наполнить ее тело.

Томас был не тем мальчиком, которого она знала. Мужчина, который сейчас накалял ее тело среди зимы, знал, чего хочет, знал, что делает, и виртуозно владел этой техникой. Он явно занимался этим раньше и неплохо справлялся с тем, чтобы избавить голову Брины от каких-либо мыслей, заставить ее желать большего, чем прикосновение сквозь плотную одежду. Брина сняла перчатки и бросила их на землю. Ее пальцы зарылись в его короткие волосы. Холодные и приятные на ощупь, они вились, щекоча ладони.

Томас наклонил ее голову набок и плотнее прижался к ее устам, впился в них жарким поцелуем, исполненным жадности и стремления к чему-то большему. Его язык ворвался в ее рот, и Брину охватило жаркое возбуждение, всепоглощающее, головокружительное. Поцелуй был долгим и

страстным. Их языки соприкасались и переплетались, заставляя Брину стонать. Наконец Томас отпрянул, глядя на нее и тяжело дыша.

Да, это был не тот Томас, который никогда не пытался добиться большего, чем взять Брину за руку и поцеловать ее в губы. Этот Томас смотрел на нее из-под полуопущенных ресниц, взглядом ясно давая понять, чего он хочет. Он хотел гораздо большего, чем держаться за руки, и где-то внутри, там, где хранятся старые воспоминания и чувства, в глубине сердца Брины смешивались сейчас прошлое и настоящее, сбивая ее с толку. Мальчик, которого она любила, стал мужчиной, в которого она могла влюбиться.

— Помнишь, как я приходил к тебе домой? — спросил Томас. — Твоя мама открывала дверь, и я спрашивал, выйдешь ли ты поиграть.

— Мгм.

Он зубами стянул с себя перчатки и бросил их на землю.

— Что скажешь, Брина? — Томас взялся за застежку на ее комбинезоне и посмотрел девушке в глаза. Он не спрашивал разрешения, но Брина знала, что могла бы остановить его, если бы захотела. — Желаешь поиграть?

— Что у тебя на уме? — спросила она, хотя и так

об этом догадывалась.

— Что-то вроде этого. — Томас потянул змейку вниз — к середине ее груди и ниже.

Холодный воздух забрался под комбинезон, коснувшись разгоряченной плоти. По коже пробежали мурашки, а соски напряглись так, что Брине стало даже немного больно. А Томас все смотрел ей в глаза, взявшись за края ее комбинезона и приоткрывая его на груди.

Брина ждала, затаив дыхание. Прошло несколько долгих секунд, прежде чем он опустил взгляд на ее лифчик. Внезапно Томас замер, моргнув пару раз, и изумленно покачал головой.

— Боже, ты не надела футболку!

— А должна была?

— Наверное, нет, — ответил Томас, запуская руку внутрь. Его теплая ладонь коснулась живота Брины, потом поднялась вверх, накрывая ее грудь. — Может, ты и не начала расцветать в старшей школе, но подождать стоило. Ты прекрасна.

Сердце Брины билось часто-часто. Она подалась вперед, прижимаясь грудью к его ладони, и поцеловала Томаса в щеку. Потом она сдвинула воротник куртки и оттянула вниз ворот свитера, касаясь губами его теплой шеи.

Томас чуть присел, подхватил девушку под бед-

ра и приподнял ее, заставив обхватить ногами его талию. Сделав два широких шага, Томас преодолел расстояние до ближайшего дерева, прижимая Брину к себе, и его лицо вновь оказалось рядом с ее лицом. Его поцелуй был жарким и страстным, уже без нежностей и поддразниваний. Распахнув ее комбинезон, Томас положил руки на ее груди, сжимая их ладонями, лаская соски пальцами. Его язык проник в ее рот, его пах прижимался к ее промежности. Сквозь нейлон и синтетику Брина почувствовала его возбуждение и сильнее сжала бедра на его талии. Томас расставил ноги шире, целуя Брину в подбородок, в шею и не прикрытую бельем часть груди. Девушка выгнулась, прижимаясь спиной к коре дерева и запуская пальцы в волосы Томаса.

Кончик его языка скользнул вдоль верхнего края лифчика до застежки между грудями. Затем сомкнутыми губами он приник к проступавшему сквозь лифчик соску. Пальцы Брины вцепились в его волосы, когда он взял в рот ее маленький сосок, посасывая его сквозь ткань бюстгальтера.

Она понимала, что не должна позволять ему этого, что это неправильно. Но ощущения говорили обратное.

Брина посмотрела на затылок Томаса, а затем

закрыла глаза, позволяя чувствам, которые он разбудил в ней, править ее телом. Она ощущала прикосновения его мягкого влажного языка сквозь шершавую ткань лифчика. Жар, окутавший тело Брины, заставлял ее поджимать пальцы ног, обутых в ботинки. Она гладила Томаса по волосам, спускалась руками к его шее и обратно, жадно касаясь его, но этого было недостаточно. Его бедра двигались, и она чувствовала его возбуждение через все слои одежды. И этого тоже было недостаточно. Брина хотела его, всего без остатка, но зимняя одежда мешала им.

Еще один стон вырвался из груди Томаса, и он крепче схватил девушку за бедра, придерживая ее. Он поднял голову, и Брина посмотрела ему в лицо, на его влажные губы, на горящую в его синих глазах неутоленную жажду. Холодный воздух остудил жар его губ, наконец приводя девушку в чувство.

Она опустила ноги на землю. С каждой секундой страсть в глазах Томаса утихала, до тех пор, пока он не стал выглядеть таким же потрясенным, как и Брина. Она открыла рот, но тут же закрыла его, не зная, что сказать.

Томас, похоже, чувствовал себя точно так же. Не говоря ни слова, он взялся за застежку змейки и

потянул ее вверх, застегивая комбинезон Брины, затем обернулся и поднял с земли ее перчатки.

— Уже поздно, — наконец сказал он. Его голос показался Брине напряженным.

— Да, — ответила она, хотя оба они знали, что до захода солнца оставалось еще несколько часов.

Брина взяла у него свои перчатки и надела их.

На обратном пути к машине они почти не говорили, произнося лишь ничего не значащие слова и делая долгие, неловкие паузы. Оба думали о своем, и лишь хруст снега под ногами нарушал тишину.

В первый раз с тех пор, как Томас расстегнул ее комбинезон, Брина почувствовала, что краснеет. Она не испытывала смущения, когда его губы и руки касались ее, но смутилась сейчас. «Неужели, — думала она, — он считает, будто со мной такое происходит постоянно?»

Обычно Брина позволяла страсти взять над ней верх, только когда влюблялась. Мама говорила ей, что тело священно. Что это храм. Учась в колледже, Брина решила, что ее мать была слишком консервативна, и отбросила весь этот священно-храмовый концепт в пользу более современного подхода: потрахались и разбежались. Она какое-то время встречалась с мужчиной, потом

обнаруживала в нем что-то, что ей не нравилось — вроде грязного белья, оставленного в ее комнате, или нечищеных ногтей, — и бросала его.

Теперь Брина стала старше и мудрее. Она вернулась к идеалам матери и была очень разборчива в том, что касалось людей, получавших доступ к ее телу. Человек должен был иметь значение для нее, и обычно проходило некоторое время, прежде чем случалась интимная близость.

Так было до сегодняшнего дня.

Сегодня все было иначе. Все перевернулось с ног на голову и вывернулось наизнанку. Ничто не имело смысла, и Брина не знала, что и думать. Она хотела бы иметь ответы на все вопросы, которые роились сейчас у нее в голове. Она была частным сыщиком, и находить ответы было ее работой. Только на этот раз речь шла о ее частной жизни и она не могла представить, с чего ей следует начать.

Томас помог Брине перебраться через ворота, но на этот раз обошлось без длительных прикосновений. Он открыл перед ней дверь со стороны пассажирского сиденья, и она забралась в автомобиль, отряхнув с ботинок снег. Все больше и больше было заметно неловкое молчание между двумя людьми, которые еще пятнадцать минут

назад даже не пытались сдерживаться. Дружеская симпатия, которой Брина наслаждалась последние несколько часов, исчезла без следа.

— Думаю, вечером пойдет снег. — На обратном пути в отель Томас наконец нарушил молчание.

— О да, — отозвалась Брина.

«Интересно, о чем он сейчас думает?» — размышляла она, но солнцезащитные очки вновь мешали разглядеть его глаза.

Опять повисла тишина, пока они не добрались до отеля и не въехали на парковку. Когда Томас заговорил, то произнес совсем не то, что Брина хотела услышать.

— Прости, я увлекся. Обычно я не хожу по округе, прижимая женщин к деревьям, — сказал он, глядя в лобовое стекло.

— Я тоже. М-м… в смысле, не прижимаюсь. — Брина на секунду задумалась. — Может, это произошло потому, что мы с тобой давно знаем друг друга?

— Но это не так. — Томас наконец повернулся к Брине, однако его лицо не выдавало его чувств. — Мы совсем друг друга не знаем.

Брина вглядывалась в его ничего не выражающее лицо и думала о том, что он, наверное, прав. Это был не тот Томас, которого она знала. Едва

она начала думать, что знает его, как поняла, что не знает о нем вообще ничего. Теперь — нет. «И очень жаль», — сказала она себе с тяжелым сердцем.

— Пока, Томас, — произнесла Брина, выходя из джипа.

Через солнцезащитные очки Томас смотрел, как Брина входит в отель сквозь вращающуюся дверь, затем припарковал машину, заглушил двигатель и закрыл глаза.

Что, черт возьми, произошло? Он не мог поверить в то, что прижал Брину к дереву и зарылся лицом в ее груди. Она была не права: это произошло вовсе не потому, что он хорошо знал ее. Десять лет назад он всегда мог остановиться. Это было что-то другое. Что-то, в чем он не хотел признаваться самому себе.

Томас потерял контроль над собой. Он не хотел думать о том, что могло бы произойти, если бы на дворе было лето и, чтобы раздеть Брину, ему нужно было лишь задрать ее юбку и сорвать с нее трусики. Тогда бы он не смог остановиться. Он занялся бы с ней любовью прямо у дерева, у которого они играли, когда были детьми. Он потерял бы голову в объятиях Брины Макконнелл.

Что там говорят о том, что нужно быть осто-

рожнее со своими желаниями? Это пари было лишь шуткой. Весь день Томас думал, что под комбинезоном Брина носит термобелье. Ему и в голову не пришло, что там только лифчик. Все знали, что нельзя так одеваться. Похоже, все, кроме Брины. Когда Томас расстегнул ее комбинезон, он думал, что она остановит его. Он хотел шокировать ее, но, едва опустив взгляд, сам был шокирован, как подросток, впервые увидевший разворот «Плейбоя».

Теперь, сидя в джипе, Томас думал о том, почему же Брина не остановила его? Десять лет назад она всегда пресекала его поползновения своей излюбленной фразой: «Мое тело — это храм», которой научила ее мамочка. Теперь она не только не остановила его, а еще и обхватила ногами и прижималась к нему грудью, и Томас не мог понять почему. Очевидным ответом было то, что они оба взрослые люди, которым нравится секс, но Томас не верил очевидным ответам. Иначе он не преуспел бы в бизнесе.

По дороге в отель ему в голову пришла еще одна мысль. Он хотел выкинуть ее из головы, но не смог. Ему это не нравилось, но она продолжала звучать у него в ушах. Его более старшие бизнес-партнеры сталкивались с этим — с женщинами

типа Холли, которые были готовы на все ради денег, и мужчинами, которые лгали сами себе о том, что их любят за личные качества.

Томас не хотел верить, что Брина могла быть такой поверхностной, но он ведь не видел ее десять лет. Может, именно этого она и хотела: денег, которых у нее никогда не было, и чтобы ее видели с кем-то значительным. И хотя Томас знал, что несправедливо судить ее по прошлым поступкам, раньше она уже так поступала. Только раньше это он был бедняком, которого она выбросила на помойку.

Томас открыл дверцу и вышел из машины. Быстрыми шагами он прошел в отель мимо регистрационной стойки. Не дожидаясь лифта, поднялся на третий этаж по лестнице. Нужно было выкинуть Брину из головы, пока она не свела его с ума. Нужно было думать о чем-то другом. Не о том, как она его возбуждает.

Не останавливаясь у ее двери, Томас прошел к себе в номер, расстегнул куртку и уселся на диван у камина, снимая лыжные ботинки. В Брине было что-то особенное, даже когда они еще были детьми. Что-то, что зацепило его. Что-то, что заставляло его запускать пальцы в ее волосы и прижиматься к ее шее. Прошлой ночью он думал,

что ничего к ней не чувствует, но оказался не прав. Этим утром Томас думал, что готов поцеловать Брину и, возможно, заняться с ней любовью. В этом не было ничего сложного. Просто два человека, которые знали друг друга в детстве, сходятся, став взрослыми, и приятно проводят время вместе. Просто мужчина и женщина дарят друг другу удовольствие…

И снова он ошибся. Они были не просто мужчиной и женщиной. Они были Томасом и Бриной, и его тело отреагировало так, как будто ему снова было семнадцать, как будто в нем была активирована какая-то программа, заставившая желать ее так сильно, что он думал, что вот-вот умрет. Только на этот раз все было еще хуже.

Когда Томас держал Брину в объятиях у дерева, глядя в ее подернутые поволокой глаза, он уже не просто хотел ее. Она была ему необходима.

Томас взял свои лыжи и направился в коридор. Давать Брине такую власть над ним — последнее, чего он хотел. Последнее, чего он хотел, — это нуждаться в Брине Макконнелл.

Глава пятая

Брина покосилась в темноте на часы, стоявшие рядом с кроватью. Была половина одиннадцатого вечера. Она пропустила банкет и поездку в свою старую школу. В этом не было ничего страшного, но перед церемонией награждения Брина хотела пообщаться с Карен Джонсон и Джен Ларкин. Она хотела убедиться в том, что ей будет с кем сесть за стол и она не останется в одиночестве.

Брина убрала с лица прядь волос и присела на край кровати. После того как Томас высадил ее у отеля, она переоделась и вернулась в лобби[13]. Карен и Джен как раз собирались пройтись по городским бутикам. Брина присоединилась к ним и купила себе футболку на смену той, в которой спала. Она хорошо провела время, общаясь с девушками, с которыми у нее было кое-что общее. Девушками из оркестра. Девушками из клуба домоводства. Девушками-зубрилами-которые-не-катаются-на-лыжах.

Брина помогла Карен выбрать комбинезончик

---

[13] Примечания: 13

Место у входа в гостиницу рядом со стойкой регистратора. (*Примеч. ред.*)

для ее будущего ребенка, и они зашли выпить кофе на отреставрированной старой пожарной станции. Брина находила себе занятие, отвлекаясь от мыслей о Томасе с помощью шопинга. Бóльшую часть времени это работало.

Вернувшись в отель, Брина собрала лыжный инвентарь, взятый напрокат, — в нем уже не было необходимости, ведь она больше не собиралась кататься. Когда она стояла в очереди, чтобы вернуть свой ужасный голубой комбинезон, ее внимание привлек чей-то смех. У камина в зале отеля уютно расположилась загорелая компания. Они хохотали как закадычные друзья. Это были Холли, Минди Бертон и Томас.

Пока Брина сжимала в руках комбинезон, который расстегнул Томас, запустив внутрь него руки, и чувствовала себя неловко, Томас как ни в чем не бывало флиртовал с другими женщинами.

Она увидела, как Томас наклонился вперед, чтобы услышать, что говорит Холли, и, почувствовав укол в сердце, поспешила отвернуться. Он бросил ее, чтобы потусоваться с Холли и ее друзьями. Осознавать это было еще больнее, чем она предполагала.

Отдав костюм, Брина вернулась в свой номер, пытаясь убедить себя в том, что ей нет дела до

Томаса, но сердце не слушало ее, а глаза наполнялись слезами. Брина включила телевизор, решив посмотреть местные новости, прежде чем начнется вечернее действо. Глядя в потолок, она слушала репортаж о каком-то дурацком заседании городского совета и не заметила, как уснула. К сожалению, ей приснились Томас и Холли, счастливо хохочущие вместе. Проснувшись, Брина подумала, что ей не стоит снова засыпать. Видеть вместе Томаса и Холли ей было тяжело.

Мерцающий экран телевизора освещал комнату. Брина представляла, что сейчас происходит в банкетном зале. Да, может быть, ей и будет больно видеть Томаса с Холли, но если она останется в комнате одна, воображая наихудшее, это ее погубит.

Без какого-либо намека на энтузиазм Брина потащилась в душ второй раз за день. Выйдя оттуда, она облачилась в джинсы и сатиновую водолазку с короткими рукавами светло-зеленого цвета. На груди красовалась надпись «Келвин Кляйн», сделанная серебристыми буквами. Брина надела черный кожаный пояс и сапоги с овечьей шерстью, которые носила раньше. Они не были модными, но в них ногам будет тепло, когда она пойдет на улицу смотреть фейерверк, который

запускали в отеле каждый год с последним ударом часов.

Брина высушила волосы феном и заплела косу, прихватив ее лентой. Она накрасилась — скорее для того, чтобы почувствовать себя лучше, чем чтобы казаться кому-то более привлекательной, вдела в уши серебряные кольца, надела серебряные часы и посыпала голову блестками. Она отлично выглядела, пусть и не вышла ростом.

Выходя из номера, Брина захватила куртку, которую привезла из дому.

Когда девушка спустилась вниз, было уже одиннадцать тридцать. Она прошла мимо зала, где проходила вчерашняя вечеринка. Сейчас там праздновали Новый год, а встреча выпускников проходила в банкетном зале.

Брина вошла внутрь и остановилась у двери на тот случай, если ей придется тихонько ретироваться. По комнате разносился голос Минди Бертон, стоявшей на трибуне и раздававшей небольшие сувениры.

— Следующую нашу награду — паре с наибольшим количеством детей — получают Боб и Тамара Хендерсон. У них семеро малышей, — объявила Минди с таким воодушевлением, как будто сотворение семерки спиногрызов было чем-то

вроде создания семи чудес света.

Все поаплодировали репродуктивным способностям Боба и Тамары, и Брина подумала, что, возможно, дело в ней и в ее скверном настроении. Впрочем, она все еще не считала деторождение чем-то, заслуживающим награды. Следующий приз, наверное, вручат за самые каштановые волосы.

Она обвела взглядом зал, ища Карен и Джен, но, конечно же, наткнулась на Томаса. И, конечно же, он сидел за круглым столом в компании женщин. Будто почувствовав ее взгляд, он посмотрел на Брину, а потом медленно поднялся со стула. Брина смотрела, как Томас приближается к ней. Его лицо было загорелым от солнца, а губы слегка потрескались. На нем были потрепанные джинсы, белый хлопчатобумажный свитер с расстегнутым воротом и белая футболка под ним. С каждым шагом Томаса сердце Брины билось быстрее. И чем быстрее оно билось, тем больше Брина злилась и тем меньше придавала значения тому, что злится совершенно иррационально. Он целовал и прикасался к ней, как будто она что-то для него значила, а потом просто избавился от нее, словно это было не так. Он заставил Брину задуматься о его и ее мотивах. Заставил ее почув-

ствовать себя неуверенно. А она не чувствовала себя так с тех пор, как окончила старшую школу.

«Томас ничего мне не обещал», — напомнила сама себе Брина. И она ничего ему не должна. Она больше не знает этого человека.

Вот только она не чувствовала себя так, как будто он был для нее чужим. Когда Брина смотрела в эти знакомые синие глаза, ей казалось, что она вернулась домой. Ее душа узнавала родную душу. Томас был единственным человеком на Земле, с которым ее связывали радостные воспоминания. От них у нее перехватывало дыхание и сердце билось чаще. Он был единственным, кто знал о ее детских страхах и о том, что в шестом классе она хотела куклу Шарлотту Земляничку.

— Привет, — сказал Томас, остановившись напротив Брины. — Ты только что вернулась?

— Да. Из своей комнаты.

Минди огласила награду человеку, который меньше всех изменился, и Томас подождал, пока стихнут аплодисменты, и продолжил:

— Ты весь вечер была в своей комнате?

— Да.

— Одна?

Так она и знала. После того что случилось днем, он, видимо, решил, что она неразборчива

в выборе партнеров, да еще и после того, как она упомянула о грязном сексе в Роуз Гарден, что не пошло на пользу ее имиджу. Держа в одной руке куртку, Брина уперлась другой рукой в бедро.

— А ты где был весь день?

— С тобой.

Брина проигнорировала пробежавшие по спине мурашки.

— После того как бросил меня.

Глаза Томаса немного сузились.

— После того как мы вернулись в отель, я пошел кататься на лыжах.

— Да, я видела, как ты *катался*.

— Что это должно означать?

— Ничего.

— Ты что, злишься?

— Нет.

— Да. Я всегда знал, когда ты злишься. У тебя на переносице появляются морщинки.

Брина предпочла бы наесться червей, чем признать, что она злится. Она посмотрела Томасу за спину, ища в толпе Карен и Джен.

— Прости, — сказала она. — Пойду к друзьям.

Она прошла мимо столов и едва повесила куртку на спинку стула, как Минди огласила следующую номинацию:

— Награда человеку, который изменился больше всех, достается Брине Макконнелл.

Брина, замерев, уставилась на подиум. Она была удивлена, что о ней вообще кто-то вспомнил. Она посмотрела на Карен и Джен, увидела их награды и поняла, что приз достанется каждому. Боже, а ведь на мгновение она едва не почувствовала себя особенной. Брина прошла вперед, и Минди вручила ей дешевый сувенирный кубок на такой же дешевой пластиковой подставке.

— Отлично выглядишь, Брина, — сказала Минди.

Посмотрев в ее голубые глаза, Брина решила не обижаться. Они никогда не были друзьями, но Минди и не вела себя с ней как сволочь.

— Спасибо, — сказала Брина. — Ты тоже.

Она вернулась к столу и села, бросив взгляд на дверной проем. Томаса там уже не было, но он и не сидел рядом с Холли. Поискав его взглядом, Брина увидела, что он разговаривает с Джорджем Алленом. Томас надел лыжную куртку. Перенеся вес тела на одну ногу, он поигрывал ключами, которые держал в руке. Он помотал головой и вышел из банкетного зала. Брина невольно подумала о том, куда это он собрался и с кем должен встретиться.

— За что тебе дали награду? — спросила Брина у Карен, пытаясь не думать о Томасе.

— Девушке, которая с наибольшей вероятностью родит на встрече выпускников.

— Уверена, у них ушло несколько часов, чтобы это выдумать. А тебе? — Она повернулась к Джен.

— Человек с наибольшим количеством веснушек, — нахмурившись, ответила та. — Я хотела приз за лучшие волосы, но его получил Донни Донован.

— Он гей?

— Нет. А вот его спутник — да.

— А кто его спутник? — спросила Брина.

— Помнишь парня, который окончил школу на год раньше, Дика Роджерса?

— Да ну тебя! — выдохнула Брина. — Иди ты! Дик Роджерс? Тот парень, что был похож на Брэда Питта и гонял на маслкарах?[14] В него все были влюблены по уши.

— Ага, все.

Брина покачала головой.

— Боже! Ну почему не может быть геем кто-нибудь вроде Джорджа Аллена? Он оказал бы

---

[14] Примечания: 14

Популярный в шестидесятые-семидесятые годы класс автомобилей с мощным восьмицилиндровым двигателем.

услугу все женщинам — никому бы не было до этого дела.

— Это точно.

Джен кивнула.

— Да, всем плевать на то, что Ричард Симмонс гей, а вот Руперт Эверетт… — Она вздохнула и подперла голову пухлой рукой. — Я бы попыталась вернуть его в гетеросексуалы.

Брина прикусила губу, чтобы не рассмеяться, но Карен не стала сдерживаться. Она расхохоталась так громко, что заглушила Минди, и Брина испугалась, что у ее подруги отойдут воды.

После того как Минди раздала последние награды, она сделала еще одно объявление:

— Конечно, все приглашаются на празднование Нового года. За пять минут до полуночи всем предложат шампанское, и я знаю, что некоторые из вас будут тут как тут в очереди за халявной выпивкой.

— Это точно! — крикнул кто-то с задних рядов.

— Утром, — продолжала Минди, перекрикивая пьяный смех некоторых одноклассников, которые явно перебрали, — мы соберемся в зале для прощального бранча[15]. Не стоит пропускать

---

[15] Примечания: 15

В США и Европе — прием пищи между завтраком и ленчем. (*Примеч. ред.*)

это мероприятие, потому что мы приготовили кое-что особенное.

Поднявшись со стула и взяв куртку, Брина подумала о том, что может быть более особенным, чем дешевые сувениры.

— Пойдете на улицу смотреть фейерверк? — спросила она Карен и Джен.

— О нет! — ответили те хором.

— Там слишком холодно.

— Ты отморозишь себе задницу.

Когда Брина росла в Геллитоне, она любовалась фейерверком, который запускал отель, но тогда, поскольку она не была постояльцем, его приходилось смотреть с парковки. А ей всегда хотелось занять место в первом ряду. Они с Томасом гадали, на что это похоже с другой стороны отеля. Теперь, идя через переполненный холл, Брина невольно искала взглядом Томаса. И с каждым встреченным ею черноволосым мужчиной, который оказывался не Томасом, ей становилось чуточку грустнее. Она никогда не думала, что может так злиться на кого-то и в то же время так хотеть его увидеть.

Зал был переполнен гостями и местными жителями, заплатившими за вход. Одежда разнилась от официальной до повседневной, а музыкальная

группа играла в основном ретро. Фрэнк Синатра и Эд Эймс были всеобщими любимцами. Свет отражался от сверкающего шара под потолком, заливая комнату.

Поскольку ни Джен, ни Карен не захотели мерзнуть, Брина вышла наружу одна. Кто-то схватил ее сзади за руку, и она обернулась, надеясь, что это Томас.

— Привет, Брина! — перекрикивая музыку, воскликнул Джордж Аллен.

Разочарованная, она даже не удосужилась улыбнуться ему в ответ — не хотела его обнадеживать.

— Джордж.

Пока группа пела что-то о леди-бродяге, Джордж устроил целое представление, задирая рукав, чтобы посмотреть на часы.

— Одиннадцать пятьдесят три, — сообщил он. — Семь минут до полуночи.

Джордж всегда думал, что притягивает к себе девушек. Как же он ошибался!

— Ага. Сходи возьми свое бесплатное шампанское.

— Точно. — Он покачался на каблуках, уставившись на Брину стеклянным взглядом. — Сейчас вернусь. Не уходи никуда — я планирую подарить

тебе новогодний поцелуй.

— Ой божечки, — ответила Брина, но ее сарказм остался незамеченным. — Я буду тут, обещаю.

— О'кееееей, — протянул Джордж, кивнув головой, и растворился в толпе.

Брина, не медля, по кратчайшему пути направилась на террасу, на ходу продев руки в рукава куртки и застегивая ее. Проталкиваясь сквозь толпу, она добралась до двери и вышла наружу.

От морозного воздуха у нее перехватило дыхание. Брина подняла воротник и вынула из карманов тонкие перчатки. Они не согреют рук, но если она будет держать руки в карманах, то не замерзнет.

— Две минуты! — огласил фронтмен музыкальной группы через динамики, расставленные по углам террасы. — Хватайте свое шампанское и обнимайте своих любимых!

Брина подошла к ограждению и посмотрела на людей внизу. Снова ее мысли вернулись к Томасу. Жаль, что его нет рядом с ней. Он любил этот фейерверк так же, как и она. Они даже сами делали ракеты, используя головки от спичек. А может быть, он и был поблизости, собираясь смотреть фейерверк с кем-то другим.

— Брина!

Она перегнулась через ограждение и помахала Марку. Он стоял вместе со своими друзьями, среди которых была и Холли, и Брина была удивлена, что Томаса среди них нет.

— Спускайся! — крикнул Марк. — У нас есть шнапс, чтобы согреть тебя!

Последний раз, когда Брина пила шнапс, у нее было похмелье на протяжении трех дней.

— Нет, мне и тут хорошо!

— Одна минута, — огласили динамики.

— Пожалуйста, Брина! — попросил Марк, уже неуверенно стоявший на ногах. — Спускайся, или мне придется подняться и забрать тебя.

Брина перевела взгляд с Марка на Холли, которая даже не пыталась скрывать раздражение.

— Хм, ну ладно, — ответила Брина и отошла от перил.

С одной стороны, ей было приятно, что эти люди звали ее к себе, да и позлить Холли было бы неплохо, но сейчас это не казалось ей важным.

— Двадцать секунд.

Брина отошла еще на шаг и прикрыла замерзшие уши руками в перчатках. Она вовсе не собиралась идти к Марку и остальным, ей и тут было неплохо.

Отсчет начался с пятнадцати и когда добрался

до десяти, кто-то прижался к ее спине, обхватив за талию. Брина оглянулась через плечо, готовая ударить Джорджа Аллена. Она опустила руки и уставилась в лицо Томаса.

— Я знал, что найду тебя здесь, — прошептал он ей на ухо.

Брине не пришлось спрашивать, как он об этом догадался. Он тоже помнил те годы, когда они стояли на другой стороне и гадали о том, какой же вид открывается с террасы, и клялись, что, когда разбогатеют, будут стоять именно тут.

Отсчет продолжался. Три… два… один. С вершины горы Снежная Лодка взлетели первые фейерверки. Группа заиграла «Auld Lang Syne», и Томас медленно наклонил голову и коснулся холодными губами ее губ. Глядя на красные, белые и золотистые вспышки, Брина чувствовала, что тоже сейчас взорвется. Ее сердце колотилось, норовя выпрыгнуть из груди, заставляя кровь пульсировать в висках.

Потрескавшиеся губы Томаса были чуть шероховатыми и хранили вкус холодного воздуха и крепкого скотча. Брина подумала, что, возможно, следует оттолкнуть его. Она злилась, и имела на это право, но эта злость была побеждена нахлынувшими на нее чувствами, моментально

лишившими ее воли. Она больше не могла сказать «нет». Кроме того, убеждала она себя, это всего лишь новогодний поцелуй.

Брина обняла Томаса. Он приподнял ее, заставив встать на цыпочки. Обнимая одной рукой ее за талию, он положил свою холодную руку на столь же холодную щеку девушки. Их губы разомкнулись, и Брина закрыла глаза. Мороз пощипывал ей лицо и уши, а теплый язык Томаса касался ее языка. Поцелуй продолжался под аккомпанемент песни и залпы фейерверка, грохот которых Брина чувствовала подошвами. По ее телу пробежал озноб, соски затвердели. И мороз не имел к этому никакого отношения.

— Ты замерзла? — спросил Томас, отстраняясь.

Он превратно истолковал ее дрожь.

Брина кивнула, не желая, чтобы он догадался, что это не так.

— Я знаю теплое местечко, откуда мы можем смотреть на фейерверк, — сказал он, беря ее за руку.

— Какое?

— Увидишь, когда придем.

Томас отвел Брину в отель, сквозь конфетти и серпантин, заполнявшие зал. Брина верила ему и готова была следовать за ним куда угодно, но

когда они вошли в пустой лифт, у нее появилось подозрение, что она знает, куда они направляются. И ей это не понравилось. То, что произошло днем, было ошибкой, и она не собиралась повторять ее.

— Из моей комнаты мы ничего не увидим.

— Поэтому мы в твою комнату и не пойдем.

— Ого.

Двери открылись, и они вышли в коридор.

Брина прошла за Томасом мимо своего номера к последней двери слева. Он вставил в замок свою ключ-карту и открыл дверь. Брина почти ничего не могла разглядеть с того места, где стояла. Комната скрывалась в темноте, лишь цветные вспышки за окном отбрасывали отблески на ковер.

— Не уверена, что это хорошая мысль, — сказала девушка, не двигаясь с места.

Брина опасалась, что, войдя в номер, она решит, что прыгнуть в постель Томаса — отличная идея. Но было огромное количество причин, почему идея заняться сексом с Томасом была неудачной. И номером первым в этом списке значилось то, что Брина не могла понять, что она к нему чувствует, и уж тем более — что он чувствует к ней.

— Почему нет?

— Потому что… — Брина осеклась, пытаясь решить, как же это сказать, но ничего так и не придумала и выдала правду: — Я не хочу, чтобы ты думал, будто я готова заняться с тобой сексом. После того что сегодня произошло, ты, наверное, думаешь, что я всегда так поступаю, но это не верно.

— Боже, — вздохнул Томас. — Во-первых, я никогда так не думал. Во-вторых, я пригласил тебя сюда, потому что решил, что ты хочешь посмотреть фейерверк и не отморозить себе пальцы. И в-третьих, я должен тебе полбутылки шампанского. — Он помедлил и добавил: — Если тебе неудобно, мы можем вернуться вниз.

— Нет, я останусь. — Теперь Брина чувствовала себя глупо.

Не включая свет, Томас взял ее за руку. Дверь захлопнулась, и он подвел ее к окнам.

— Ух ты! — сказала Брина, сняв перчатки и сунув их в карманы. — Твоя комната намного больше моей.

Томас встал у нее за спиной, помогая ей с курткой, а когда он заговорил, его голос, казалось, доносился ниоткуда.

— Лучше всего джакузи. В него помещается шесть человек. Тебе стоит это оценить.

Он отошел, держа в руках ее куртку, и Брина невольно подумала о том, что он имел в виду. Она должна посмотреть на джакузи или забраться в него? Одна или вместе с ним? Или же она снова придает его словам слишком большое значение?

Очередной залп фейерверка взвился в воздух, и внимание Брины переместилось на огненные вспышки в небе, раскрывающиеся сияющими зонтиками и дождем падающие на снег. С этой стороны отеля зрелище определенно было лучше, чем с парковки.

Услышав хлопок пробки от шампанского, Брина обернулась через плечо и взглянула на бар.

— Похоже, у тебя теперь лучшие места, Томас.

Он тихо рассмеялся в ответ, приблизившись к ней.

— С Новым годом, Брина.

— С Новым годом. — Она поднесла бокал к губам, глядя поверх него на Томаса. Красная вспышка осветила его лицо и белый свитер. — Ты должен гордиться собой, — добавила Брина, отпив шампанского.

— Почему?

— Потому что ты всегда говорил, что к тридцати годам заработаешь миллион. Похоже, так и вышло.

— Да, так и вышло. — Томас опустошил свой бокал наполовину.

Очередной залп салюта за окном вышел особенно громким, заставив дрожать пол под ногами.

— Я заработал кучу денег, Брина, — продолжил Томас, когда снова стало тихо. — Но деньги сами по себе не важны.

Наверное, он смотрел слишком много ток-шоу, о которых упоминал.

— Ты говоришь, как Опра.

Томас улыбнулся, сверкнув белыми зубами.

— Это потому, что Опра знает.

— Что?

Он пожал плечами.

— Что это здорово, когда ты можешь платить по счетам и купить себе новую куртку, когда возникнет такая необходимость. Но деньги не сделают тебя худой. Или счастливой.

Именно так и говорят люди, которые не беспокоятся о том, чем платить по счетам.

— Не согласна. Если бы я была богата, я бы наняла повара и он готовил бы мне обезжиренную пищу. И я бы купила себе горностаевое пальто.

— Как Золушка, — сказал Томас, улыбаясь.

Он все помнил.

— Да, как Золушка. Это сделало бы меня чертов-

ски счастливой.

— На какое время?

— Навсегда.

— Ошибаешься. Ты лишь некоторое время можешь быть Золушкой, а потом становится скучно. — Томас сделал еще один глоток и выглянул в окно. — Поверь, я знаю.

— Деньги дают новые возможности, — ответила Брина, любуясь видом из окна.

— Да, но они не могут остановить время. Тебе отведен определенный срок, и когда он подходит к концу, деньги не предотвратят болезни и смерть. Я могу позволить себе лучшее медицинское обслуживание, но это ничего не гарантирует.

Она резко обернулась, похолодев.

— Ты же не болен, нет?

— Я? — Томас помотал головой. — Нет.

— А о ком ты говоришь?

— Ни о ком.

Брина ему не поверила, но догадаться о том, кого он имеет в виду, было не так уж сложно.

— Ты никогда не умел лгать. Ты упоминал о том, что у твоего деда проблемы со здоровьем. Что с ним?

— Он уже старый. — Белая вспышка за окном осветила лицо Томаса. — Последние несколько

лет у него плохо с сердцем. Иногда, когда я навещаю его, у него синеют губы. Боже, это меня пугает. Он просто глотает таблетку, и она заводит его сердце. Я водил его к лучшим специалистам в стране, но он уже старый, и никто ничего не может сделать.

— Мне жаль, Томас. — Брина взяла его за руку и сжала ее.

— Мне тоже. — Он посмотрел на нее, поднеся бокал к губам. — Я никому раньше не говорил о том, как это меня пугает. Не знаю, зачем сказал тебе.

— Я рада, что ты это сделал.

Его большой палец погладил тыльную сторону ее ладони. Еще одна вспышка, сопровождаемая грохотом, раздалась за окном. Взгляд Томаса переместился с шеи Брины на ее футболку.

— Насколько рада? — спросил он, когда вспышка угасла и они снова погрузились во тьму.

Брина рассмеялась, хоть волосы у нее и встали дыбом.

— Не настолько, чтобы выпрыгивать из одежды.

Томас поднес ее руку к губам и поцеловал.

— А что нужно сделать, чтобы ты выпрыгнула из нее? — Кончик его языка коснулся ее кожи

между пальцев, и по ее руке пробежали мурашки.

— Не думаю, что выпрыгивать из одежды — это хорошая идея.

— Почему? Днем ты была не против. — Томас перевернул ее руку и поцеловал, прильнув губами к центру ладони.

— Это была ошибка. Ты сам сказал. Мы просто увлеклись. — Брина едва сдержала дрожь, когда почувствовала теплое дыхание Томаса на своей ладони. — Нам стоит просто забыть об этом.

— Ты сможешь об этом забыть?

— Попробую. А ты?

— Нет, — ответил Томас, целуя ее руку и приближаясь к запястью. — У тебя пульс зашкаливает.

Брина поджала пальцы, почувствовав очередной поцелуй.

— Томас?

— М-м?

— Я серьезно. Мне не кажется, что это хорошая мысль.

— Просто скажи мне, когда я должен остановиться, — ответил Томас, коснувшись губами кожи над ее запястьем.

На этот раз Брина не смогла унять дрожь удовольствия. Она чувствовала, как пульсирует

кровь у нее в жилах. От прикосновений его влажных губ у нее щемило в груди и стало тепло между ног. Ее соски уперлись в ставший тесным лифчик. Брина подумала, что нужно немедленно потребовать, чтобы Томас остановился, пока его губы опять не добрались до ее груди. Но потом снова раздался грохот, ночь осветили цвета финального залпа, и она увидела лицо Томаса. Брина глядела в его глаза, в которых отражались золотые и белые вспышки фейерверка. Он смотрел на нее поверх запястья, и его взгляд горел ярче, чем огни в ночном небе. Он хотел ее. Хотел так же сильно, как и она его. И глядя ему в глаза, Брина уже не могла вспомнить, почему секс с Томасом — это неудачная мысль.

Она поднесла бокал к губам и осушила его.

— Почему ты бросил меня сегодня и пошел кататься с Холли?

— Я просто захотел покататься на лыжах, — прошептал Томас, щекоча ее кожу своим дыханием. — А Холли была там. И я не бросил тебя, а лишь высадил у отеля, чтобы подумать.

— О чем?

— О тебе, — ответил Томас, наконец отрываясь от ее запястья, а затем осушил свой бокал.

Брина не знала, можно ли ему верить, но ей бы

очень этого хотелось.

— И до чего же ты додумался?

— Я хочу тебя, Брина. Хотел всегда, всю свою жизнь. Сейчас, возможно, мое желание стало еще сильнее. Ты прекрасна, и с тобой так же весело, как и раньше. — Он взял ее бокал и бросил его вместе со своим, и они беззвучно приземлились на ковер. — Я знаю, почему хочу тебя, и могу с уверенностью сказать, почему ты хочешь меня.

Он не мог говорить серьезно.

— Когда я вчера вошла в зал, я решила, что какая-то девушка наняла себе манекенщика для эскорта. — Брина могла видеть лишь очертания его лица в бледном свете молодой луны, и, кажется, он нахмурил брови. — Потом Карен сказала мне, что это ты, и я обрадовалась. Не только потому, что ты выглядел как парень, которому стоит все время ходить в одних трусах, но и потому, что наши отношения испортились к окончанию школы, и мне всегда было стыдно из-за того, что произошло…

— А что произошло? — спросил Томас, отпустив ее руку.

— Ты знаешь.

— Думаю, да. Но почему бы тебе не сказать мне об этом?

Брина скрестила руки на груди и выдохнула.

— Ты помнишь, как это было. Как я всегда хотела есть в школьной столовой за большим столом, хотела быть популярной. Я думала, если я нравлюсь Марку, то во мне есть что-то особенное. — Она опустила взгляд. — Что я не Жевун Макконнелл, костлявая девочка, которой мама шьет одежду.

Томас приподнял ее голову за подбородок, встретившись с Бриной взглядом.

— Мне нравилась Жевун Макконнелл.

— Я знаю. Но мне нет.

— А теперь? Ты все еще хочешь попасть за большой стол?

— Нет. Теперь я себе нравлюсь.

— Мне тоже.

Томас провел большим пальцем по ее губам. Приоткрыв их, Брина лизнула его подушечку.

— Мне нравится твоя футболка. — В его голосе звучала страсть. — Я заметил ее сразу же, едва ты вошла в банкетный зал.

Рука Томаса легла на ее затылок, и он притянул девушку к себе.

— Милый светло-зеленый цвет… — сказала Брина, гладя его по груди через рельефную ткань свитера.

— Я обратил внимание не на это, — усмехнулся Томас.

— А на что же?

— На то, что через твою грудь тянется надпись «Келвин Кляйн». — Он наклонился и прижался лбом к ее лбу. — И я подумал, как долго я буду ее снимать.

— Я полагала, ты пригласил меня к себе для того, чтобы у меня не замерзли ноги, и потому, что должен мне полбутылки шампанского.

— Все это правда. О том, что хочу стянуть с тебя футболку, я просто не упомянул. — Томас распустил ленту, удерживавшую ее волосы. — И еще я не упомянул о том, что блестки в твоих волосах сводят меня с ума и я хочу, чтобы они рассыпались по подушке, когда я буду заниматься с тобой любовью, — продолжил он, распуская косу Брины. — И что я хочу видеть твое лицо утром, когда открою глаза.

Запустив пальцы в ее волосы, он запрокинул голову Брины, как сегодня днем. И, как и прежде, он поцеловал ее, зная, чего хочет, и намереваясь это получить. Его язык словно занимался любовью с ее ртом: входя и отстраняясь, мощными жаркими толчками. Томас посасывал ее язык, наслаждался ее губами, гладил ее по волосам.

Брина прижалась к его груди, чувствуя его тепло через свитер и свою футболку, согревающее ее сердце так, как никогда раньше. Томас хотел заняться с ней любовью. Она тоже этого хотела. Брине всегда нравился Томас, но только теперь она влюбилась в него. Ее тело трепетало. Она хотела его так, как женщина хочет любимого мужчину.

Брина задрала его свитер, а затем и футболку, и вскоре ее руки уже гладили его горячую твердую плоть и нежные волоски.

— Включи свет, — сказала Брина. — Ты меня уже видел. Теперь моя очередь.

Глава шестая

Томас наклонился и подхватил Брину на руки.

— Я знаю подходящее место. — Он отнес ее на диван. — Возьми мой плащ.

Когда она выполнила его просьбу, он пронес ее через сумрак гостиной, а потом по коридору. Они очутились в темной комнате. Поставив Брину на пол, Томас нажал выключатель. Слепящий свет ударил в глаза, и Брина прижалась лицом к шее Томаса.

— Ой, прости, — произнес он, приглушив свет.

Когда ее глаза привыкли к полумраку, Брина оглядела огромную комнату. В центре стояла гигантская кровать с оливковыми и бежевыми полотняными покрывалами.

— Эта кровать просто огромная.

Томас взял свой плащ, улыбнувшись краешком губ.

— Да уж. Придется потрудиться, чтобы добраться от одного края до другого.

Он порылся в кармане плаща и достал оттуда упаковку презервативов.

— Ты всегда носишь их в кармане?

— Не-а. Я же сказал, мне понравилась твоя фут-

болка. Когда ты пошла к своим друзьям, — сказал Томас, бросая упаковку на подушку, — я направился в аптеку.

— Ты был настолько уверен?

— В отношении тебя? — Томас заставил ее попятиться, пока ноги Брины не уперлись в край кровати. — Нет. Но я был бойскаутом, поэтому ко всему готов.

Брина села на кровать, и Томас присел перед ней, помог снять сапоги и носки и отшвырнул их прочь. Его собственная обувь последовала за ними.

— Раздевайся, Брина, — сказал Томас, падая вместе с девушкой на середину кровати, а затем перекатываясь так, чтобы Брина оказалась на нем сверху. — Давно хотел это сказать.

Брина села на бедра Томаса, взялась за край своей футболки, медленно стянула ее через голову, затем швырнула на пол и тряхнула волосами, разбрасывая их по плечам. Она посмотрела на Томаса, в его лицо, в его синие глаза, горящие огнем желания. Брина через джинсы чувствовала его возбуждение, и это заставляло ее хотеть большего. Того, что он мог ей дать, прикосновений горячей плоти. Брина склонилась к нему, и Томас взялся за застежку лифчика и расстегнул

ее одним движением, а затем накрыл ее груди своими ладоням. Брина просунула руки под его футболку и погладила ладонями живот над поясом джинсов. Томас шумно вздохнул.

— У тебя куда больше волос, чем было в школе. — Брина провела руками по мускулистому животу вверх, к груди. Теперь в нем нельзя было узнать того худощавого мальчика. — И ты стал еще чуть выше и больше.

Томас схватил девушку за талию, перекатившись так, чтобы она оказалась на спине, а он сверху.

— Я вырос кое-где еще. — Он стянул через голову свитер и футболку и швырнул их на пол. — Угадай где, Брина.

— Мы что, играем в угадайку?

— А что, разве ты не хочешь посмотреть?

Брина кивнула, гладя его бедра, талию и крепкий мускулистый живот. Короткие черные волосы росли у него на груди, тонкая полоска спускалась к пупку. В приглушенном свете спальни глаза Томаса, казалось, сияли. Сердце Брины трепетало.

Томас опустил лицо к ее правой груди.

— Мы будем играть в «Я покажу, если ты покажешь». — Он ласкал ее сосок языком, пока тот не

затвердел, а затем обхватил его губами.

Брина запустила руку в волосы Томаса. Удовольствие было таким сильным, а его рот таким жарким, что она выгнулась ему навстречу, спустившись руками к его талии и бедрам. Томас поцеловал ее между грудей, обжигая ее кожу своим дыханием. Затем он привстал на коленях. Холодный воздух коснулся влажных сосков Брины, когда она протянула руку к пуговице на его джинсах. Опершись на локоть, девушка приподнялась и присела напротив бедер Томаса. Расстегнув все пять пуговиц, она поцеловала его в пупок.

Томас глубоко вдохнул, затаив дыхание. Брина продолжала целовать его живот у самого края плавок.

— Я где-то читала, — прошептала она, положив руки на талию Томасу и просовывая их под его джинсы и белье, — что женщина не должна ласкать мужчину ртом на первом свидании.

Ее руки нащупали его ягодицы и сжали их.

— А это не первое наше свидание, — хрипло ответил Томас.

Брина медленно приспустила его джинсы и трусы и воззрилась на густо поросшую волосами промежность.

— В статье сказано, что это отпугнет мужчину и он больше не позвонит. — Брина подняла глаза на Томаса и спросила: — Ты испугался?

Он покачал головой.

— Я боюсь только, что ты уйдешь.

— Хороший ответ, — сказала Брина и опустилась ниже, чтобы было удобнее делать то, что не рекомендовала статья.

Томас застонал. Ее язык облизывал и дразнил его, пока мужчина не оттолкнул девушку. Томас тяжело дышал, а его синие глаза затопило желание. Он сорвал джинсы с себя, а затем с нее.

Твердые соски Брины прижимались к его груди, их ноги переплелись, его губы жадно впились в ее рот. Их разгоряченные тела прижимались друг к другу в страстных объятиях. Томас скользнул рукой по телу Брины, добравшись до ее лона и коснувшись пальцами влажной плоти. Девушка гортанно застонала.

— А что в твоей статье написано о женщинах? — спросил он, оторвавшись от губ Брины. — Их тоже может напугать оральный секс?

Лишь через несколько секунд Брина поняла, о чем он спрашивает. Она хотела испытать оргазм, когда Томас будет в ней, а не сейчас, от его решительных пальцев. Она сжала бедра, останавливая

его движения.

— Об этом там ничего не написано. — Брина облизнула влажные губы. Язык ее почти не слушался, и ее голос прозвучал глухо, когда она сказала: — Займись со мной любовью.

Она потянулась за упаковкой с презервативами, повалила Томаса на бок и натянула презерватив.

— Может быть больно, — сказал Томас, входя в нее.

Едва он проник в нее, как Брина не смогла сдержать стон удовольствия. Томас упирался локтями в кровать, обхватив лицо Брины ладонями, и двигался внутри нее, глядя девушке в глаза. Он стимулировал именно ту точку, где находился центр удовольствия, сводя ее с ума. С каждым толчком наслаждение было все ближе.

Руки Брины скользнули по его спине к ягодицам.

— Быстрее, — шепнула она, двигаясь Томасу навстречу, пока он проникал в нее глубже, быстрее, сильнее.

От жара и страсти ее нервы звенели как натянутые струны. Также обхватив его лицо ладонями, она взглянула Томасу в глаза.

— Томас, — простонала Брина в такт его все бо-

лее и более сильным толчкам, — я люблю тебя.

Она охнула, когда волны наслаждения прошли по ее телу, наполняя ее острыми, ни с чем не сравнимыми ощущениями. Они прокатывались вновь и вновь, и ее лоно сжималось, обхватывая его естество. Томас продолжал входить в нее, толкая к изголовью кровати.

Затем его пальцы сжались и Томас издал первобытный рык, который, казалось, длился вечно.

— Брина, — сказал он, тяжело выдохнув, когда его бедра прекратили движение. Он смотрел девушке в глаза, тяжело дыша, затем проник в нее еще раз и остался внутри. — Ты в порядке?

Брина была более чем в порядке.

— Со мной все отлично, — улыбнулась она.

— Да, это точно, — согласился Томас, поцеловав девушку в переносицу и в нос. — Ничего не натерла?

Брина запрокинула голову, увидев опасную близость изголовья.

— Не заметила.

— Через минуту я могу это проверить, — сказал Томас, вставая. — Сейчас вернусь.

Он пошел в ванную. Брина, перекатившись на живот, прижалась щекой к холодной полотняной ткани. Она сказала ему, что любит его. А он

ничего ей не ответил.

— Эй! — крикнул Томас из соседней комнаты. — Если ты голодна, можем поискать в баре. Тут есть кое-что вкусненькое.

И они поискали. Они съели крекеры, сыр и открыли банку консервированной ветчины. На десерт были трюфели и орехи макадамии в шоколаде. Затем Брина и Томас занимались любовью на полу возле бара и в джакузи, погрузившись в горячую воду.

Томас не говорил ей «люблю», но касался ее так, как будто это было правдой, когда осторожно вытирал ее полотенцем и расчесывал ей волосы.

Когда он говорил это слово, он употреблял его в предложениях вроде «Всегда любил твои волосы. Я могу делать это бесконечно» или «Я люблю свой дом в Аспене. Он великолепен».

Где-то в четыре часа утра Томас провел Брину в ее комнату.

— Уверена, что не хочешь вернуться со мной в кровать? — спросил Томас, открывая дверь ее ключ-картой. — Я хочу спать вместе с тобой. — Он открыл дверь и зевнул. — Просто спать, обещаю.

И проснуться с растрепанной головой и неприятным запахом изо рта? Ни в коем случае.

— Позвони мне, когда проснешься, — сказала

Брина, гладя ладонями его грудь и поднимаясь на цыпочки.

Ее сердце билось часто-часто, когда она обняла Томаса за шею и поцеловала его на ночь. Никогда раньше она не чувствовала себя такой счастливой. Возможно, потому, что никого не любила так, как Томаса Мака.

Когда Брина проснулась утром, экран ее телефона мерцал. Было одиннадцать тридцать, и Томас ей еще не звонил. Наверное, он спал.

Она взяла трубку и включила автоответчик, а затем упала головой на подушку и стала слушать.

— Брина, это Томас. Кое-что случилось, и мне нужно немедленно уехать. Сейчас шесть тридцать, и я не хотел тебя будить, но… Слушай, я еду в Денвер и сяду на самолет, летящий в Палм-Спрингс. Не знаю, когда… — Он вздохнул. — Я свяжусь с тобой, когда смогу.

Брина прослушала сообщение еще трижды. Он уехал. Просто уехал. Даже не постучался в ее дверь, чтобы поговорить с ней. Уехал, не сказав, когда она снова его увидит. Не сказав, что любит ее, не поцеловав на прощанье.

Брина убрала с лица прядь волос и натянула джинсы. Позвонив на ресепшн, она спросила, не

оставил ли Томас для нее сообщения.

Нет, не оставил.

Надев джинсы и свитер, она взяла свою ключ-карту и пошла по коридору. Дверь в номер Томаса была открыта. Внутри стояла тележка горничной. Брина вошла в номер и огляделась. Мебель была отполирована, ковер вычищен, а бар снова наполнен. Брина направилась в спальню и замерла. Две горничные меняли простыни на кровати.

Здесь не осталось ничего, что напоминало бы о Томасе: ни его одежды, ни простыней, на которых он спал, ни полотенец, которыми он вытирал ее.

— Я могу вам помочь? — оглянулась одна из горничных.

— Нет, спасибо. — Брина покачала головой, отвернувшись.

Он и правда уехал. До этого момента, сама не отдавая себе в этом отчета, она надеялась, что это не так, что это какая-то ошибка. Что Томас ждет ее в этой комнате.

Брина вернулась к своему номеру и вставила карту в замок. Томас сказал, что летит из Денвера в Палм-Спрингс. Там живут его бабушка с дедушкой. Наверное, что-то случилось.

«Я свяжусь с тобой, когда смогу», — сказал он.

Брина села на край кровати, уставившись на

неработающий телевизор. Она вспомнила, как умерла собака Томаса, Скутер, и как он пытался держать себя в руках. Томас не плакал, хотя она видела, что ему хотелось разрыдаться. Он старался не подавать виду, но его щеки раскраснелись. Тогда ему не нужна была помощь Брины. Не нужна была она ему и теперь. Если бы это было не так, Томас по крайней мере оставил бы номер телефона, по которому Брина могла бы до него дозвониться.

Конечно, она могла бы выследить его. В конце концов, именно этим она зарабатывала на жизнь. Можно было бы спуститься по лестнице и попросить у Минди копию его регистрационной формы. Но тогда Минди поняла бы, что Томас не оставил Брине ни адреса, ни номера телефона, а с таким унижением она не желала мириться. Ей отчаянно хотелось поговорить с ним, но гордость не позволяла ей этого сделать.

Целый день ушел на то, чтобы выяснить адрес Томаса в Аспене. Брина помнила некоторые цифры номера его джипа и несколько раз связывалась с автотранспортной инспекцией Колорадо, прежде чем узнала то, что хотела. Теперь ей был нужен номер его телефона. Поскольку Брина жила в Орегоне, ей нельзя было просто пойти в местную

телефонную компанию и посмотреть их файлы. Брина не знала никого из телефонной компании в Аспене, и ей пришлось бы получать на это судебное разрешение.

Тогда она попыталась отыскать дедушку и бабушку Томаса — и это сработало. Она не только нашла их имена в телефонном справочнике, но и поговорила с работниками местных больниц и больниц в Палм-Спрингс. Как выяснилось, дедушку Томаса перевели в больницу в городке Ранчо Мираж.

На третий день после встречи одноклассников у Брины уже были адрес и телефон не только его дедушки и бабушки, но и его самого. «Я свяжусь с тобой, когда смогу», — сказал он. Но Брина полагала, что он солгал. Он отшил ее!

Его номер телефона лежал в папке у нее на столе рядом со стопкой текущей документации. Откинувшись в кресле, Брина посмотрела в окно офиса. На улице шел дождь. Итак, что же изменилось?

Капли били по стеклу и стекали вниз, выводя странные узоры, скапливались на металлическом карнизе. Теперь, когда Брина получила всю необходимую информацию, у нее не было ни малейшего желания ею воспользоваться. Прошло

три дня, а Томас не попытался с ней связаться. Она проверяла свой домашний автоответчик каждые полчаса, и тот факт, что у него не было ее телефонного номера, Брину не останавливал. Она проинструктировала секретаршу, чтобы та сразу переводила звонок в ее рабочий кабинет, если позвонит мужчина. И всякий раз, когда звонил телефон, сердце выпрыгивало у Брины из груди. Но это был не Томас.

Девушка сбросила туфли на каблуках и босиком подошла к столу. Она решила поработать над делом, которое сейчас вела, коллективным иском рабочих. Но, прочитав всего два абзаца отчета, она поняла, что ее мысли возвращаются к Томасу.

Брине было страшно. Еще никогда в жизни ей не было так страшно. Что, если он больше не захочет с ней разговаривать? Что, если он ничего к ней не испытывает? У Брины случались чудовищные перепады настроения: то у нее учащался пульс при воспоминании об их поцелуе, то она впадала в тоску при мысли о том, что больше никогда не увидит Томаса. Брина погрязла в эмоциональном хаосе и не знала, что теперь делать. То она думала, что нужно позвонить ему, то напоминала себе о его словах. «Я свяжусь с тобой,

когда смогу», — сказал он.

— Я надеялся, что ты мне поможешь. — Чей-то голос отвлек ее от мыслей.

Брина медленно закрыла папку и подняла голову. И взглянула в синие глаза Томаса. Ее сердце остановилось. На нем была черная водолазка и темно-серый пиджак. В руках он держал три маленьких букета роз — красный, белый и желтый.

— Помогу тебе в чем?

Он прошел в ее кабинет и остановился у стола.

— Я надеялся, что ты сможешь помочь мне найти кое-кого.

— Кого?

— Девочку, с которой я учился в школе. Она бросила меня ради одного придурка, но я решил дать ей шанс все исправить.

Брина старалась не улыбаться. Он был тут, в ее кабинете. Теперь в ее жизни все наладится. Ей на глаза навернулись слезы.

— Что ты задумал? Это легально?

— Не уверен насчет южных штатов.

Встав, она обошла стол.

— Как ты меня нашел?

— Я позвонил Минди Бертон.

Ну конечно.

— Как твой дедушка?

— Не очень. — Томас нахмурился. Какими же красивыми были его синие глаза! — Но я не хочу говорить об этом прямо сейчас. Если ты не против, обсудим это позже. Сейчас мне хотелось бы поговорить кое о чем очень важном для меня. Я хочу поговорить о нас. — Он протянул ей цветы. — Продавец сказал мне, что красные розы символизируют страстную любовь, белые — любовь истинную, а желтые — дружбу. Вот я и купил все три букета.

Брина поднесла цветы к лицу и вдохнула их аромат.

— Они великолепны, Томас. — Она сморгнула, чтобы не расплакаться. — Спасибо тебе.

— Вначале мы были друзьями, потом — любовниками. Я хочу, чтобы мы оставались и друзьями, и любовниками.

Брина опустила цветы на стол и бросилась ему в объятия.

— Я тоже этого хочу!

— Помнишь ту субботу, когда я сказал тебе, что мы не знаем друг друга?

Кивнув, Брина спрятала лицо у него на груди. Она глубоко вздохнула. Вдохнула запах мужчины, которого любила всем сердцем.

— Это было и осталось ложью. Я знаю тебя, Бри-

на. Я знаю, когда ты расплачешься, и знаю, когда рассмеешься. Знаю, что сделает тебя счастливой, что опечалит, а что разозлит. Прошло десять лет, но я по-прежнему знаю тебя. — Томас поцеловал ее в макушку. — И я скучал по тебе.

— Я тоже скучала по тебе. — Брина подалась вперед и нежно коснулась его губ.

Томас опустил ладони ей на щеки, отстраняясь.

— Но мне нужны не только любовь и дружба. Я говорил себе, что пришел на встречу одноклассников вовсе не потому, что хотел увидеть тебя. Но на самом деле именно так и было. Я солгал об этом. И о розах тоже солгал. Белые розы — это не просто истинная любовь. Это истинная любовь в браке. — Он заглянул в ее глаза. — Я хочу быть с тобой. Всегда. Я люблю тебя.

Брина больше не могла сдерживать слезы.

— Я тоже люблю тебя.

Томас смахнул слезинки с ее ресниц.

— Мне нужно было это услышать.

— Но я же сказала тебе, что люблю тебя, еще тогда, ночью. Разве ты не слышал?

— Да. — Он улыбнулся. — Но тогда мы занимались любовью и я не знал, говоришь ты серьезно или просто… Ну, знаешь… в порыве чувств.

— Я говорила серьезно.

Он медленно наклонил голову и коснулся ее губ поцелуем — вначале нежным, но уже через три секунды ставшим страстным. Словно чтобы удостовериться в том, что он здесь, Брина обняла его покрепче.

Томас отстранился и глубоко вздохнул.

— Моя жизнь превратилась кошмар. Мой дедушка умирает, и я ничего не могу с этим поделать. Мне приходится сидеть рядом с ним и смотреть, как он медленно уходит. Все, чем я владею, находится в Колорадо, а я сейчас живу у бабушки в Палм-Спрингс. А еще я сейчас безработный. Я ни в чем не уверен в этой жизни, кроме своих чувств к тебе. Ты единственное, что кажется мне настоящим. Я знаю, это может прозвучать странно, но я все равно спрошу. Ты поедешь со мной?

— Куда? — изумленно спросила Брина.

— Сейчас — в Палм-Спрингс. А потом — кто знает. Куда захочешь.

— Когда? — Брина подняла брови.

— Прямо сейчас. Сегодня. Или завтра. Или на следующей неделе. Или в следующем месяце. — Томас покачал головой. — Когда сможешь. Я прошу тебя выйти за меня замуж. Быть со мной

отныне и навсегда. Я знаю, что это решение может показаться поспешным и иррациональным, но я люблю тебя с первого класса.

Брина улыбнулась. Это решение не казалось ей поспешным и иррациональным.

— Я буду тебе другом, любовницей и женой. Я выйду за тебя. Сегодня. Или завтра. Или на следующей неделе. Или в следующем месяце. — Она прижалась лбом к его лбу. — Я хочу быть с тобой. Отныне и навсегда.